

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2021 9 (851)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

9

выпуск 851

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

9

Issue 851

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Бубнова Г. И., д-р филол. наук, проф. (МГУ им. М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф. (РУДН)
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Глушак В. М., д-р филол. наук, проф. (МГИМО)
Голубина К. В., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Егорова О. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев, д-р ист. наук, проф.
(Федерации дружбы с народами России и СНГ, Болгария)
Захарова Н. В., канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник (ИМЛИ РАН)
Зусман В. Г., д-р филол. наук, проф. (НИУ «Высшая Школа Экономики» в Н. Новгороде)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Космарская И. В., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Малыгина И. В., д-р философ. наук, проф. (МГЛУ)
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Семина И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Силантьев Р. А., д-р истор. наук (МГЛУ)
Сомова Е. В., д-р филол. наук, доц. (МПГУ)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф. (Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина)
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф. (Минский гос. линг. ун-т, Беларусь)
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
(Свободный университет, Амстердам, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Янулевичене В., д-р филол. наук, проф. (Университет им. М. Ромериса, Вильнюс, Литва)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЯЗЫК И СОЦИУМ: ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

НОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Н. Н. Германова 11

РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ТОТАЛИТАРНЫХ ГОСУДАРСТВ

В. М. Костева 23

ЖЕНЩИНЫ В ЛИНГВИСТИКЕ XIX ВЕКА: К ОСНОВАНИЯМ ЛИТОФАНИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

О. А. Радченко 36

МОНОЯЗЫЧИЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУКИ

Н. Н. Трошина 48

НАРОД И ЯЗЫК: РАВНОЗНАЧНОСТЬ ИЛИ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ?

Г. Т. Хухуни, И. И. Валуйцева 59

ТЕКСТ И ДИСКУРС

ОБ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Е. Е. Анисимова 71

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИГРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГИПЕРНАРРАТИВА

Е. Ф. Косиченко, А. Д. Полтавская 85

ГЕНДЕРНЫЙ КОНФЛИКТ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ПОЛИТИКА (на материале англо- и русскоязычной политической рекламы)

Е. П. Мурашова 97

ВОССОЗДАНИЕ СМЫСЛОВОЙ ДОМИНАНТЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ <i>В. А. Мягкова</i>	111
--	-----

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В ЯЗЫКЕ ТЕЛЕДЕБАТОВ ДЖ. БАЙДЕНА И Д. ТРАМПА <i>Е. Ю. Цветаев</i>	123
--	-----

ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ПРЕЦЕДЕНТНАЯ НОМИНАЦИЯ В СОСТАВЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ XYZ <i>А. А. Бухарова</i>	135
---	-----

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПРИ ТРАНСФЕРЕ VERBA DICENDI В ЯЗЫК ИСКУССТВА <i>Е. И. Мальцева</i>	148
--	-----

МЕХАНИЗМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ <i>Н. Е. Назарова</i>	162
--	-----

ЯЗЫКИ МИРА: УСТРОЙСТВО И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ КОМПОНЕНТОВ СЕРИАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (на материале удмуртского языка) <i>Н. А. Козловцева</i>	174
---	-----

ВЫРАЖЕНИЕ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ (на материале русского и китайского языков) <i>Пэй Сянлинь</i>	190
---	-----

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОРАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ «КУЛЬТУРНОСТЬ» В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ КИТАЯ <i>Цюй Юнь</i>	203
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПОРТРЕТ В РОЛИ «СВИДЕТЕЛЯ»

(на материале романов «Холодный дом» Ч. Диккенса
и «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда)

М. И. Крупенина 214

ЛИТЕРАТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ

М. Б. Раренко 228

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

РУССКОЯЗЫЧНАЯ И КИТАЙСКАЯ БЛОГОСФЕРА КУЛЬТУРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В. М. Костева, Лю Юйхань 238

АКТУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Е. Ю. Перова 249

CONTENTS

LINGUISTICS

LANGUAGE AND SOCIETY: VECTORS OF INTERACTION

LANGUAGE STANDARDIZATION AND LINGUISTIC CONFLICTOLOGY <i>N. N. Guermanova</i>	12
SPEECH PRACTICES AS A TOOL OF THE LANGUAGE POLICY OF TOTALITARY STATES <i>V. M. Kosteva</i>	23
WOMEN IN THE 20 TH CENTURY LINGUISTICS: TOWARDS A LITHOPHANIC HISTORIOGRAPHY OF THE LANGUAGE SCIENCES <i>O. A. Radchenko</i>	36
LINGUISTIC DIMENSION OF THE INTERNATIONALIZATION OF SCIENCE <i>N. N. Troshina</i>	48
ETHNOS AND LANGUAGE: EQUIPOLLENCY OR INTERSECTION? <i>G. T. Khukhuni, I. I. Valuytseva</i>	59

TEXT AND DISCOURSE

ON ASPECTS OF STUDYING RELIGIOUS DISCOURSE IN DOMESTIC LINGUISTICS <i>E. E. Anisimova</i>	71
LITERARY AND GAME PROPERTIES OF HYPERNARRATIVE <i>E. F. Kosichenko, A. D. Poltavskaya</i>	85
GENDER CONFLICT IN THE FORMATION OF A POLITICIAN'S IMAGE (an analysis of English and Russian political advertising) <i>E. P. Murashova</i>	97

RENDERING THE DOMINANT MEANING IN TRANSLATION: THE PSYCHOLINGUISTIC ASPECT	
<i>V. A. Miagkova</i>	111
CONCEPTUAL MODELS IN THE 2020 US PRESIDENTIAL DEBATES	
<i>E. Yu. Tsvetaev</i>	123

LEXIS AND SEMANTICS

PROPER NAMES AS PRECEDENT NOMINATIONS WITHIN THE XYZ CONSTRUCTION	
<i>A. A. Bukharova</i>	135
SEMANTIC PROCESSES IN THE TRANSFER OF VERBA DICENDI INTO THE LANGUAGE OF ART	
<i>E. I. Maltseva</i>	148
THE EMERGENCE OF NEOLOGISMS IN MODERN AMERICAN MILITARY-POLITICAL DISCOURSE	
<i>N. E. Nazarova</i>	162

LANGUAGES OF THE WORLD: STRUCTURE AND DISCURSIVE PRACTICES

LEXICAL COMBINABILITY OF COMPONENTS OF SERIAL CONSTRUCTIONS (on the material of the Udmurt language)	
<i>N. A. Kozlovtseva</i>	174
EXPRESSION OF NEGATIVE EVALUATION AS A COMPLEX MULTIPURPOSE SPEECH ACT (based on Russian and Chinese)	
<i>Pei Xianglin</i>	190
REPRESENTATION OF THE MORAL VALUE OF "CIVILITY" IN CHINESE SOCIAL ADVERTISING	
<i>Qu Yun</i>	203

LITERARY STUDIES

PORTRAIT AS A «WITNESS» (based on the novels «Bleak House» by Ch. Dickens and «The Picture of Dorian Gray» by O. Wilde)	
<i>M. I. Krupenina</i>	214
LITERATURE AS A SOCIAL INSTRUMENT	
<i>M. B. Rarenko</i>	228

CULTUROLOGY

RUSSIAN AND CHINESE CULTURAL BLOGOSPHERE	
<i>V. M. Kosteva, Liu Yuhan</i>	238
ACTUAL STRATEGIES IN THE FIELD OF CULTURAL HERITAGE PROTECTION	
<i>E. Yu. Perova</i>	249

ЯЗЫК И СОЦИУМ: ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Научная статья

УДК 81.26, 81.272

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_11

НОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Н. Н. Германова

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, nata-germanova@yandex.ru

Аннотация. Автор рассматривает нормирование языка как источник конфликтов на языковой почве. Это касается, прежде всего, нормирования миноритарных языков с неопределенным социолингвистическим статусом и проведения языковых реформ. Показано, что языковое строительство, например, проведение орфографической реформы, часто выступает инструментом языковой политики, что в ряде случаев затрудняет разделение конфликтов на межязыковые и внутриязыковые. В обоих случаях конфликты могут быть осложнены этнополитическими мотивами и протекать достаточно бурно, приводя к языковой агрессии.

Ключевые слова: языковая политика, языковое строительство, нормирование языка, лингвистическая конфликтология, социолингвистический статус языка, орфографическая реформа

Для цитирования: Германова Н. Н. Нормирование языка и лингвистическая конфликтология // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 11–22. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_11

Original article

LANGUAGE STANDARDIZATION AND LINGUISTIC CONFLICTOLOGY

N. N. Guermanova

Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow,
nata-germanova@yandex.ru

Abstract. The author discusses language standardization as a cause of conflicts on linguistic grounds. It happens, primarily, when idioms with a disputable sociolinguistic status are subjected to standardization and in case of language reforms. The author shows that corpus planning, e.g. spelling reforms, is often used as an instrument of status planning, which in some cases makes it difficult to draw a line between inter-ethnic and intra-ethnic conflicts. In both cases such conflicts typically involve political and ethnic considerations and result in verbal aggression.

Key words: status planning, corpus planning, language standardization, linguistic conflictology, sociolinguistic status of an idiom, spelling reform

For citation: Guermanova, N. N. (2021). Language standardization and linguistic conflictology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 11–22. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_11

Введение

В последние десятилетия лингвистическая конфликтология активно развивается как междисциплинарное направление исследований на стыке социолингвистики, юрислингвистики, экологии языка, социальной психологии языка, психологии общения и других дисциплин, связанных с рассмотрением причин возникновения, развития и разрешения конфликтов в языковой и речевой сфере. Среди них можно выделить конфликты, рассматриваемые в рамках микросоциолингвистики и макросоциолингвистики.

В первом случае предметом рассмотрения являются межличностные конфликты, возникающие преимущественно в результате коммуникативной агрессии, которая может принимать различные формы (демонстративное нарушение лингвопрагматических принципов кооперации и вежливости и / или стереотипов поведения в рамках определенной социальной роли, использование обценной лексики и т. п.).

Во втором случае речь идет о языковых конфликтах в сфере языковой политики и языкового строительства, то есть о столкновениях

между языковыми сообществами, в основе которых лежат те или иные проблемы, связанные с языком.

Именно конфликты второго рода составляют предмет рассмотрения в данной статье. Целью статьи является описание основных типов конфликтов, возникающих в результате нормализаторской деятельности (о других типах межэтнических языковых конфликтов см.: Т. Б. Крючкова (1994); В. Ю. Михальченко (2014); Н. Б. Мечковская (2015); Н. Н. Трошина (2020)). На первый взгляд, утверждение о том, что нормирование языка может спровоцировать или углубить конфликт на языковой почве, является парадоксальным: нормирование языка изначально направлено на то, чтобы разрешить проблемы, возникающие в общественно-речевой практике. Нормализаторы языка проводят орфографические реформы, составляют словари, грамматики, орфоэпические справочники и т. п.; казалось бы, такая деятельность, направленная на укрепление языковых норм, поднимает статус языка, облегчает коммуникацию, укрепляет культуру речи и должна быть поддержана общественностью. Однако, как будет показано ниже, поскольку нормирование языка приводит к изменению дискурсивных практик и часто влечет за собой изменение языковой ситуации, оно, разрешая одну проблему, провоцирует возникновение других. Эти конфликты нередко протекают весьма бурно, вовлекая в свою сферу политиков, лингвистов и рядовых носителей языка, и порой принимают форму откровенной языковой агрессии с наклеиванием ярлыков, употреблением уничижительной лексики и т. п.

Конфликты, связанные с нормированием языка, можно подразделить на межэтнические (межъязыковые) и внутриэтнические (внутриязыковые). В первом случае предпосылкой для возникновения конфликта является укрепление позиций и повышение статуса языкового идиома за счет расширения его социальных функций в результате графизации, модернизации и функциональной диверсификации, к которым приводит кодификация языковых норм. В тех случаях, когда кодификации подвергается бывший диалект, распространенной стратегией является подчеркивание его незначительных, на первый взгляд, отличий от доминирующего языка. Изменение дискурсивных практик и укрепление позиций миноритарных языков может вызвать сопротивление носителей других языков, которые могут видеть

в этом угрозу собственному языку. Такого рода конфликты имеют очевидную геополитическую подоплеку.

Внутриязыковые конфликты разворачиваются вокруг рекомендаций лингвистов, связанных с проблемами культуры речи или орфографическими реформами. На первый взгляд, они лишены политической мотивации, хотя при более пристальном рассмотрении за ними часто можно также обнаружить определенные мировоззренческие, а в некоторых случаях и политические позиции.

Нормирование языка и межэтнические конфликты

Кодификация языковых норм может приводить в одних случаях к укреплению позиций языка как самостоятельного идиома, а в других, подчеркивая его близость к нормам другого языка, низводит его до уровня диалекта. Поскольку язык активно участвует в процессах этногенеза, то укрепление его позиций препятствует растворению его носителей в другом, более многочисленном, экономически и политически более мощном этносе, что вызывает прямо противоположные реакции у заинтересованных сторон. В этих случаях межъязыковой конфликт перерастает в межэтнический, поскольку наличие самостоятельного языка способствует формированию чувства этнической идентичности у его носителей. При этом нормализаторская практика не является непосредственным источником конфликта, но высвечивает и активизирует уже существующие этнополитические противоречия.

Характерным примером межъязыкового конфликта, который напрямую связан с проблемой этнической идентичности, является борьба вокруг признания молдавского языка отдельным языком или диалектом румынского языка. В отечественной лингвистике молдавский рассматривается как самостоятельный язык, в то время как зарубежной науке он обычно трактуется как диалект румынского; в среде румынских лингвистов эта трактовка является единственной. Особую остроту этому конфликту придают политические мотивы, связанные с выбором Молдавией своего геополитического пути. В современной Молдавии ситуация остается неоднозначной даже с юридической точки зрения. По Конституции 1989 года государственным языком провозглашен молдавский (на основе латинской графики). Однако в том же году была принята Декларация о независимости Республики Молдова, в которой государственным языком

назван румынский. В 2013 году Конституционный суд Республики Молдова признал приоритет Декларации о независимости Республики Молдова над Конституцией, то есть квалифицировал язык, на котором говорят жители Молдавии, как румынский. По опросам социологов, большинство жителей Молдавии, особенно в сельской местности, считают родной языком молдавским, в то время как жители Кишинева – румынским. Молдавским, а не румынским, считают родной язык и жители Приднестровья.

В этих условиях шаги по кодификации норм молдавского языка вызывают противоречивую оценку. Так, крайне негативную реакцию румынских и многих молдавских лингвистов вызвало издание в 2003 году молдавско-румынского словаря («Dicționar Moldovenesc – Românesc») лингвиста, публициста и политика В. Стати, являющегося активным противником румынизации молдавского этноса и языка.

Словарь В. Стати, насчитывающий 19.000 словарных статей, продолжил лексикографическую традицию, начало которой уходит в советские годы, когда в 1965 году был опубликован четырехтомный орфографический словарь, а в 1977–1985 годах – двухтомный толковый словарь молдавского языка. В советские годы были также опубликованы этимологический словарь молдавского языка (1978) и молдавско-русские и русско-молдавские словари. В этих изданиях молдавский язык трактовался как самостоятельный идиом, а орфографический словарь, стоявший в начале этой лексикографической цепочки, закреплял правописание молдавских слов на кириллице.

Словарь В. Стати навлек на себя резкую критику румынских лингвистов, крайне негативной оказалась и реакция Института языкознания Молдавской академии наук, назвавшей словарь «абсурдом, служащим политическим целям». Дело дошло до демонстративного сожжения словаря на ступенях резиденции Президента Молдовы неким сторонником единого румынского языка. В. Стати, в свою очередь, называет позицию своих противников «этноязыковым гитлеризмом в румынских одеждах» и пишет о «румынском жульничестве», о «подлых атаках со стороны вездесующегося румынства» и «подлой, экспансионистской румынской политической кампании по разрушению этноисторических основ Молдавского Государства»¹.

¹ Стати В. Дьявольская сила молдавского языка. AVA.MD. 2015, 25.08. URL: <https://ava.md/2015/08/25/d-yavol-skaya-sila-moldavskogo-yazyka/>

Еще один пример языкового конфликта, связанного с нормированием идиома с неоднозначным лингвистическим статусом, дает история кодификации валенсийского языка [Lledo 2010]. Кодификация норм валенсийского языка началась после 1977 году в связи с децентрализацией государственной политики Испании. После 1983 года, когда требование преподавать валенсийский язык в учебных заведениях было законодательно закреплено, а преподавателей обязали сдавать экзамен на знание валенсийского языка, появился целый ряд изданий, призванных кодифицировать его нормы.

Однако кодификаторы заняли противоположные позиции. В то время как Королевская академия валенсийской культуры (Real Acadèmia de Cultura Valenciana, сокр. RACV) поддерживает самобытность валенсийского языка, Валенсийская академия языка (Acadèmia Valenciana de la Llengua, сокр. AVL) рассматривает его как диалект каталанского языка. Такую же позицию занимают, в своем большинстве, и официальные круги Валенсии, а также Королевская академия испанского языка. В связи с обострением политической ситуации в Каталонии проблема все более приобретает политическую окраску: признание валенсийского языка диалектом каталанского фактически означает признание Валенсии частью Каталонии и усиливает позиции Каталонии в борьбе за выход из Испании.

На лингвистическом поле настоящая битва разгорелась вокруг орфографии. В 1979 году RACV разработала орфографический стандарт, известный как *Les Normes del Puig*, который был воспринят обществом как символ этнической идентичности. Однако с 1998 года, когда была создана AVL, *Les Normes del Puig* были заменены новым орфографическим стандартом, разработанным AVL, который был гораздо ближе к каталанскому. Этот стандарт существенно потеснил *Les Normes del Puig* в социально значимых коммуникативных сферах, однако за орфографию, разработанную RACV, продолжают бороться сторонники самостоятельного валенсийского языка.

Таким же образом различаются и прескриптивные грамматики, созданные RACV и AVL. Наиболее «сексессионистской» признана разработанная RACV «Новая грамматика валенсийского языка» («Nova gramatica de la Llengua valenciana», 2015), которая фиксирует как нормативный стандарт ряд грамматических особенностей валенсийских диалектов (в частности, в системе артикля) (сравнение различных грамматик валенсийского языка см. в: [Brumme 2020]).

О накале страстей вокруг статуса валенсийского языка свидетельствуют обращение в ЕС сторонников валенсийского как независимого языка¹ и размещенная на сайте change.org петиция «Валенсия – это не Каталония»². В обращении к ЕС стирание различий между валенсийским и каталанским языками характеризуется как социальная дискриминация носителей миноритарного языка и нарушение лингвистических прав, несовместимое с современными демократическими стандартами. Авторы пишут о пагубных последствиях политической и идеологической ангажированности AVL и призывают восстановить стандарты RACV, вернуть этой организации официальные функции. Авторы еще более эмоциональной петиции «Валенсия – это не Каталония» пишут об «унижении», «краже» и «культурном геноциде» и требуют закрытия AVL, возврата к орфографическому стандарту *Les Normes del Puig* и создания новой «подлинной» Академии языка или, по крайней мере, передаче всех функций по нормированию языка RACV.

Примеры подобного рода показывают, что языковое строительство нередко выступает как инструмент геополитики и не может рассматриваться в отрыве от нее.

Вопросы культуры речи как источник внутриэтнических языковых конфликтов

В случае внутриязыкового конфликта на почве нормирования языка его непосредственным источником оказывается выбор опорного диалекта в ходе нормализации языка, публикация некоторого нормативного сочинения или проведение орфографической реформы, неоднозначно оцениваемых общественностью. Политические мотивы при этом отступают в тень, хотя часто также присутствуют. Хотя обычно считается, что внутриязыковые конфликты протекают

¹URL: The European Charter for Regional or Minority Languages of the Council of Europe and the Valencian language: the point of view of the discriminated Valencian speakers // Academia. 2018, 09.10. <https://a.academia-assets.com/assets/academia-logo-redesign-2015-45ae31566d1421084023fae986d81b06469982455d4be698a5226a904e7836a9.svg>.

²URL: València is not Catalonia // Change.org. 2018. 27.03. change.org/p/rescatemos-lanormativa-genuina-valenciana-desmontemos-los-paises-catalanes-evitemos-la-ruptura-de-españa/u/22558598

в более мягкой форме, их участники нередко выходят за рамки академического стиля (особенно, если в конфликте участвуют не только лингвисты).

Вопросы культуры речи могут провоцировать конфликты, и это хорошо известно из повседневной практики. У большинства людей есть «нелюбимые» словечки или обороты, которые вызывают раздражение. Многочисленные примеры такого рода приводит М. Кронгауз [Кронгауз 2007]. С другой стороны, раздражение могут вызвать и назойливые замечания и поправки со стороны ревнителей чистоты языка.

Однако дискуссии вокруг проблем культуры речи часто выходят за рамки межличностных конфликтов. Так, одним из источников конфликта в лингвистической среде могут стать противоположные точки зрения «дескриптивистов» и «прескриптивистов» на целесообразность и саму возможность нормирования языка. Многих современных западных лингвистов отличает негативное отношение к нормированию языка, которое рассматривается как форма легитимации социального неравенства (кодифицированные языки выступают как атрибуты власти); как результат игнорирования неизбежности языковой эволюции, то есть отражение ненаучного, «обывательского» подхода к языку; как стандартизация языка, подавляющая креативность и возможность самовыражения говорящих. Нормализаторов упрекают в обеднении языка из-за ограничения варьирования, в продвижении диалекта социальной элиты или, напротив, в создании лингва-франка – бесцветного языка-посредника, неспособного стать средством самовыражения, в формировании у носителей языка чувства неуверенности и вины за ошибки в употреблении. Сторонники строгих речевых норм, в свою очередь, обвиняют лингвистов-дескриптивистов в расшатывании языковых норм и порче языка.

В этом плане показательна дискуссия, расколовшая американское общество после публикации в 1961 году третьего издания словаря Вебстера (The Third New International Dictionary). Его особенностью был дескриптивный уклон, проявившийся в отказе от помет оценочно-нормативного характера (например, форма *ain't* давалась без указания на ее субстандартное употребление) и подбор примеров не только из классической, но и современной литературы (часть которой была объявлена критиками словаря бульварной). В то время как лингвисты высоко оценили это издание, журналисты обрушились на него с резкой

критикой. Пресса писала об упадке ценностей, стирании границ между добром и злом и даже о подрывной большевистской деятельности издателей словаря (словарь назвали «третьим большевистским интернационалом») [Finegan 1980]. Словарь задел чувствительные струны американского общества – в начале 60-х годов Америка еще не до конца отошла от маккартизма и поисков «подрывных элементов», а формирующаяся молодежная контркультура с ее вседозволенностью уже начала пугать консервативную часть общества.

Как было показано выше, весьма эмоционально воспринимаются обществом орфографические реформы. Они могут использоваться для укрепления этнической идентичности или, как это было в 1917–1918 годах в России, для укрепления социальной идентичности. Этнические и политические мотивы присутствовали в отказе от «наркомовки» и возвращении к «тарашкевице» в Белоруссии в 90-е годы XX века, в дискуссиях об орфографии языка скотс (разрыв или сохранение связей с Великобританией) и во многих других орфографических реформах [Германова 2018].

Такие случаи показывают, что граница между межъязыковыми и внутриязыковыми конфликтами в ряде случаев остается неоднозначной: даже тогда, когда речь идет о реформировании одного языка, влияние другого языка, от которого стремятся дистанцироваться или с которым хотят сблизиться реформаторы, определяет направление и успех реформы.

Но и в тех случаях, когда речь идет непосредственно об упрощении или упорядочении правописания, радикальные изменения «графического ландшафта» нередко вызывают сопротивление общественности. Это показывает, что в обществе складывается эмоциональная привязанность к старому письму; опасения вызывает перспектива потери связи с литературно-письменной традицией, расшатывание литературной нормы, а также необходимость переучиваться на новый лад.

Так, российская общественность отвергла проект орфографической реформы 1964–1965 годов прошлого века. Проект был радикальным: его авторы предлагали такие «экзотические» написания, как *ноч*, *вещ*, *огурци*, *заглаза*, *деревяный*, *жолтый*, *загарельый*, *жури* и т. п. Их целью была систематизация правописания за счет устранения разного рода исключений из правил (например, *заец* по модели *боец*, *индеец*). Реформу готовили лингвисты Института русского

языка АН СССР (в том числе М. В. Панов и А. И. Ефимов), в комиссию по ее разработке входили известные писатели, а возглавлял ее академик В. В. Виноградов. Ряд лингвистов до сих пор утверждают, что реформа была востребованной. Хотя проект получил определенную поддержку, в том числе учителей русского языка и ряда писателей (Виктора Шкловского, Корнея Чуковского, Льва Успенского), в целом вердикт общественности оказался отрицательным. Из писателей «против» выступили Вера Инбер, Леонид Леонов, Михаил Исаковский, Борис Заходер, Илья Сельвинский, Мариэтта Шагинян. Проект высмеивали в пародиях (*Возможно ли русское фонетическое письмо? Это нисуразнейший иссамых нисуразных вапросаф*), а пресловутый «заец» стал нарицательным. В итоге президиум Академии наук принял решение об отклонении проекта. Возможно, что за провалом реформы стояли и политические мотивы: проект поддерживал Никита Хрущев, а решение об отказе от него последовало вскоре после его отставки [Карпова 2010].

Заключение

Как показано выше, практика нормирования языка может выступать катализатором языковых конфликтов, как межъязыкового, так и внутриязыкового характера. В отличие от распространенного мнения о том, что внутриязыковые конфликты протекают достаточно мирно, приведенные выше примеры показывают, что и в этом случае вовлеченные в конфликт стороны (политики, лингвисты и общественность) могут проявлять вербальную агрессию, прибегая к навешиванию ярлыков, политическим обвинениям, использованию эмоционально окрашенной оценочной лексики, созданию пародий на предложения противников и другим агрессивным речевым тактикам.

Остро протекают межъязыковые конфликты, вызванные разработкой эндонорм для языковых идиомов с неоднозначным социолингвистическим статусом (самостоятельный язык, диалект или вариант языка). Дистанцирование от норм языков, доминирующих в данном идиоме, приводит к повышению статуса миноритарных идиомов и может существенно повлиять на языковую ситуацию. Языковой вопрос часто используется в геополитической борьбе для обозначения этнополитических предпочтений. Это в ряде случаев

стирает резкую границу между внутриязыковыми и межъязыковыми конфликтами. Так, реформы орфографии, выступающей как этнический маркер, нередко вызывают острые дискуссии с этнополитическим уклоном.

В ходе собственно внутриязыковых конфликтов общественное неприятие нередко вызывают радикальные орфографические реформы, угрожающие, как кажется их противникам, дестабилизацией литературной нормы. В ряде случаев такие конфликты усугубляются политическими мотивами, а также служат средством социально-культурной идентификации (консерватор / сторонник реформ, прескриптивист / дескриптивист, пурист / новатор и т. п.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Lledo M. A.* The independent standardization of Valencian: From official use to underground resistance // *Handbook of Language and Ethnic Identity*. Oxford: Oxford University Press, 2010. Vol. 2. P. 336–347.
2. *Brumme J.* Normative grammars // *Manual of Standardization in the Romance Languages*. Berlin–Boston: Walter de Gruyter, 2020. Vol. 24. P. 497–518.
3. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. Москва: Знак, 2007.
4. *Finegan E.* Attitudes toward English Usage: the History of a War of Words. New York: Teachers College Press, 1980.
5. *Германова Н. Н.* Стандартизация миноритарных языков: Проблемы графизации (на материале миноритарных языков Великобритании) // *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2018. 1–2 (32–33). С. 80–93.
6. *Карпова О.* История с орфографией. Неудавшиеся реформы русского правописания второй половины XX века // *Интелпрос. Неприкосновенный запас*. 2010. 3 (71). б.с.

REFERENCES

1. Lledo, M. A. (2010). The independent standardization of Valencian: From official use to underground resistance. *Handbook of Language and Ethnic Identity*, 2, 336–347.
2. Brumme, J. (2020). Normative grammars. In *Manual of Standardization in the Romance Languages*, 24, 497–518. Berlin–Boston: Walter de Gruyter.
3. Krongauz, M. (2007). *Russkij yazyk na grani nervnogo sryva = The Russian language on the verge of nervous breakdown*. Moscow: Znak. (In Russ.).
4. Finegan, E. (1980). *Attitudes toward English usage: the history of a war of words*. New York: Teachers College Press.

5. Guermanova, N. N. (2018). Standardizing of minority languages: Problems of graphisation (on the example of Ulster Scots, Scots and Cornish). Human being: Image and essence. Humanitarian aspects, 1–2 (32–33), 80–93. (In Russ.)
6. Карпова, О. (2010). Istoriya s orfografiej. Neudavshiesya reformy russkogo pravopisaniya vtoroj poloviny ХХ вeka = A history with orthography. The failed reforms of Russian spelling in the second half of the 20th century. Intelros. Neprikosnovennyj zapas, 3 (71). http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6973-istoriya-s-orfografiej-neudavshiesya-reformy-russkogo-pravopisaniya-vtoroj-poloviny-xx-veka.html (date of access: 15.02.2021) (In Russ.)

Информация об авторе

Германова Н. Н. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Guermanova N. N. – Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor, Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 81.119

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_23

**РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
ТОТАЛИТАРНЫХ ГОСУДАРСТВ**

В. М. Костева

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, vmkosteva@gmail.com

Аннотация. Представленная статья посвящена речевым практикам лидеров тоталитарных государств, выступающих по языковым вопросам, а также ведущих лингвистов, чей авторитет использовался для поддержки проводимой государственной языковой политики. В статье предпринимается попытка охарактеризовать речевые практики тоталитарного периода, основываясь на аутентичном материале выступлений руководителей государств, с точки зрения дискурсивных практик лингвистики тоталитаризма и характеристик тоталитарной идеологии.

Ключевые слова: языковая политика, тоталитарное государство, дискурсивная практика, пуризм, литературный язык, инвектива

Для цитирования: Костева В. М. Речевые практики как инструмент языковой политики тоталитарных государств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 23–35. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_23

Original article

**SPEECH PRACTICES AS A TOOL OF THE LANGUAGE POLICY
OF TOTALITARY STATES**

V. M. Kosteva

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, vmkosteva@gmail.com

Abstract. The article analyzes speeches made by leaders of totalitarian states on linguistic issues and speeches of outstanding linguists whose authority was used to support the current state language policy in order to identify the essential features of speech practices of a totalitarian period. Authentic speeches of state leaders are considered in terms of the discursive practices of totalitarian linguistics and totalitarian ideology.

Key words: language policy, totalitarian state, discursive practice, purism, literary language, invective

For citation: Kosteva V. M. (2021). Speech practices as a tool of the language policy of totalitarian states. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 23–35. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_23

Введение

В современной историографии тоталитарного дискурса насчитывается довольно большое количество работ, посвященных речевым стратегиям лидеров тоталитарных государств. Исследования такого рода, как правило, выдержаны в рамках политического дискурса и освещают преимущественно прагматическую составляющую дискурса политического руководства. К анализу привлекаются, в основном, выступления по актуальным на тот момент политическим вопросам. Нам представляется интересным проанализировать речевые практики глав тоталитарных государств в аспекте их выступлений по вопросам языковой политики и сопоставить их с речевыми стратегиями, используемыми в выступлениях по иным темам.

Изучение лингвистики тоталитарных государств XX века, предпринятое нами в рамках нашего диссертационного исследования, позволило нам говорить о ней как об особом феномене, обладающем специфическими признаками и дискурсивными практиками. Одним из основных признаков «тоталитарной» лингвистики является управляемость со стороны государственного и партийного руководства, включая личное участие лидеров тоталитарных государств в постановке и выполнении языковых задач [Костева, 2019].

Сопоставление ключевых положений языковой политики, осуществляемых тоталитарным государством, привело нас к выводу о наличии двух совершенно отличных друг от друга этапов языковой политики, идущих параллельно с изменениями в политической сфере и национальной политике [там же, с. 27]. На каждом из этих этапов можно проследить реализацию комплекса дискурсивных (в трактовке М. Фуко) и речевых практик, имеющих свои характерные особенности.

К дискурсивным практикам, связанным с участием руководителей государства, мы относим использование административного ресурса при решении тех или иных языковых вопросов, создание специального законодательства в области языковой политики, создание специальных государственных органов управления (комитетов, комиссий) для реализации принятой стратегии и ряд других дискурсивных практик.

Особые речевые практики мы можем обнаружить в реализации таких составных частей языковой политики, как пуризм, отношение к языкам национальных меньшинств и диалектам, в орфографических проектах и реформах.

Данная статья посвящена речевым практикам И. В. Сталина, Н. Чаушеску, Э. Ходжи и Б. Муссолини, выступающих по языковым проблемам. В качестве примера речевых практик лингвистов мы использовали выступление албанского ученого Д. Шутерики.

Методы исследования

Основным инструментом исследования является нарративный метод лингвоисториографического описания. Среди его реализаций – работа с аутентичными текстами, при этом используются тексты не только научного содержания, но и общественно-политической направленности. К их числу относятся собрания сочинений партийных и государственных лидеров, а также официальные документы в виде стенограмм съездов и совещаний. Данные документы представляют собой наиболее точные и достоверные источники информации, основываясь на которые современный лингвоисториограф может реконструировать с наибольшей объективностью тот или иной период языковой политики или развития языкознания как науки. Немаловажным представляется при изучении такого рода документов исторический контекст, позволяющий оценить научную деятельность ученого с учетом сложившихся обстоятельств.

Работа с представленными документами показала наличие небольшого количества выступлений лидеров тоталитарных государств именно по вопросам языковой политики; как правило, они увязываются либо с вопросами национальной политики, либо с вопросами развития литературы и искусства, а также науки в целом.

Участие лидеров тоталитарных государств в языковых вопросах

Отметим, что главы тоталитарных государств принимали довольно активное участие как в постановке, так и в решении вопросов и задач языковой политики. Приведем несколько примеров.

1. Выступления И. В. Сталина по вопросам развития национальных языков, их взаимоотношения с государственным языком, а также о роли русского языка.

2. Предложения Мао Цзэдуна по вопросу создания фонетического алфавита для китайского языка, в частности, использования букв, составленных на основе элементов иероглифов. Известно также, что в 1940 году лидер КНР подписал учредительный манифест общества «Новой письменности» и неоднократно возвращался к вопросу о латинизации китайской орфографии [Румянцев, 1990, с. 38].

3. Орфографический Конгресс 1972 года в Тиране (Kongresi I Drejtshkrimi të Gjuhës Shqipe), унифицирующий правописание литературного языка (*gjuha e njësuar*). Конгресс был возглавлен Э. Ходжой, кроме него среди участников было практически все руководство страны.

4. Личное участие А. Гитлера в переименовании итальянских топонимов в Южном Тироле [Heiber В., Heiber Н., 2001] и ряд других.

Исследователи тоталитарного дискурса выделяют несколько качеств тоталитарной идеологии, среди которых телеологическая (целевая) ориентация на общественное развитие, ее патерналистский характер, а именно «покровительственное, полутеческое отношение вождя к народу», что впоследствии позволяет реализовывать манипуляции с сознанием граждан страны [Гронская, Зусман, Батищева, 2013, с. 58].

Будучи частью идеологической политики, языковая политика имеет также свои характеристики, в чем-то сходные, но и несколько отличные от характеристик первой. Отметим, например, стремление многих лидеров продемонстрировать не столько покровительственное отношение, сколько свое дружелюбие, расположение к народу, что породило ряд высказываний руководителей государств о своем простом происхождении или близости к народным массам и привело к использованию ими особых образов и наглядных сравнений, популярных среди народных масс.

Хрестоматийной иллюстрацией такого речевого поведения стала фраза Б. Муссолини *me ne frego* («меня это не колышет»), образованного от глагола *fregarsene*, что означает «плевать, чихать, относиться наплевательски к кому-либо, чему-либо» [Новый большой итальянско-русский словарь, 2005, с. 434]. Изначально фраза

принадлежала поэту Аннунцио и была популярна среди итальянских солдат, участвующих в Первой мировой войне. Использование такого рода инвективной лексики способствовало возрастанию популярности Дуче среди населения.

В качестве примера использования образных слов может послужить высказывание Муссолини о пуристах. Говоря, например, о неологизме *trincerocrazia* (*тринцерокразия*) (термин, обозначающий новую аристократию, сформированную в окопах [Azzaro, 2005, с. 560]), Муссолини сравнивает итальянских пуристов с некими зверями, которые начинают **рычать** при появлении в языке неологизмов. В соответствии с этим пуристы предстают в виде людей, противопоставляющих свои убеждения требованиям нового времени: *La parola è brutta. Non importa. Ce ne sono di piu brutte che hanno già da tempo diritto di cittadinanza nella lingua italiana. Ce ne infischiamo dei puristi” che ringhiano davanti ai «neologismi». Eterno conflitto fra la sensibilità vecchia e quella nuova!»* (выделено нами. – В.К.) («Слово плохое. Это не важно. Есть еще более уродливые, которые уже давно имеют право на гражданство на итальянском языке. Нам плевать на пуристов, рычащих на “неологизмы”. Вечный конфликт между старыми и новыми чувствами»¹ [Mussolini, 1979, с. 171].

Примечательно, что впоследствии итальянский пуризм стал практически главным направлением языковой политики в Италии и распространился на большинство сфер общественной жизни итальянцев.

При реализации задач первого этапа языковой политики, а именно поддержки и развития национальных языков и диалектов, а также языков национальных меньшинств, в выступлениях руководителей страны отчетливо наблюдается стремление к ясной и четкой аргументации. Для этого используются, например, такие лексические и грамматические средства, как повторяющиеся союзы, вводящие цепочку причин и объяснений необходимости проведения тех или иных мероприятий в области языковой политики. После констатации причин следует категорический вывод с использованием наречия с ограничительным значением.

Например, в докладе И. В. Сталина о национальных моментах в партийном и государственном строительстве (от 23 апреля 1923 года)

¹ Здесь и далее перевод наш. – В. К.

в одном из высказываний мы насчитываем четыре подчиненных предложения с союзом «чтобы»:

«Для того **чтобы** Советская власть... необходимо, **чтобы** она... **чтобы** она функционировала... **чтобы** школы...» [Двенадцатый съезд РКП(б), 1968, с. 482].

Вторая часть высказывания также включает в себя повторения:

«**Только тогда и только постольку** Советская власть... **когда** учреждения...» [там же].

Четкость и однозначность высказываний тоталитарного дискурса авторы уже упомянутой статьи характеризовали как «просветительские» речевые стратегии [Гронская, Зусман, Батищева, 2013, с. 58].

Полагаем, что здесь мы имеем дело также с установочным характером речевой стратегии, с формированием некой траектории реализации языковой политики, этапы которой преподносятся общественному мнению как данность.

Установочный характер просматривается не только в высказываниях И. В. Сталина. Для сравнения возьмем отрывок из сборника статей Н. Чаушеску, в котором мы находим практически аналогичную структуру предложения:

«Немаловажно также, **чтобы** немцы ... <...> и **чтобы** румыны...» [Чаушеску, 1979, с. 30].

На втором этапе языковой политики, связанной с введением на законодательном уровне государственного языка, в качестве которого выдвигается либо язык одной, как правило, наиболее развитой нации (в терминологии того времени), либо язык по выбору правящих кругов, мы можем наблюдать смену риторики. Практически во всех выступлениях речь идет о национальном языке, о национальном литературном языке, о необходимости формирования его нормы. Пример – речи Э. Ходжи, в которых он в качестве первоочередной задачи партии рассматривает необходимость проведения исследований по подготовке учебника грамматики албанского языка, что должно было стать ценным вкладом в «дело становления национального литературного языка», а также проведения подготовительной работы по составлению нормативного словаря албанского языка [Ходжа, 1975, с. 600].

Важной чертой лингвистики тоталитарных государств является обращение к историческому прошлому нации или народа, что в общей идеологической работе должно было способствовать формированию чувства патриотизма, сплоченности и ответственности за происходящее в стране.

В выступлениях руководителей государства язык, его проблемы часто сопряжены с историей страны и нации, при этом на первый план выдвигается идея общности нации и языка. Например, в выступлениях Н. Чаушеску мы можем найти такие словосочетания, как: «у нас общее происхождение ... мы должны учиться и говорить на одном языке...» [Чаушеску, 1987, с. 31] или его высказывание о том, что о политическом воспитании и культуре следует говорить только при условии знания языка, литературы и истории народа [там же, с. 64]. Лидер Албании Э. Ходжа также указывал на важность изучения истории страны, «албанского литературного языка, истории албанской литературы и т. д.» [Ходжа, 1980, с. 296].

Говоря о решении в СССР национального вопроса с позиции диалектики В. И. Ленина, И. В. Сталин в июне 1930 года в политическом отчете ЦК XVI съезду партии высказался за следующий путь развития национальных культур: «развитие их потенциала создаст условия для их слияния в одну общую культуру с одним общим языком в период победы социализма во всем мире» [Сталин]. При этом Сталин прибегает к уже известному приему повторов – в частности, в одном абзаце повторяется словосочетание «слияние в одну общую культуру», подчеркивая в первой части своего высказывания необходимые условия для его создания, а во второй – представляя это слияние как решение вопроса о национальной культуре в условиях социализма.

Что касается стиля статей и выступлений, то они не отличаются какими-либо особенностями и имеют вполне определенный набор общественно-политических клише, среди которых такие словосочетания, как *справедливо подчеркивается, ставится вопрос, уделить надлежащее внимание, углубить работу, внести вклад в дело становления* и т. д.

Отметим также обязательное наличие слов, выражающих собственное мнение главы государства. Представляется, что таким образом реализуется практика ложного приглашения к дискуссии, не предполагающая таковой.

Так, в статьях Н. Чаушеску, посвященных возможностям изучения румынского языка населением, представляющим национальные меньшинства, часто встречаются фразы типа «Я и при других обстоятельствах говорил...», «Думаю, что это справедливо, нормально...» [Чаушеску, 1979, с. 29].

Речевые практики тоталитаризма обладают определенной диалогичностью, направленной на достижение согласия, но не просто согласия, а активного согласия, при котором «граждане желают того, что требуется господствующему классу» [Кара-Мурза, 2007, с. 63].

Примером являются такие выступления, где присутствуют рассуждения-убеждения, приводящие к вполне определенным желаемым результатам, например, «Вполне очевидно, что...», «Иначе...», «Поэтому...» [Чаушеску, 1979, с. 29], которые создают иллюзию единственно правильного решения.

Приведенные высказывания коррелируют с наблюдением исследователей тоталитарного дискурса о его псевдиdialogичном характере [Гронская, Зусман, Батищева, 2013, с. 56].

Речевые практики ученых-лингвистов

Помимо выступлений глав государств, использовались высказывания ведущих лингвистов, подыскивающих специальные аргументы в защиту того или иного положения языковой политики. Наглядным примером такой деятельности является установление литературного стандарта в Албании, в качестве которого по политическим мотивам было выбрано южное наречие тосков. Его законодательное закрепление в качестве государственного языка вызвало сопротивление населения в областях с гегским языком, что вынудило правительство предпринять ряд мер и использовать, в частности, авторитет руководства страны и ведущих лингвистов.

В 1952 году в Тиране было созвано специальное совещание Института наук. Апологетом тоскского диалекта был избран писатель и литературовед Димитёр Шутерики (D. Shuteriqi), писавший на южногегском диалекте. Несмотря на свою тесную связь с гегским диалектом, Д. Шутерики подготовил несколько положений, объясняющих правильность выбора тоскского диалекта. При этом им были установлены как экстралингвистические, так и лингвистические

причины. К последним относились, например, сведения о количестве изданных произведений на тоскском диалекте (при этом исключался период XVI–XVII веков, когда гегский диалект имел приоритетное положение), в качестве аргументов за использование тоскского диалекта были названы его единство и простота обучения. Что касается гегского диалекта, то он не имеет никаких преимуществ ни в лексике, ни в грамматике, следовательно, он не может претендовать на статус официального государственного языка [Fiedler, 2006, с. 123].

Но, будучи лингвистом, Д. Шутерики апеллировал и к языковой стороне вопроса, говорил об изменениях, произошедших в тоскском диалекте за период после смены его статуса, позволяющих ассимилировать его с гегским. В качестве примера ученый приводил заимствования отдельных слов из гегского диалекта в их фонетической форме, с учетом высокопродуктивных словообразовательных элементов гегского диалекта, указывая, однако, на созданные за счет этого трудности для фонологической системы тоскского диалекта.

Таким образом, речевые практики, используемые Д. Шутерики, включают в себя практически те же самые характеристики, как и речевые практики лидеров тоталитарных государств, а именно обращение к прошлому, рассуждение, псевдиологичность и т. д.

Что же касается причин, побудивших Шутерики выступить именно с таким докладом, то, полагаем, что они связаны с общими дискурсивными практиками тоталитарной эпохи [Костева, 2019, с. 22]. Такое поведение можно считать реакцией на управляемость со стороны государственного руководства и стремление показать администрации разного уровня свою лояльность.

Продолжая историю становления официального государственного языка социалистической Албании, отметим, что цель совещания была достигнута: тоскский диалект стал единственным официальным и государственным языком, хотя гегскому варианту были сделаны определенные уступки, т. е. его преподавание было временно разрешено в начальных школах гегской диалектальной области.

Правительство Албании, тем не менее, вынуждено было несколько раз возвращаться к вопросу о литературном языке для усиления его позиций и признания всеми жителями страны. Но еще одной особой дискурсивной и речевой практикой, а именно практикой замалчивания, стало всяческое избегание в общественной жизни

использования слов *тоскский* и *гегский диалекты*, – в публикациях и выступлениях речь шла исключительно о едином литературном языке [Fiedler, 2006, с. 126].

Заключение

Подводя предварительные итоги, мы можем отметить, что речевые практики лидеров тоталитарных режимов и ведущих лингвистов по вопросам языковой политики имеют манипулятивный характер и направлены на решение поставленных задач языковой политики на первом или втором этапах. Основная цель выступлений лидеров тоталитарных государств заключалась в убеждении жителей страны в правильности выбранного курса в области национальной и языковой политики, в создании представлений о необходимости введения тех или иных, часто непопулярных мер. Благодаря административному ресурсу лингвистические задачи получают статус государственных и подкрепляются организацией специальных акций по публичному признанию государственной точки зрения на тот или иной языковой вопрос.

Отметим также, что в общем и целом речевые практики государственных лидеров тоталитарных государств имеют схожие характеристики с речевыми практиками, используемыми в выступлениях по другим вопросам, что позволяет говорить о существовании определенной совокупности, набора таких практик в общем тоталитарном дискурсе и тоталитарной парадигме.

С другой стороны, нельзя отрицать индивидуальные особенности речевых стратегий, а также выбор языковых средств в соответствии с индивидуальными пристрастиями государственных и партийных деятелей. Кроме того, следует учитывать и обстоятельства реализации речевой практики, в том числе целевую аудиторию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Костева В. М.* Лингвистика тоталитаризма в лингвофилософской парадигме XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2019.
2. *Румянцев Е. Н.* Из истории реформы китайской письменности // Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы V Всесоюзной конференции. М.: Академия Наук СССР. Ин-т языкознания. Ин-т востоковедения, 1990. С. 38–43.

3. *Heiber B., Heiber H.* Die Rückseite des Hakenkreuzes. Absonderliches aus den Akten des «Dritten Reiches». München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2001.
4. *Гронская Н. Э., Зусман В. Г., Батищева Т. С.* Сопоставление тоталитарных дискурсов: три риторы, три текста, три языка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2013. № 1(2). С. 56–62.
5. Новый большой итальянско-русский словарь / под ред. Г. Ф. Зорько. Москва: Русский язык-Медиа, 2005.
6. *Azzaro P.* Deutsche Geschichtsdenker um die Jahrhundertwende und ihr Einfluss auf Italien: Kurt Breysig, Walther Rathenau, Oswald Spengler. Bern u.a. Peter Lang AG, 2005.
7. *Mussolini B.* Scritti politici di Benito Mussolini / introduzione e cura di Enzo Santarelli. Milano: Feltrinelli, 1979.
8. *Двенадцатый съезд РКП(б).* 17–26 апреля 1923 года. Стенографический отчет. Москва Издательство политической литературы, 1968.
9. *Чаушеску Н.* Развитие образования, науки и культуры в Румынии. Бухарест: Меридиан, 1979.
10. *Ходжа Э.* Избранные произведения: в 6 т. Тирана: 8 НЕНТОРИ, 1974–1988. 1975. Т. 2: ноябрь 1948–ноябрь 1960; 1980. Т. 3: июнь 1960–октябрь 1960. URL: <http://www.enverhoxha.ru> (дата обращения: 22.02.2021).
11. *Чаушеску Н.* Избранные произведения, 1982–1986 гг. Москва: Издательство политической литературы, 1987.
12. *Сталин И. В.* Политический отчет ЦК XVI съезду партии // Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 12. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/16s32.php> (дата обращения 03.03. 2021).
13. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. Москва: Эксмо : Алгоритм, 2007.
14. *Fiedler W.* Einführung in die Albanologie. Meißen, 2006. URL: www.linguistik.uni-erlangen.de/.../EINF-AL (accessed: 25.02.2021).

REFERENCES

1. Kosteva, V. M. (2019). Lingvistika totalitarizma v lingvofilosofskoj paradigme XX veka = Linguistics of totalitarianism in the Linguophilosophical paradigm of the twentieth century: abstract of Senior Doctorate in Philology. Perm'. (In Russ.)
2. Rumjancev, E. N. (1990). Iz istorii reformy kitajskoj pis'mennosti = From the history of the reform of Chinese writing. In: Aktual'nye voprosy kitajskogo jazykoznanija (pp. 38–43): materialy V Vsesojuznoj konferencii. Moscow: Akademija Nauk SSSR. In-t jazykoznanija. In-t vostokovedenija. (In Russ.)
3. Heiber, B., Heiber, H. (2001). Die Rückseite des Hakenkreuzes. Absonderliches aus den Akten des «Dritten Reiches». München: Deutscher Taschenbuch Verlag.

4. Gronskaja, N. Je., Zusman, V. G., Batishheva, T. S. (2013). Comparing totalitarian discourses: three speakers, three texts, three languages. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 1(2), 56–62. (In Russ.)
5. Zor'ko, G. F. (Ed.). (2005). Novyj bol'shoj ital'jansko-russkij slovar' = New Comprehensive Italian-Russian Dictionary. Moscow: Russkij jazyk-Media. (In Ital. and Russ.).
6. Azzaro, P. (2005). Deutsche Geschichtsdenker um die Jahrhundertwende und ihr Einfluss auf Italien: Kurt Breysig, Walther Rathenau, Oswald Spengler. Bern u.a. Peter Lang AG.
7. Mussolini, B. (1979). Scritti politici di Benito Mussolini / introduzione e cura di Enzo Santarelli. Milano: Feltrinelli.
8. Dvenadcatyj s'ezd RKP(b). 17–26 aprelja 1923 goda. (1968). Stenograficheskij otchet = The Twelfth Congress of the RCP (b). April, 17–26, 1923. (1968). Verbatim record. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russ.)
9. Chaushesku, N. (1979). Razvitie obrazovanija, nauki i kul'tury v Rumynii = Development of education, science and culture in Romania. Buharest: Meridian. (In Russ.)
10. Hodzha, Je. (1974–1988). Selected works: in 6 vols (Vol. 2–3). Tirana: 8 Nentori. <http://www.enverhoxha.ru> (In Russ.)
11. Chaushesku, N. (1987). Izbrannye proizvedenija 1982–1986 gg. = Selected works of 1982–1986. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russ.)
12. Stalin, I. V. Politicheskij otchet CK XVI s'ezdu partii (Political Report of the Central Committee to the XVI Party Congress). In: Stalin, I. V. Complete Works (Vol. 12). <http://www.hrono.ru/libris/stalin/16s32.php> (accessed 03.03.2021). (In Russ.)
13. Kara-Murza, S. G. (2007). Manipuljacija soznaniem = Manipulation of consciousness. Moscow: Jeksmo «Algoritm». (In Russ.)
14. Fiedler, W. Einführung in die Albanologie. Meißen, 2006. www.linguistik.uni-erlangen.de/.../EINF-AL (accessed: 25.02.2021).

Информация об авторе

Костева В. М. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Kosteva V. M. – Doctor of Philology (Dr. habil.), Assistant Professor, Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 81.115

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_36

**ЖЕНЩИНЫ В ЛИНГВИСТИКЕ XIX ВЕКА:
К ОСНОВАНИЯМ ЛИТОФАНИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
НАУКИ О ЯЗЫКЕ**

О. А. Радченко

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, radoleg@gmail.com

Аннотация. Проблемой исследования является роль женщин в формировании лингвистики. Рассматриваются их участие в языковых обществах в Германии, переводческая и преподавательская работа в XVII–XIX вв., поддержка классиков языкознания. Материалом исследования послужили биографические публикации. Использован нарративный метод исследования. Особое внимание уделяется скрытым факторам влияния на научное творчество, вводится понятие «литофаническая историография», отстаивается идея о недооцененности роли женщин как *со-творцов* лингвистики.

Ключевые слова: нарративный метод, историография лингвистики, женщины в науке, литофанический нарратив, лингвистика XVIII века

Для цитирования: Радченко О. А. Женщины в лингвистике XIX века: к основаниям литофанической историографии науки о языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 36–47. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_36

Original article

**WOMEN IN THE 20TH CENTURY LINGUISTICS:
TOWARDS A LITHOPHANIC HISTORIOGRAPHY
OF THE LANGUAGE SCIENCES**

O. A. Radchenko

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, radoleg@gmail.com

Abstract. The research problem is the role of women in the development of linguistics. The article considers women's participation in language societies in Germany, translation and teaching work they did in the 17th–19th centuries, support they received from outstanding

linguists. The study is based on biographical publications. The main research method is narrative historiography. Special attention is paid to hidden factors of influence on scientific creativity, the concept of «lithophane historiography» is introduced. It is argued that the role of women as co-creators of linguistics is underestimated.

Key words: narrative method, historiography of linguistics, women in science, lithophanic narrative, 18th century linguistics

For citation: Radchenko, O. A. (2021). Women in the 20th century linguistics: towards a lithophanic historiography of the language sciences. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9 (851), 36–47. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_36

Введение

Размышления о роли женщин в становлении науки о языке навеяны грустной ретроспективой: в учебниках, монографиях, статьях, посвященных первому веку собственно научного языкознания, эта наука предстает в исключительно мужском облике. Так, в классическом учебнике по истории языкознания Т. А. Амировой и др. упоминаются всего три женщины – М. М. Гухман, Каролина фон Шлегель (лишь в списке имен в конце книги) и Екатерина II, о которой сообщается, что в конце XVIII столетия при ее содействии «были подготовлены списки слов и инструкции, которые были разосланы в административные центры Сибири, а также в различные страны, где Россия имена свои представительства... для сбора эквивалентной лексики из местных языков и наречий. Материалы этого обследования, проводившегося в несколько этапов, обработал академик П. С. Паллас (1744–1811)» [Амирова, 2005, с. 224].

У Н. А. Кондрашова обнаруживается трехкратное упоминание лишь одной лингвистки – Р. О. Шор (1894–1939) [Кондрашов, 1979, с. 5, 193, 206].

Гораздо более значительно представлены лингвистки в двух известных учебниках Ф. М. Березина. Так, в его «Истории лингвистических учений» присутствуют указания на пять советских ученых-женщин – В. Н. Ярцеву [Березин, 1975, с. 290], Р. О. Шор [там же, с. 279, 280], Н. А. Слюсареву [там же, с. 180, 181], А. В. Десницкую [там же, с. 108, 285] и Т. А. Дегтереву [там же, с. 203, 247, 281, 293]. «История русского языкознания» включает ссылки на двенадцать имен, в том числе на Т. А. Амирову [Березин, 1979, с. 215], Е. А. Земскую [там же, с. 216], А. В. Десницкую [там же, с. 149] и др.

Единственным исключением можно считать учебное пособие И. П. Сусова, в котором автор упоминает десятки имен исследователей, но лишь второй половины XX в., уделяя особое внимание региональным лингвистическим центрам и проектам [Сусов, 2006].

Женщины в современной лингвистической историографии

Сохраняется ли эта тенденция игнорирования всякого влияния женщин на лингвистические труды прошлых столетий? В заключении новой работы признанного мэтра в области истории языкознания В. П. Даниленко упоминается лишь Н. Ю. Шведова [Даниленко, 2016, с. 269–270]. В обстоятельном труде В. М. Алпатов указаны шесть персоналий женщин–историографов лингвистики (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, Л. В. Кнорина, Е. С. Кубрякова, Н. А. Слюсарева и Р. О. Шор), однако в данном списке приводятся персоналии, «упоминаемые в связи с их комментариями по поводу истории лингвистики (т. е. об их собственно лингвистических работах речь не идет)» [Алпатов, 2005, с. 334]. В алфавитном списке лингвистов, концепции которых включены в книгу, присутствует только одна исследовательница – А. Вежицка [там же, с. 335].

Это краткое перечисление не учитывает, конечно же, менее известных пособий, хрестоматий, методических рекомендаций, изданных за последние годы в России, однако очевидная традиция начинать отчет появлению женщин-языковедов на научной арене примерно с 1950-х годов со всей очевидностью скажется и на них, что вполне объяснимо: в силу социальных и общественных условий XVIII–XIX веков возможности активной и свободной научной деятельности для женщин отсутствовали, в том числе и в области науки о языке. Некоторыми исключениями можно считать европейскую художественную литературу и философию, хотя и там писательницы нередко пользовались мужскими или амбивалентными псевдонимами.

Следует отметить, что данная позиция была, естественно, присуща и зарубежным трудам по истории языкознания. Так, в классической монографии Г. Хельбига женщины-лингвисты упоминаются лишь в контексте советского языкознания, и количество их невелико, всего девять имен: О. С. Ахманова [Helbig, 1989, с. 71, 88, 100], Е. М. Галкина-Федорук [там же, с. 172], В. Н. Ярцева [там же, с. 106],

О. С. Кулагина [Helbig, 1989, с. 106, 345], Б. М. Лейкина [там же, с. 211], Е. И. Шендельс [там же, с. 165], Л. Н. Засорина [там же, с. 212] и М. Д. Степанова [там же, с. 212]. Не будет преувеличением утверждать при этом, что замечательный восточно-германский лингвист был лично знаком со многими знаковыми фигурами советской лингвистики и его заслуги в области популяризации отечественной научной мысли в Европе неоспоримы.

В историографических работах последних лет отмечается более частое упоминание исследовательниц языков мира, к примеру, в книге Э. Ф. К. Кернера «К основаниям истории американского языкознания», в индексе имен которой – 18 авторов-женщин, чьи научные работы приходится на XX столетие [Koerner, 2002, с. 309–315]. Более сложно установить эту цифру в трехтомнике под редакцией С. Ору, Э. Ф. К. Кернера, Х. Й. Нидерее и К. Ферстеера [Aurox et al., 2000–2006], поскольку в нем освещается история мировой лингвистики с включением арабских, китайских и иных имен и фамилий, гендерные характеристики которых непонятны невладеющим конкретными языками. Тем не менее количество опознаваемых женских фамилий и имен не производит революционного впечатления и в целом соответствует вышеописанной традиции.

Оценивая состояние лингвистической историографии наших дней, Н. МакЛелланд признает: «Женщины, научные труды которых прославились так же, как работы мадам де Сталь в области немецкого языка, редки до середины двадцатого века. Искать женщин в обычных местах – как авторов грамматик, словарей или философских трактатов о языке – даже раньше конца девятнадцатого столетия равносильно тому, чтобы искать практически впустую» [McLelland, 2020, с. 193]. В качестве единственного исключения она приводит Иоганну Корлеву (1698–1752), составившую собрание корней слов в духе С. Стевина и Ю. Г. Шоттеля, издавшую свой нидерландско-французский словарь в 1740 году и в том же году осуществившую перевод «Грамматики Пор-Рояль» на нидерландский язык [там же, с. 193–194]. Отмечая отсутствие упоминания лингвисток того времени в энциклопедиях и справочниках по истории языкознания на протяжении всего XX века, она замечает: «Женщины не звучали в формальных чертогах учёности. Однако тогда *были* женщины, вовлеченные в рассуждения о немецком языке и его наилучшем использовании и культивировании,

начиная с XVII века и далее..., в том числе как переводчицы и поэтессы», а также как преподавательницы иностранных языков и «ассистентки и помощницы мужчин в филологических штудиях XIX века» [McLelland 2020, с. 194].

В качестве ярких примеров раннего лингвистического творчества МакЛелланд рассматривает деятельность двух исключительно женских языковых обществ XVII века («Tugendliche Gesellschaft» и «Académie des Loyales»), влияние женщин, участвовавших в мужских языковых обществах, прежде всего – поэтессы и переводчицы Катарины Регины фон Грайффенберг (1633–1694) и переводчицы французской философской литературы Барбары Хелены Коппш (1650–1705), а также одной из двадцати лауреаток звания «Коронованной императором поэтессы» Кристианы Марианы фон Циглер (1695–1760). В ряду поэтесс и переводчиц XVIII века блистала Луиза Адельгунда Виктория Готтшед (1713–1762) (супруга И. К. Готтшеда), а в XIX столетии особую известность приобрела английская поэтесса и переводчица Мэри Энн Эванс (1819–1880), известная всему миру под псевдонимом Джордж Элиот.

МакЛелланд приводит и более эксцентричные примеры просвещенных женщин, преподававших родной язык за рубежом: Теодору Гран (1744–1802), имевшую обыкновение появляться на публике в мужском наряде и зарабатывавшую на жизнь обучением немецкому языку, переводами и продажей антикварных книг в Лондоне, или Иоганну Клару Луизу Лецен (1784–1870), служившую преподавательницей немецкого языка при дворе королевы Виктории.

Пальма первенства в женской филологии, по всей видимости, принадлежит Терезе Альбертине Луизе фон Якоб-Робинсон (1797–1870), переводчице с английского, немецкого и сербского [там же, с. 208], переписывавшейся с Я. Гриммом и И. В. фон Гёте. Но собственно академическую карьеру женщинам удавалось строить исключительно в зарубежных странах, например, Каролине Вильгельме Михаэлиш де Вашконселуш (1851–1925), профессору романской и германской филологии – в Коимбрском университете, или Кларе Хехтенберг Коллитц (1863–1944), защитившей диссертацию в Гейдельберге и преподававшей в Оксфордском университете.

Трудности, с которыми сталкивались женщины на пути в науку о языке в Европе XVII–XIX веков, сопровождали и творчество американских лингвисток начала XX столетия. Мичиганская историограф

Джулия С. Фальк иллюстрирует эти трудности описаниями трех исследовательниц того времени – Элис Вандербилт Моррис (1874–1950), организовавшей масштабный проект с целью создать новый международный язык, Глэдис Аманды Райхард (1893–1955), изучавшей языки коренного населения Америки, и И. Адэлейд Хан (1893–1967), посвятившей себя изучению хеттского и латинского языков [Falk 2002]. Современную ситуацию, с которой сталкиваются женщины в академической среде и поныне, превосходно характеризует монография М. Массе и Н. Бауэр-Маглин [Massé, Bauer-Maglin, 2017].

Но наиболее важной и, как представляется, наименее оценённой на сегодняшний день группой остаются для лингвистики супруги и подруги великих языковедов: Каролина фон Гумбольдт (1766–1829), переводившая для мужа тексты с греческого и латыни, Генриетта Доротея Гримм (1793–1867), семейные сказки которой стали важной составляющей будущего двухтомника братьев Гримм, Беттина фон Арним (1785–1859), звезда романтизма и издательница трудов своего мужа. В этот же ряд следует включить замечательных хозяек женских литературных салонов Генриетту Юлию Герц (1764–1847), Каролину де ла Мотт Фуке (1773–1831), Софию фон Ларош (1730–1807) и многих других [Meroney, 2010].

А. Л. Ж. де Сталь: сотворчество в формировании науки о языке

Особенной фигурой среди них, конечно же, была Анна Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн (1766–1817). Слава мадам де Сталь как автора монографии «О Германии» [De Staël-Holstein, 1813–1814] – далеко не единственное, что можно поставить ей в заслугу, если речь идет о формировании основ нашей науки.

История взаимоотношений этой знаменитой французской писательницы, путешественницы, политической деятельницы и одного из основателей языкознания Августа Вильгельма фон Шлегеля (1767–1845) не относится к центральным сюжетам историографии лингвистики, она практически не упоминается как факт, существенный для рассказа о научных достижениях братьев Шлегелей. Однако этот сюжет при ближайшем рассмотрении оказывается чрезвычайно

значимым для жизни и деятельности замечательного немецкого лингвиста и литературоведа, одного из создателей типологической классификации языков.

С самого знакомства при посредничестве И. фон Гёте, с того момента, как опустошенный долгим разводом А. Шлегель после длительных колебаний дал в 1804 году согласие стать воспитателем детей мадам де Сталь и за весьма значительное вознаграждение и пожизненную ренту переехать с ней в ее имение Коппэ на Женевском озере, события в жизни Шлегеля приняли бурный характер. Помимо необходимости участвовать в большом количестве постоянных визитов литераторов, политиков, дипломатов и аристократов и соответствовать новой интеллектуальной атмосфере, Шлегель приобрёл возможность финансово поддерживать своего брата Фридриха (1772–1829), который посещает Коппэ уже в 1804 г., и его подругу, а затем супругу Доротею и некоторых своих родственников. Сопровождая мадам де Сталь, А. Шлегель постоянно путешествует: в конце 1804 года – по Италии, в 1805 году – по Швейцарии, весной 1806 года – по северной Франции и т. д. Впоследствии целями его поездок станут, среди прочего, Львов, Киев, Москва, Петербург.

О характере особых отношений между де Сталь и Шлегелем позволяет судить одно из писем Ф. Шлегеля от 2 июня 1804 года, в котором он одновременно «весьма серьезно и настойчиво» советует де Сталь написать книгу, посвященную Германии, ее литературе и культуре. Он предсказывает автору множество неприятностей, однако, «если она окажется основательной, будет впоследствии весьма полезной, ибо воздействие она окажет несомненное». Посещая по инициативе В. фон Гумбольдта и И. В. фон Гёте Ваймар и Берлин в 1803–1804 годах, а в 1807–1808 годах – Мюнхен и Вену, де Сталь приходит к идее написать нечто особенное и совершенно новое для французов – размышления о национальном характере, культуре и литературе Германии, которые она описала в свойственной ей непредвзятой манере. Эту книгу вполне можно рассматривать как первый культурологический и литературоведческий шедевр о Германии времен Гёте, глава 31 которого посвящена братьям Шлегелям [De Staël-Holstein, 1813–1814; Литературные манифесты, 1980].

Эта книга, написанная де Сталь при существенном содействии А. Шлегеля, оказалась для французского читателя открытием

неизвестной культуры соседней страны, столь неожиданным и ярким, что могла значительно сказаться на общественном мнении и политических перспективах Франции. Поэтому 10.000 экземпляров уже напечатанного первого издания были уничтожены по личному распоряжению Наполеона. Впрочем, А. Шлегелю удалось отправить пробный оттиск Ф. Шлегелю в Вену, а затем летом 1812 года мадам де Сталь, скрывавшаяся вместе с А. Шлегелем от французской полиции, взяла его с собой в поездку через Россию и Швецию в Лондон. Первое издание книги вышло в Лондоне в 1813 году и стало бестселлером – оно было раскуплено за три дня.

Однако и мадам де Сталь оказала непосредственное влияние на лингвистические и литературоведческие работы братьев Шлегелей. В биографической литературе нередко фигурирует термин «год чудес» применительно к 1808 году, в котором А. Шлегель выступил перед венской публикой с серией лекций о драматическом искусстве и литературе, а Ф. Шлегель выпустил в свет свой *opus magnum* «О языке и мудрости индийцев».

Оба события, ставшие ключевыми в жизни и научной судьбе братьев Шлегелей, не случились бы вовсе, если бы не мадам де Сталь. Скрупулезный биограф А. фон Шлегеля Р. Полин замечает в этой связи: «Конечно же, эти лекции не состоялись бы без контактов мадам де Сталь в высших кругах, ее манипулирования и дерганья за ниточки... Настойчиво говорили о Шлегеле как о «профессоре де Стале», о его лекциях как просто *дивертисменте* для высшего общества во время Поста. Но это были в значительной степени его лекции, а не её» [Rauplin, 2016, с. 306]. Напечатав впервые эти литературоведческие и философские лекции, выдержанные в духе романтизма и основанные на его переводах Кальдерона и Шекспира (предварительно читанные в Берлине и Йене, но никогда не издававшиеся и широкой публике неизвестные), Шлегель повлиял на интеллектуальный дискурс своей эпохи.

После неудачных попыток обустроить личную жизнь с мадам де Сталь Шлегель в 1808 году посещает Дрезден и Ваймар, затем следует изгнание из всех французских территорий и Швейцарии за столь близкое сотрудничество с политическим оппонентом Наполеона. Тем не менее, именно в этот период он публикует собственные переводы Д. Алигьери, Ф. Петрарки, Дж. Бокаччо, Т. Тассо, Х. де Монтмайора, Л. де Камюэнса и др., статьи об испанском театре. В 1811 году

А. Шлегель издает последний поэтический двухтомник, а в 1816 году обращается к этимологическим штудиям [Paulin, 2016]. После ссылки Наполеона на остров Эльба Шлегель и мадам де Сталь покидают Швецию, живут то в Париже, то в Коппе, но до самой смерти А де Сталь Шлегель не оставляет ее и уже позже многие годы поддерживает контакты с семьей ее дочери.

Не меньшую роль сыграла поддержка де Сталь младшего брата А. Шлегеля. Принявший католицизм в апреле 1808 года, Ф. Шлегель задумывает драму о Карле V и обращается к брату с просьбой посодествовать в том, чтобы получить доступ к имперским архивам в Вене. Именно мадам де Сталь помогает ему получить аудиенцию у императора в Вене в мае 1808 года, и именно с этого времени братья начинают обдумывать возвращение титула, от которого отказался их дед. Фридрих переезжает в Вену и впервые получает возможность обеспеченного существования. К моменту его переезда в Вену выходит в свет упоминавшийся выше труд «О языке и мудрости индийцев».

Заключение

Эти небольшие зарисовки – лишь пример того, насколько многомерна история нашей науки. Принятый строгий академический стиль ее изложения, игнорирующий обстоятельства личного характера, особенности личности и судьбы классиков языкознания, превращает историографию в поверхностный набор памятников и парадных портретов, за которым скрывается живая действительность научного тезогенеза. Истинная история лингвистики должна включать *литофанический аспект*, ту самую неявную, скрытую, негласную историю того, как удалось классикам стать таковыми, кто был соавтором их научного успеха.

Героями литофанической историографии должны стать персоналии, участие которых в значимых научных и личных событиях стало неоспоримым и незаменимым вкладом в становление ключевой персоналии. Литофанические тексты – воспоминания членов семьи, друзей и противников, устные нарративы, переписка, дневники позволяют оценить вклад в науку о языке тех, кого традиционно выносят за скобки ее историографии как данность. Основная задача заключается в том, чтобы очертить необходимый и достаточный круг таких персоналий и текстов, не превращая историографию лингвистики в биографию века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В.* История языкознания. 2-е изд. Москва: Academia, 2005.
2. *Кондрашов Н. А.* История лингвистических учений. Москва: Просвещение, 1979.
3. *Березин Ф. М.* История лингвистических учений. Москва: Высшая школа, 1975.
4. *Березин Ф. М.* История русского языкознания. Москва: Высшая школа, 1979.
5. *Сусов И. П.* История языкознания. Москва: Восток–Запад, 2006.
6. *Даниленко В. П.* Общее языкознание и история языкознания. Москва: Флинта, 2016.
7. *Алпатов В. М.* История лингвистических учений. 4-е изд. Москва: Языки славянской культуры, 2005.
8. *Helbig G.* Geschichte der neueren Sprachwissenschaft. 8. Aufl., Wiesbaden: Springer Fachmedien, 1989.
9. *Koerner E. F. K.* Toward a History of American Linguistics. London & New York: Routledge, 2002.
10. *Auroux S. et al.* History of the Language Sciences. An International Handbook on the Evolution of the Study of Language from the Beginnings to the Present. Vol. 1–5. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000–2006.
11. *McLelland N.* Women in the history of German language studies: ‘That subtle influence for which women are best suited’? // Women in the History of Linguistics / ed. By W. Aires-Bennett, H. Sanson. Oxford: Oxford University Press, 2020. (pp. 193–218).
12. *Falk J. S.* Women, Language and Linguistics. Three American Stories from the First Half of the Twentieth Century. London and New York: Routledge, 2002.
13. *Massé M. A., Bauer-Maglin N.* Staging Women’s Lives in Academia. Gendered Life Stages in Language and Literature Workplaces. New York: SUNY Press, 2017.
14. *Meroney Z.* Rediscovering the French Salonnière: An Exploration into the Lives of the Women Behind the Men. Athens: University of Georgia, 2010.
15. *De Staël-Holstein J.* De l’Allemagne. Vol. 1–4. Paris, Leipzig: F.A. Brockhaus, 1813–1814.
16. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под ред. А. А. Дмитриева. М.: МГУ, 1980.
17. *Paulin R.* The Life of August Wilhelm von Schlegel, Cosmopolitan of Art and Poetry. Cambridge: Open Books Publishers, 2016.

REFERENCES

1. Amirova, T. A., Ol'khovikov, B. A., Rozhdvestvenskij, Yu. V. (2005). *Istoriya yazykoznaniya = History of Linguistics*. 2nd ed. Moscow: Academia. (In Russ.)
2. Kondrashov, N. A. (1979). *Istoriya lingvisticheskikh uchenij = History of linguistic concepts*. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.)
3. Berezin, F. M. (1975). *Istoriya lingvisticheskikh uchenij = History of linguistic concepts*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
4. Berezin, F. M. (1979). *Istoriya russkogo yazykoznaniya = History of linguistics*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
5. Susov, I. P. (2006). *Istoriya yazykoznaniya = History of linguistics*. Moscow: Vostok–Zapad. (In Russ.)
6. Danilenko, V. P. (2016). *Obshhee yazykoznanie i istoriya yazykoznaniya = General linguistics and history of linguistics*. Moscow: Flinta. (In Russ.)
7. Alpatov, V. M. (2005). *Istoriya lingvisticheskikh uchenij = History of linguistic concepts*. 4th ed. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
8. Helbig, G. (1989). *Geschichte der neueren Sprachwissenschaft*. 8. Aufl., Wiesbaden: Springer Fachmedien.
9. Koerner, E. F. K. (2002). *Toward a history of American linguistics*. London & New York: Routledge.
10. Auroux, S. et al. (2000–2006). *History of the language sciences. An international handbook on the evolution of the study of language from the beginnings to the present*. Vol. 1–5. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
11. McLelland, N. (2020). Women in the history of German language studies: 'That subtle influence for which women are best suited'? In Aires-Bennett, W., Sanson, H. (eds.), *Women in the history of linguistics* (pp. 193–218). Oxford: Oxford University Press.
12. Falk, J. S. *Women, language and linguistics. Three American stories from the first half of the twentieth century*. London and New York: Routledge.
13. Massé, M. A., Bauer-Maglin, N. (2017). *Staging women's lives in academia. Gendered life stages in language and literature workplaces*. New York: SUNY Press.
14. Meroney, Z. (2010). *Rediscovering the French Salonnière: An exploration into the lives of the women behind the men*. Athens: University of Georgia.
15. De Staël-Holstein, J. (1813–1814). *De l'Allemagne*. Vol. 1–4. Paris, Leipzig: F. A. Brockhaus.
16. Dmitriev, A. S. (Ed.). (1980). *Literaturnye manifesty zapadnoevropejskikh romantikov = Literature Manifestos of Western European Romanticists*. Moscow: MGU. (In Russ.)].
17. Paulin, R. (2016). *The life of August Wilhelm von Schlegel, cosmopolitan of art and poetry*. Cambridge: Open Books Publishers.

Информация об авторе

Радченко О. А. – доктор филологических наук, профессор
кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Radchenko O. A. – Doctor of Philology (Dr. habil), Full Professor,
Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования
30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021;
accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 81.82

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_48

МОНОЯЗЫЧИЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУКИ

Н. Н. Трошина

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, Москва, Россия,
troshinat@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются две различные трактовки понятия «интернационализация науки» и юридические последствия доминирования английского языка в академической сфере коммуникации, т. е. в сфере научных исследований и высшего образования. Англофикация этой сферы вызывает вопросы о соответствии сложившейся ситуации положениям и духу Болонской декларации 1999 года «О создании общеевропейского пространства высшего образования», призывающей к уважению национальных языков, культур и систем образования, так как именно в этой Декларации сторонники моноязычия в науке видят его обоснование.

Ключевые слова: интернационализация науки, моноязычие, многоязычие, Болонская декларация, Основной закон ФРГ

Для цитирования: Трошина Н. Н. Моноязычие и интернационализация науки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 48–58. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_48

Original article

LINGUISTIC DIMENSION OF THE INTERNATIONALIZATION OF SCIENCE

N. N. Troshina

Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, troshinat@mail.ru

Abstract. The article considers two different interpretations of the concept «internationalization of science» and the legal results of the English language dominance in academic communication, i. e. in the field of scientific research and higher education. The English language dominance in this sphere raises questions about the compliance of the current situation with the provisions and the spirit of the 1999 Bologna Declaration «On the European space for higher education» calling

for respect for national languages, cultures and educational systems, since it is in this Declaration that supporters of monolingualism in science see its justification.

Key words: internationalization of science, monolingualism, multilingualism, Bologna Declaration, The basic law of Germany

For citation: Troshina, N. N. (2021). Linguistic dimension of the internationalization of science. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(851), 48–58. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_48

Введение

Идея интернационализации науки и высшего образования наиболее ярко отразилась в двух известных выражениях: *English only!* и *Spitzenforschung spricht English!* Второе выражение принадлежит экс-президенту Немецкого научно-исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG) Хуберту Марклю. На первый взгляд, моноязычие, которое вербально упрощает научную коммуникацию и способствует быстрому распространению научной информации, не должно вызывать возражений, – напротив, оно должно положительно восприниматься всеми участниками производства научного знания и преподавательским составом высших учебных заведений. Обычно сторонники такой точки зрения ссылаются на Болонскую декларацию «О создании общеевропейского пространства высшего образования» подписанную 19 июня 1999 года в г. Болонья¹, в соответствии с положениями которой началась Болонская реформа высшей школы и Болонский процесс. Однако возникают вопросы, которые активно обсуждаются сегодня в научной сфере:

1. Насколько тенденция к английскому моноязычию соответствует положениям этой Декларации?
2. Как внедрение англоязычной монокультуры в академическую сферу соотносится с законными правами участников этой сферы – исследователей, преподавателей вузов и студентов?

Положения этой Декларации направлены на взаимодействие европейских университетов на основе Великой хартии европейских университетов (*Magna Charta Universitatum Europearum*)², принятой также

¹ Bolonskaya deklaratsiya. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=17664

² Velikaya hartiya evropeyskih universitetov. URL: http://bolognaby.org/images/Library/Magna_Carta_Universitatum_ru.pdf

в Болонье в 1988 году. Целью этой Хартии является унификация европейских образовательных систем и развитие европейского университетского сообщества. Необходимым условием для достижения этой цели в Хартии признается моральная и интеллектуальная независимость университетов от всех политических властей и экономического давления. Подчеркивается, что обучение и проведение научных исследований должны дополнять друг друга, чтобы университеты могли соответствовать запросам постоянно меняющегося общества. Университеты трактуются в этой Хартии как интеллектуальные институции, лежащие в основе обществ, имеющих различные географические особенности, исторические традиции и поэтому различно организованные (п. 1 Хартии). Во взаимодействии университетов Хартия видит жизненную потребность различных культур (п. 4 Хартии).

Болонская декларация и языковой аспект интернационализации науки

Подтверждая эти принципы, Болонская декларация подчеркивает необходимость уважения к национальным культурам, языкам и системам образования. Однако при всем благородстве этой задачи практическая ее реализация столкнулась со значительными трудностями прежде всего языкового характера, так как языковой аспект Болонской декларации оказался проработанным явно недостаточно. Это вызвало немалые проблемы как в сфере научных исследований, так и в сфере высшего образования и, следовательно, обусловило проблемы с реализацией Болонской реформы во многих европейских странах, в частности в Германии – в стране, имеющей давние научные традиции и достижения, признанные во всем мире. Не случайно в немецкие университеты стремятся молодые люди из многих европейских и неевропейских стран: Италии, Австрии, Франции, России, Украины, Китая, Турции, Индии и др. По данным официальной немецкой статистики, в зимнем семестре 2019 / 2020 годов иностранные студенты в Германии составили 14,2% всего студенчества¹. Для реализации Болонской реформы университеты стремятся

¹Anzahl der ausländischen Studierenden an Hochschulen in Deutschland im Wintersemester 2019 / 2020 nach Herkunftsländern: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/301225/umfrage/auslaendische-studierende-in-deutschland-nach-herkunftslaendern/>

«интернационализироваться» путем зачисления большого числа иностранных студентов, для чего широко вводят в учебный процесс английский язык, т. е. англофицируются. Это существенно изменило не только языковую и культурную (точнее, межкультурную) ситуацию в немецких вузах, но и снизило степень доступности высшего образования для многих граждан ФРГ, не имеющих достаточной подготовки по английскому языку (*soziale Durchlässigkeit des deutschen Hochschulbildungssystems*) [Rösch, 2020, с. 21].

Юридические проблемы языковой интернационализации науки

Эти проблемы обусловлены в значительной степени тем, что в основном законе ФРГ не зафиксирован статус немецкого языка как государственного, но при этом гражданам гарантируется право на получение образования на их родном немецком языке. Активное продвижение английского языка в сферу образования и науки не учитывает положений немецкого национального права и даже противоречит ему, подчеркивает профессор Берлинского университета им. Гумбольдта, юрист Алекс Флесснер, ссылаясь на следующие статьи Основного закона: ст. 12 – о свободе выбора профессии, ст. 5 – о свободе научной деятельности, ст. 2 – о свободе развития личности, ст. 3 – о запрете на дискриминацию по языковому признаку [Flessner, 2020, с. 24]. Изменившаяся языковая ситуация в немецких вузах нарушает права преподавателей как профессионалов в определенных отраслях знания, так как эти люди получили научную квалификацию, подтвержденную соответствующими научными степенями, в ходе подготовки на родном языке – на немецком. Сегодня же эти специалисты поставлены в положение, когда их обгоняют в карьерном росте и признании их англоязычные коллеги только потому, что могут использовать в преподавании свой родной язык – английский, но котором они получили свою научную квалификацию [там же, с. 24–25].

Нарушаются также личные права студентов-носителей немецкого языка, получивших немецкий аттестат зрелости. Их подготовка по английскому языку в рамках школьной программы оказывается явно недостаточной для обучения в вузе по англоязычным программам.

В настоящее время правительство федеральной немецкой земли Бавария планирует открыть в Нюрнберге новый технический университет, который должен стать образцовым вузом и снискать международное признание, В значительной степени эти планы основываются на том, что обучение в нем будет вестись только на английском языке. По планам авторов этого проекта, 40% обучающихся должны составить студенты-иностранцы. Однако для них англоязычные программы также могут стать проблемой, если эти студенты не являются носителями английского языка. Кроме того, как показала практика обучения таких студентов в других немецких университетах, обучение только на английском языке в отрыве от немецкого часто идет вразрез с их жизненными и карьерными планами, так как, не владея немецким языком, они сталкиваются с большими трудностями при поиске работы в Германии после получения высшего образования.

Их маргинализация в немецком обществе начинается еще в период учебы в вузе. Эти молодые люди, которых привлекло в немецкие университеты традиционно высокое качество, практическая бесплатность немецкого высшего образования и отсутствие необходимости осваивать сложный немецкий язык, весьма скоро убеждаются в ошибочности своей языковой установки и последовательно проходят несколько фаз отчуждения от немецкой среды:

- 1) неуверенность в себе, в своих коммуникативных способностях даже при наличии каких-то знаний немецкого языка, полученных до отъезда в Германию, но не востребованных в немецком университете;
- 2) сожаления, что были потрачены зря время и усилия на занятия немецким языком до отъезда на учебу;
- 3) опасения оказаться несостоятельными в плане владения немецким языком после возвращения в свои страны, где окончивших немецкий университет считают экспертами по Германии, а они не могут даже ответить на телефонный звонок или написать мэйл.

Учитывая эти последствия обучения в Германии на английском языке, К. Петерайт и Э. Шпильман-Роме приходят к выводу, что английский как единственный язык обучения в неанглоязычной стране является «искусственным конструктом интернационализации» [Petereit, Spielmann-Rome, 2010, с. 173].

В начале 2009 года подкомитет бундестага по вопросам зарубежной политики в области образования и культуры провел слушания на тему «Немецкий как язык науки». Депутаты были шокированы, услышав, что приглашаемые зарубежные специалисты, хорошо владеющие немецким языком, забывают его, проработав три года в Германии. Депутаты, судя по их реакции, начинают понимать масштаб проблемы и необходимость придать правовой статус немецкому языку и культуре, закрепив его в Основном законе [Webler, 2009].

Немецкое общество, в свою очередь, заинтересовано в том, чтобы специалисты, подготовленные в немецких университетах на деньги немецких налогоплательщиков, могли нормально общаться с немецкими коллегами по профессии и чувствовать себя частью профессионального сообщества. Но это невозможно без умения использовать профессиональный немецкий язык в сочетании с повседневным. Напомним, что известный немецкий физик и философ Карл-Фридрих фон Вайцзеккер подчеркивал, что точную науку нельзя отрывать от разговорного языка¹.

Перевод образования на английский язык не соответствует также интересам государства, указывает А. Флесснер, так как «без языка нет государства, без национального языка государство недееспособно в своей стране ... Интересы государства нарушаются, если образовательная политика вытесняет национальный язык из использования именно на высших уровнях системы образования под давлением другого языка» [Flessner, 2020, с. 26]. Мнение А. Флесснера разделяет О. Рёш, отмечая, что поскольку содержание и направленность англоязычных учебных программ недоступны общественности, их публичное обсуждение становится невозможным, хотя этого требует Основной закон ФРГ как демократического государства [Rösch, 2020, с. 20].

Возвращаясь к плану баварского правительства по поводу открытия англоязычного технического университета в Нюрнберге, уточним, что охарактеризованный выше юридический контекст заставляет авторов этого проекта задуматься над разработкой концепции поддержки немецкого языка как специального и как языка повседневного университетского общения [Flessner, 2020, с. 24].

¹ADAWiS. URL: http://adawis.de/fileadmin/user_upload/Leitlinien/Leitlinien_2015_russisch.pdf

Трактовки понятия интернационализации науки

Из вышесказанного следует, что проблема интернационализации академического общения в его устной и письменной формах стоит очень остро. В этом контексте предлагаются две основные трактовки этого понятия.

Первая соответствует духу Болонской декларации, в которой сам термин «интернационализация» отсутствует и которая призывает к уважению и сохранению национальных языков, культур и образовательных систем. Поэтому первая трактовка понятия интернационализации науки связана с пониманием этого феномена как многоаспектного, предполагающего открытость науки и высшего образования «мирам других языков, в которых проводятся научные исследования» [там же, с. 27], поскольку на этих языках сохранено накопленное знание. Абсолютно прав профессор А. Флесснер, что «многоязычие свойственно самой природе науки» [там же, с. 27]. Такой подход к интернационализации науки позволит создать «университет многоязычия как интеллектуальный институт эпохи глобализации» [Flessner, 2010, с. 897], в котором может с успехом практиковаться дифференцированное многоязычие, т. е.: 1) использование национальных языков в различном объеме для подготовки по различным научным специальностям; 2) написание статей, книг, диссертаций и других научных текстов на национальных языках с обязательной развернутой аннотацией на английском языке; 3) использование национальных языков на национальных научных конференциях с предоставлением, если потребуется, синхронного перевода на английский язык. Ведущую и объединяющую роль должен при этом играть государственный язык.

Проблему интернационализации высшего образования О. Рёш предлагает решать на следующих уровнях:

- 1) на уровне организации учебного процесса, направленного на развитие межкультурной компетенции студентов в соответствии с принципом «Невозможна интернационализация без межкультурной компетенции» (Internationalität nicht ohne Interkulturalität) [Rösch 2013, с. 72];
- 2) на уровне разработки сопоставимых международных стандартов для учебных программ и дипломов различных уровней и оценки академических успехов;

- 3) на уровне адаптации вузов к стандартам международного сотрудничества;
- 4) на уровне взаимодействия с международными организациями (ЮНЕСКО, Всемирным банком, институциями Евросоюза и т. д.) [Rösch, 2015, с. 18].

Реализация такого подхода может сделать вполне возможной сочетание интернационализации науки с сохранением статуса немецкого языка, что соответствует языковым, культурным и юридическим интересам немецкого общества. Отметим, что в сохранении международного престижа немецкого языка заинтересованы очень многие немецкие ученые: например, как выяснилось в результате опроса, 90% немецких медиков выступают за проведение в Германии именно многоязычных международных конференций по проблемам медицины (или, как минимум, двуязычных – на немецком и английском языках) [Wabler, 2009].

Вторая трактовка интернационализации науки определяется коммерческими интересами так называемых бизнес-университетов (*unternehmerische Universitäten*), руководство которых подчеркивает необходимость подготовки студентов к запросам современного международного рынка труда, где 30% профессий требует знания английского языка. С этой установкой согласуются планы создания англоязычного технического университета в Нюрнберге. Его предшественником в этом отношении является Мюнхенский технический университет, также подвергающийся критике сторонников многоязычия в академической сфере. Последние упрекают руководство Мюнхенского университета в переводе высшего образования на экономические рельсы и его подчинение американским стандартам. Однако коммерческий вице-президент названного университета Герхард Мюллер, уверенный в неправомерности такой постановки вопроса, подчеркивает, что коммерческое управление в академической сфере создает для этой сферы надежную материальную базу в форме университета и поэтому финансово, а также организационно обеспечивает «условия для развития индивидуальных креативных способностей студентов на всех уровнях университетского образования» [Müller, 2020, с. 24].

Преимущества использования английского языка в международном научном общении невозможно отрицать, но во всем нужна мера. Эта мера заключается в реализации дифференцированного активного и пассивного многоязычия, потому что языковая монокультура

в научной сфере, т.е. гегемония одного какого-то языка приводит не к интернационализации науки, а, наоборот, превращается в одну из форм ее колонизации посредством языка [Rösch, 2018, с. 27]. Использование обозначения «интернационализация» по отношению к научной коммуникации О. Рёш квалифицирует как манипулятивный дискурсивный прием, противоречащий положению Болонской декларации о равноправном взаимодействии языков и культур.

Признавая это и видя издержки доминирования английского языка, руководители некоторых западных университетов, например, ректор Амстердамского университета, считающегося одним из лидеров в англофонизации науки и образования [Steinbach, 2020, с. 191], высказываются за баланс между англоязычными программами и программами на национальных языках, а также за организацию для студентов языковых курсов, ориентированных на эти программы.

Заключение

Подлинная интернационализация науки состоит не в монопольном применении английского языка во всех ситуациях устной и письменной научной коммуникации, а в разумном сочетании английского и национальных языков в конкретных сферах научных исследований и высшего образования. В таком случае будет возможно использование накопленного знания, вербализованного на разных языках, а также решение дилеммы, перед которой оказываются ученые-носители не английского, а других языков: сохранять ли лояльность своему родному языку и своей родной культуре или все же руководствоваться интересами своего научного престижа и научной карьеры. Можно надеяться, что решение будет принято в пользу первого варианта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Rösch O.* Vom Wert der Sprache überzeugt sein. In: *DUZ: Wissenschaft & Management.* 2020. 10. S. 18–23.
2. *Flessner A.* Alles, was recht ist. In: *DUZ: Wissenschaft & Management.* 2020. 10. S. 24–29.
3. *Petereit K., Spielmann-Rome E.* Spricht deutsch mit uns! In: *Forschung & Lehre.* 2010. 5. S. 172–173.
4. *Webler W.-D.* Gespräch mit Prof. Dr. med. Ralph Mocikat, Vorsitzender des Arbeitskreises Deutsch als Wissenschaftssprache (ASAWiS). In: *Forschung?* 2009, 3+4. S. 112–114.

5. *Flessner A.* Die Bedeutung von Wilhelm von Humboldts Sprachdenken für die Rechtswissenschaft. In: Festschrift 200 Jahre Juristische Fakultät der Humboldt-Universität zu Berlin: Geschichte, Gegenwart und Zukunft. Berlin: de Gruyter, 2010. S. 874–898.
6. *Rösch O.* Internationalisierung der Hochschulen – und was ist mit Kultur? In: Die neue Hochschule. 2013, 3. S. 70–74.
7. *Rösch O.* Internationalisierung der Hochschulbildung – was sind unsere Ziele? In: Die neue Hochschule. 2015, 1. S. 18–24.
8. *Müller G.* Die Universität zwischen unternehmerischer Lenkung und Bildungsauftrag? Anmerkungen aus dem Blickwinkel einer unternehmerischen Universität. In: Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? Baden-Baden: Nomos, 2020. S. 23–28.
9. *Rösch O.* Zum Diskurs über die Sprache in der Wirtschaftskommunikation. In: Die Neue Hochschule, 2018, 4. S. 26–29.
10. *Steinbach U.* Deutsch als Wissenschaftssprache – Gebot oder Wettbewerbsnachteil? In: Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? Baden-Baden: Nomos, 2020. S. 191–202.

REFERENCES

1. Rösch, O. (2020). Vom Wert der Sprache überzeugt sein. In: DUZ: Wissenschaft & Management, 10, 18–23.
2. Flessner, A. (2020). Alles, was recht ist. In: DUZ: Wissenschaft & Management, 10, 24–29.
3. Petereit, K., Spielmann-Rome, E. (2010). Spricht deutsch mit uns! In: Forschung & Lehre, 5, 172–173.
4. Webler, W.-D. (2009). Gespräch mit Prof. Dr. med. Ralph Mocikat, Vorsitzender des Arbeitskreises Deutsch als Wissenschaftssprache (ASAWiS). In: Forschung, 3+4, 112–114.
5. Flessner, A. (2010). Die Bedeutung von Wilhelm von Humboldts Sprachdenken für die Rechtswissenschaft. In: Festschrift 200 Jahre Juristische Fakultät der Humboldt-Universität zu Berlin: Geschichte, Gegenwart und Zukunft (S. 874–898). Berlin: de Gruyter.
6. Rösch, O. (2013). Internationalisierung der Hochschulen – und was ist mit Kultur? In: Die neue Hochschule, 3, 70–74.
7. Rösch, O. (2015). Internationalisierung der Hochschulbildung – was sind unsere Ziele? In: Die neue Hochschule, 1, 18–24.
8. Müller, G. (2020). Die Universität zwischen unternehmerischer Lenkung und Bildungsauftrag? Anmerkungen aus dem Blickwinkel einer unternehmerischen Universität. In: Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? (S. 23–28). Baden-Baden: Nomos.

9. Rösch, O. (2018). Zum Diskurs über die Sprache in der Wirtschaftskommunikation. In: Die Neue Hochschule, 4, 26–29.
10. Steinbach, U. (2020). Deutsch als Wissenschaftssprache – Gebot oder Wettbewerbsnachteil? In: Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? (S. 191–202). Baden-Baden: Nomos.

Информация об авторе

Н. Н. Трошина – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Information about the author

N. N. Troshina – PhD (Philology), Leading Researcher of Linguistic Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 81.25

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_59

**НАРОД И ЯЗЫК:
РАВНОЗНАЧНОСТЬ ИЛИ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ?**

Г. Т. Хухуни¹, И. И. Валуйцева²

^{1,2}Московский государственный областной университет, Москва, Россия,

¹khukhuni@mail.ru

²irinaiv-v@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о взаимоотношении этнического / национального самосознания коллектива с используемым им языком. Отмечается, что названная проблема имеет существенное значение не только для лингвистики, но и для таких гуманитарных дисциплин, как история, философия, этнография, политология и др. Анализируя основные концепции, относящиеся к данному вопросу, и указывая на различные подходы к его решению, авторы отмечают, что постулат, согласно которому сохранение языка не связано с этническим самосознанием, требует существенной корректировки.

Ключевые слова: язык, народ, этнический, самосознание, ассимиляция, сохранение, возрождение

Для цитирования: Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Народ и язык: равнозначность или пересечение? // Вестник Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 59–70. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_59

Original article

**ETHNOS AND LANGUAGE:
EQUIPOLLENCY OR INTERSECTION?**

G. T. Khukhuni¹, I. I. Valuytseva²

Moscow Region State University, Moscow, Russia

¹khukhuni@mail.ru

²irinaiv-v@yandex.ru

Abstract. The present paper investigates the problem of interrelation between the ethnic / national identity of the community and its language. The importance of it for linguistics, as well as other humanitarian disciplines, such as history, philosophy, ethnography, political science, etc. is emphasized. The authors analyze the main

concepts related to this issue and demonstrate different approaches to it. They also postulate that the thesis, according to which preservation of language is not connected with the ethnic identity, demands substantial revision.

Key words: language, folk, ethnic, identity, assimilation, preservation, revival

For citation: Khukhuni, G. T., Valuytseva, I. I. (2021). Ethnos and language: equipollency or intersection? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 59–70. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_59

Введение

Проблема взаимоотношения между этническим / национальным (вопрос о специфике каждого из названных понятий не входит в задачи настоящей статьи) самосознанием того или иного коллектива и используемым им языком традиционно привлекала к себе пристальное внимание ученых, причем не только (и даже, вероятно, не столько) «чистых» лингвистов, но и представителей практически всех областей гуманитарного знания: историков, философов, этнографов, политологов и др. Это вполне понятно, учитывая, что общественное внимание к ней всегда было и будет несравненно большим, чем, скажем, к описанию фонологической системы того или иного языка или изучению эволюции его грамматического строя. Особенно остро относящиеся к названной проблеме вопросы стоят в многонациональных государствах, где то или иное суждение, их касающееся, может вызвать весьма бурную реакцию, зачастую не ограничивающуюся научными рамками. Указанное обстоятельство является свидетельством несомненной актуальности данной темы. Основное внимание при ее рассмотрении привлекает синхронический аспект. Вместе с тем представляется необходимым и обращение к диахронии, тем более что именно к ней часто апеллируют в происходящих по данному вопросу дискуссиях. В предлагаемой статье предпринимается попытка рассмотреть некоторые вопросы соотношения этнического / национального и языкового самосознания.

Язык и язык: одно неотделимо от другого?

Рассмотрение интересующей нас проблемы мы хотели бы начать с цитаты из церковнославянского словаря: «Язык – значит а) народ,

племя; б) способность говорить, выражать свою мысль словом; в) член тела и орудие для речи» [Свирелин, 2013, с. 253].

Сам по себе зафиксированный в процитированном фрагменте факт, разумеется, хорошо известен и неоднократно приводился и в научной литературе, и в публицистике как одно из подтверждений неразрывной связи этнического / национального самосознания коллектива с присущим ему языком. Можно с достаточным основанием предположить, что подобное восприятие свойственно «по умолчанию» подавляющему большинству людей на всём протяжении человеческой истории. Со времён В. фон Гумбольдта положение «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» [Гумбольдт, 1984, с. 68] неоднократно воспроизводилось и воспроизводится (с изменяющимся терминологическим аппаратом) и в научной литературе. Если говорить об отечественных авторах, то здесь можно вспомнить высказывание В. И. Даля: «Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски» [Мельников, 1873, с. 340].

Аналогичные идеи характерны и для многих современных исследователей, в трудах которых часто встречается утверждение: «Решающая роль в формировании этнической идентичности принадлежит языку» [Пищальникова, 2021, с. 341]. В этом отношении показательным представляется и нередко используемое понятие «этноязыковое сознание», также исходящее из данного постулата, хотя его понимание и трактовка в тех или иных трудах могут различаться.

Утрата языка и существование народа: два взгляда на проблему

Принятие сформулированного выше положения неизбежно потребует уточнения еще одного момента: можно ли говорить о сохранении этнической идентичности в тех случаях, когда утрачивается язык? Если исходить из буквального понимания термина «этноязыковое сознание» как подчеркивающего неразрывную связь между этническим и лингвистическим компонентами, то логично было бы признать, что утрата второго (языковой сдвиг) должна повлечь за собой и аналогичные последствия для первого. Крупнейший представитель отечественной педагогической мысли К. Д. Ушинский именно в таком духе подходил к решению этого вопроса: «В языке одухотворяется весь

народ и вся его родина < ... > Когда исчезает народный язык, – народа нет более! < ... > Отнимите у народа все – и он все может воротить; но отнимите язык, и он никогда более уже не создаст его; новую родину даже может создать народ, но языка – никогда: вымер язык в устах народа – вымер и народ» [Ушинский, 1994, с. 198–199].

Однако весьма авторитетные авторы высказывали и продолжают высказывать и противоположную точку зрения, сущность которой заключается в том, что исчезновение языка отнюдь не влечет за собой обязательный уход народа. Именно такую позицию недавно озвучил один из видных отечественных этнографов: «Добровольная языковая ассимиляция (то есть переход с этнического языка на общеупотребимый) является нормой, неотъемлемым правом человека, как и право сохранять язык своей местности. Надо признать эти права. <...> Утрата языка трактуется как исчезновение народа. Это <...> заблуждение. <...> Индейские языки почти исчезли. Но народы остаются. То же самое и в нашей стране. Российские немцы, украинцы, армяне почти все русскоязычные. Из евреев мало кто знает идиш или иврит. Но от этого они не перестали быть армянами или евреями» [Тишков, 2019].

Таким образом, если, согласно первой точке зрения, понятия языка и народа рассматриваются как равнозначные понятия с совпадающими объемами (ср. приведенное выше высказывание В. фон Гумбольдта), то во втором случае они трактуются как понятия пересекающиеся: некоторые языки являются признаками этнической идентичности, но этническая идентичность возможна и без отдельного языка. Представляется важным, что в данном случае речь идет не о языке, вышедшем за пределы своего исходного распространения, когда переселенцы, для которых он был родным, его не утрачивают, а напротив, распространяют, формируя новые национальные образования (английский – в США, испанский – в странах Латинской Америки и т. п.), а именно об утрате своего языка, который вообще прекращает свое существование, и переходе на другой. Поскольку в приведенной цитате подчеркивается «добровольность» такого рода языкового сдвига, то здесь можно было бы говорить о «добровольной лингвистической эвтаназии».

В приведенной выше цитате не проводится различия между двумя принципиально отличными друг от друга явлениями: языком диаспоры, основная масса носителей которого проживает за пределами данного государства – на территории, где данный идиом является доминирующим

средством коммуникации, и языком коренного населения, в силу тех или иных причин входящего в состав государства, имеющего другой общегосударственный язык. Так, те же армянский, немецкий и украинский языки продолжают благополучно функционировать на территории соответствующих стран (до распада СССР армянский и украинский – в союзных республиках, хотя сфера их применения в разные периоды могла быть различной). Это в немалой степени способствует сохранению этнического самосознания представителей названных диаспор. От того, знают они свои этнические языки или нет, существование данных идиомов как таковое не зависит ни в малейшей степени. Во втором случае, когда нигде более данный идиом не используется, «добровольная языковая ассимиляция» означает смерть языка.

Добровольность и «добровольность»

Представляется также не вполне оправданным, говоря о «добровольной языковой ассимиляции», упоминать языки коренных народов Америки и судьбу идиша. Во-первых, тезис о том, что «исчезновение» – хотя правильное было бы в данном случае говорить о насильственном вытеснении – индейских языков не препятствовало тому, что «народы остались», представляется спорным, так как хорошо известно, что это «исчезновение» в значительной степени являлось результатом как раз весьма интенсивной борьбы с их носителями со стороны европейских переселенцев и их потомков. Если даже считать приводимые некоторыми авторами утверждения, согласно которым на территории нынешних Соединенных Штатов Америки численность коренного населения с начала XVI до начала XX вв. сократилась с 15 млн до 237 тыс. (в настоящее время называют цифру около 5 млн), полемическим преувеличением, то ее сокращение (отнюдь не «добровольное»!) на несколько порядков – факт общеизвестный и отраженный в литературных произведениях и кинофильмах самой Америки (воспевание «героев фронта», покорение «дикого Запада» и т. п.). Во-вторых, большая часть носителей идиша состояла из европейских евреев, что, учитывая события, связанные со Второй мировой войной, также делает утверждение о «добровольности» спорным. Другое дело, что многие из тех, кто стремился к созданию еврейского государства, действительно отрицательно относились к идишу, видя в нем один из

тех жаргонов, «которые образовались под давлением гетто» и «на которых украдкой выражали свои мысли рабы» [Герцль, 1896, с. 92].

Чаще всего, когда говорят о ситуации, определяемой как «сохранение народа – утрата языка», вспоминают историю с ирландским. Приведем популярную в советские годы цитату из Ф. Энгельса, согласно которой ирландцы «чем больше усваивали английский язык и забывали свой собственный, тем больше становились ирландцами» [Энгельс, 1870], и замечание далеко отстоявшего от него по политическим взглядам премьер-министра Британской империи в годы Первой мировой войны Д. Ллойд Джорджа, писавшего: «Значительная часть ирландского народа забыла свой древний язык и в течение многих столетий говорила на языке ненавистных им работодателей, ругая последних на их собственном языке» [Ллойд Джордж, 1957, с. 31].

Представляется, что пример с ирландским, как и с другими идиомами, оказавшимися по разным причинам в аналогичном положении, не столь прямолинеен, поскольку в ряде случаев здесь можно наблюдать и противоположный процесс – стремление «вернуть» / «воскресить» язык, сделав его одним из существенных компонентов этнического самосознания.

«Возрождение языка» и национальное самосознание: параллелизм или взаимосвязь?

Даже поверхностное знакомство с историей многих национальных движений позволяет заметить, что во многих случаях формирование / возрождение этнического самосознания, т. е. стремление выделить данный коллектив в качестве самостоятельного этноса, противопоставив его другим – в первую очередь тем, ассимиляция с которыми представляется наиболее реальной (а с позиций «будителей» этнического самосознания – и наиболее угрожающей) перспективой, включает и лингвистический компонент. В подобных случаях особенно ярко появляется выделительная функция языка, когда он, прежде всего в своей литературной форме, «используется как средство “выделения” своего этноса (своей этнической группы) среди других этносов, предполагает противопоставление “своих” “чужим”» и, таким образом, «является элементом национальной идентификации» [Выделительная функция языка, 2006, с. 41–42].

Недавно в русском переводе вышла книга, посвященная языкам Европы, где глава об ирландском языке носит весьма характерное название «Возвращение с того света» (ср. название очерка о другом «возрождаемом» языке – мэнском – «Отшатнувшись от пропасти»). Автор отмечает: «Для националистов язык всегда был символом принадлежности к Ирландии» [Доррен, 2018, с. 233].

Более того, само движение за сохранение этнического самосознания нередко начиналось именно с лингвистической составляющей – стремления к обратному языковому сдвигу. На это обратил внимание К. Д. Ушинский в приведенном выше высказывании, говоря о славянских народах, которым угрожала германизация. Так обстояло дело, например, с чешским языком. Он писал: «...наши западные братья, вынесши все возможные насилия от иноплеменников, когда это насилие, наконец, коснулось языка, поняли, что дело идет теперь уже о жизни или смерти самого народа» [Ушинский, 1994, с. 109].

Разумеется, далеко не всегда стремление сохранить национальную идентичность, а в перспективе дать ей собственную государственность (при отсутствии таковой) принимает форму борьбы за исконный язык, поскольку речь идет о тех или иных индивидах, принадлежащих к данному этносу. Среди тех, кто не разделял подобной позиции, особенно в ее крайней форме, могли быть и личности, сыгравшие в жизни данного народа весьма значимую роль. «Патриарх славистики» И. Добровский, сыгравший огромную роль в развитии чешского литературного языка, большую часть своих трудов писал на латыни и немецком. А основоположник сионизма Т. Герцль, создавая проект будущего еврейского государства, не считал возможным использовать в качестве воплощения «выделительной функции» не только идиш, о чем говорилось выше, но и иврит: «Не можем же мы, в самом деле, говорить между собой на древнееврейском языке. Да и кто из нас владеет этим языком в достаточной степени, настолько даже, чтобы потребовать себе билет на железной дороге? <...> дело решается очень просто. Всякий остается при своем наречии, которое является милой родиной его дум. <...> Тот язык, который окажется наиболее полезным для всеобщего употребления, станет сам собою господствующим» [Герцль, 1896, с. 92–93]. Поскольку для самого Т. Герцля таким языком был немецкий, то именно его он и предполагал будущим средством коммуникации еврейского государства. Т. Герцль

не был одинок в этом. Говоря об отношении к данному вопросу в начале XX века среди евреев Палестины, иногда используют выражение «война языков». Несмотря на попытки утвердить немецкий, победа осталась за ивритом (подробнее о процессе его возрождения см. [Nagshav, 1993]), что еще раз продемонстрировало значимость выделительной функции языка. В таком исходе сыграли роль и те события, которые произошли в мире в 30-х – первой половине 40-х годов.

Языковой сдвиг и языковое переключение

В статье академика В. А. Тишкова, о которой шла речь выше, одновременно с вопросом о том, имеет ли значение для сохранения этнического самосознания наличие своего языка, затрагивается и вопрос о возможности индивида иметь два родных языка, причем подаются они как взаимосвязанные. После подчеркивания того факта, что «переход на государственный язык – естественный процесс», автор замечает: «Современный человек многоязычен. <...> моя позиция, кстати, совпадающая с научной точкой зрения, такова: у человека может быть два родных языка. Если человек родился в смешанной семье, он свободно владеет, скажем, чувашским и русским. Почему он должен какой-то один из них выбирать родным? <...> сотни народов перешли на другой язык, но сохранили свою идентичность и самосознание. <...> Одержимость изучением родного языка в понимании его как языка национальности мне непонятна» [Тишков, 2019].

Думается, что в данном случае автор допускает логическую некорректность: если индивид (и народ) целиком перешли на другой язык, то ни о каком «свободном владении» двумя языками говорить не приходится, поскольку в этом случае будет иметь место не языковое переключение, а языковой сдвиг. Что касается вопроса, могут ли у человека быть два родных языка, то В. Г. Костомаров, отвечая на него, писал: «Безусловно, могут. Если мыслительные способности и способности общения одновременно воспитываются на двух языках» [Костомаров, 2013]. Считаем, что такого рода индивидуальное абсолютное двуязычие не отменяет того факта, что коллективу, осознающему себя отдельным этносом, обычно присуще стремление подкрепить это сознание наличием собственного языка, поскольку утеря второго языка ставит под вопрос существование первого. Так, прусы,

будучи ассимилированы германцами в лингвистическом отношении, утратили полностью и свою этническую идентичность, тогда как лужицкие сербы, будучи двуязычными, сохранили и то и другое.

Насильственная ассимиляция: подавление народа – подавление языка?

Связь этнической и языковой идентификации можно проиллюстрировать и примером «от противного»: при осуществлении деструктивной национально-языковой политики, ставящей своей целью принудительно ассимилировать этнические общности, представляющиеся правящим кругам угрозой государственному единству, нередко основным ее объектом делают как раз родной идиом соответствующего этноса. Наличие отдельного языка в этом случае фактически рассматривается как питательная почва для политического сепаратизма. В относительно недавнее по историческим меркам время так обстояло дело во франкистской Испании; хорошо известна и ситуация с русским языком в некоторых бывших советских республиках. Соответствующие примеры можно найти и в более отдаленном прошлом, в частности – опять-таки обращаясь к судьбе ирландского. Так, Джонатан Свифт, с которым обычно связывают борьбу за права населения Ирландии, негативно высказывался о коренных обитателях страны, сохранявших свой язык. Он предлагал предпринять по отношению к этому языку весьма радикальные меры, и по существу, прямо увязывал с языковой ассимиляцией утрату ирландцами этнической идентичности: «Было бы большим достижением уничтожить ирландский язык в нашем королевстве, по крайней мере до такой степени, чтобы обязать всех местных жителей использовать только английский во всех случаях, касающихся деловой жизни и торговли в лавках, магазинах, на рынках, ярмарках и прочих подобных местах. <...> Это будет в значительной степени способствовать процессу цивилизации тех из них, кому в наибольшей степени присущи варварские наклонности, примирить их с нашими нравами и образом жизни и склонить большое их количество к нашей национальной религии, какая бы разновидность ее ни была установлена»¹ [Swift, 1964, с. 89]. Стоявшие на совершенно иных позициях деятели революцион-

¹Перевод наш. – Г. Х., И. В.

ной Франции также не поддерживали языковое разнообразие, считая насильственный переход на общегосударственный язык лучшим способом к достижению «свободы, равенства и братства». В качестве примера процитируем речь, произнесенную в Конвенте, в которой оратор утверждал: «Федерализм и суеверие говорят по-бретонски, эмиграция и ненависть к республике – по-немецки, контрреволюция говорит по-итальянски, а фанатизм – по-баскски. Разобьем эти орудия вредительства и заблуждения» [цит. по: Жирмунский 1936, с. 48–49].

Заключение

Вопрос о сохранении этнического самосознания и своего языка как способа его выражения представляется сложным и не всегда может быть решен однозначно. Однако в целом есть основания для вывода, что между ними существует достаточно тесная связь. Стремление сохранить / возродить / сформировать этническое самосознание на определенном этапе в большинстве случаев начинает пересекаться со стремлением возродить или расширить использование собственного идиома в социально значимых сферах, что не исключает возможности противодействия данной тенденции не только извне, но и со стороны тех или иных индивидов, принадлежащих к данному коллективу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Свирилин А.* Церковнославянский словарь. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2013.
2. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1984.
3. *Мельников П. И.* Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. 1873. № 3. С. 275–340.
4. *Пищальникова В. А.* История и теория психолингвистики. Москва: Р.Валент, 2021.
5. *Ушинский К. Д.* Наука и искусство воспитания. Москва: Образование и бизнес, 1994.
6. *Тишков В.* Народ не умирает с языком // Известия. 2019, 12 сентября. URL: <https://iz.ru/920557/valerii-tishkov/narod-ne-umiraet-s-izyukom> (дата обращения 05.04.2021).
7. *Герцль Т.* Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса. Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1896.

8. *Энгельс Ф.* Из фрагментов к работе «История Ирландии». 1870.
9. *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Москва: Издательство иностранной литературы, 1957.
10. Выделительная функция языка // Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. Ю. В. Михальченко. Москва: Институт языкознания РАН, 2006.
11. *Доррен Г.* Лингво. Языковой пейзаж Европы. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018.
12. *Harshav B.* Language in Time of Revolution. Berkeley: University of California Press, 1993.
13. *Костомаров В.* Могут ли у человека быть два родных языка? Безусловно... // ЦентрАзия. 27.02.2013. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1361940960>
14. *Swift J.* Irish Tracts. 1728–1733. Oxford: Basic Blackwell, 1964.
15. *Жирмунский В. М.* Национальный язык и социальные диалекты. Ленинград: Художественная литература, 1936.

REFERENCES

1. Svirelin, A. (2013). Cerkovnoslavyanskij slovar' = Dictionary of Church Slavonic Language. Nizhny Novgorod: Hristianskaya biblioteka. (In Russ.)
2. Humboldt, V. von. (1984). Izbrannye trudy po yazykoznaniiu = Selected Writings on Linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.)].
3. Mel'nikov, P. I. (1873). Vospominaniya o Vladimire Ivanoviche Dale = Memories about Vladimir Ivanovich Dal. Russkij vestnik, 3, 275–340. (In Russ.)
4. Pishchal'nikova V. A. (2021). Istoriya i teoriya psiholingvistiki = History and Theory of Psycholinguistics. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
5. Ushinskij, K. D. (1994). Nauka i iskusstvo vospitaniya = The Science and Art of Education. Moscow: Obrazovanie i biznes. (In Russ.)
6. Tishkov, V. (2019). Narod ne umiraet s yazykom = Volk doesn't Die with the Language. Izvestiâ. September 12. <https://iz.ru/920557/valerii-tishkov/narodne-umiraet-s-iazynom> (date of access: 05.04.2021). (In Russ.)
7. Herzl, Th. (1896). Evrejskoe gosudarstvo. Opyt sovremennogo resheniya evrejskogo voprosa = A Jewish State. An Attempt of the Modern Solution of the Jewish Question. St. Petersburg: Stasiylevich Printing House. (In Russ.)
8. Engels, F. (1870). Iz fragmentov k rabote «Istoriya Irlandii» = From the Fragments to the Work “History of Ireland”. <https://fil.wikireading.ru/32257> (date of access: 06.04.2021). (In Russ.)
9. Lloyd George, D. (1957). Pravda o mirnyh dogovorah = The Truth about the Peace Treaties. Moscow: Foreign Language Publishing House. (In Russ.)

10. Mikhalchenko, Yu.V. (Ed.). (2006). *Vydelitel'naya funkciya yazyka = The Distinguishing Function of a Language*. In: *Slovar' sociolingvisticeskikh terminov*. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN. (In Russ.)
11. Dorren, G. (2018). *Lingvo. YAzykovoju pejzazh Evropy = A Language Spotters Guide to Europe*. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus. (In Russ.)
12. Harshav, B. (1993). *Language in time of revolution*. Berkeley: University of California Press.
13. Kostomarov, V. (2013). *Mogut li u cheloveka byt' dva rodnyh yazyka? Bezuslovno... = Can a Person Have Two Native Languages? Without Doubt...* 27.02.2013. <https://centrasia.org/newsA.php?st=1361940960> (In Russ.).
14. Swift, J. (1964). *Irish Tracts. 1728–1733*. Oxford: Basic Blackwell.
15. Zhirmunskij, V. M. (1936). *Nacional'nyj yazyk i social'nye dialekty = National language and social dialects*. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)

Информация об авторах

Хухуни Г. Т. – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета

Валуццева И. И. – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета

Information about the authors

Khukhuni G. T. – Doctor of Philology (Dr. habil), Professor, Professor at the Department of the Theory of Language and English Studies, Moscow Region State University

Valuytseva I. I. – Doctor of Philology (Dr. habil), Professor, Professor at the Department of the Theoretical and Applied Linguistics, Moscow Region State University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

ТЕКСТ И ДИСКУРС

Научная статья

УДК 81.112

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_71

ОБ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Е. Е. Анисимова

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, letanisimova@mail.ru

Аннотация. В статье выявляются основные аспекты изучения религиозного дискурса в отечественной лингвистике. Функционально-жанровый аспект изучения религиозного дискурса раскрывает его функциональную сущность, когнитивный аспект религиозного дискурса отражен в исследованиях его концептосферы. Социальная сущность религиозного дискурса проявляется в его предназначении удовлетворять коммуникативные потребности верующих. Антропологический аспект изучения религиозного дискурса посвящен исследованию особенностей репрезентации религиозного человека в дискурсе как языковой и духовной личности.

Ключевые слова: религиозный дискурс, функционально-жанровый, когнитивный, социолингвистический, антропологический

Для цитирования: Анисимова Е. Е. Об аспектах изучения религиозного дискурса в отечественной лингвистике // Вестник Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 71–84. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_71

Original article

ON ASPECTS OF STUDYING RELIGIOUS DISCOURSE IN DOMESTIC LINGUISTICS

E. E. Anisimova

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, letanisimova@mail.ru

Abstract. The article identifies the main aspects of the study of religious discourse in Russian linguistics. It is stressed that it is the functional and the genre aspects of the

study that reveal the functional essence of this type of discourse. The cognitive essence of religious discourse is reflected in studies of its conceptsphere. The social essence of religious discourse manifests itself in its mission to meet the communicative needs of believers. The anthropological aspect of the study of religious discourse deals with the study of the religious person representation in the discourse with a focus on this person's linguistic and spiritual features.

Key words: religious discourse, functional and genre, cognitive, sociolinguistic, anthropological

For citation: Anisimova, E. E. (2021). On aspects of studying religious discourse in domestic linguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 71–84. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_71

Введение

Интенсивное развитие дискурсологии, обращение отечественных лингвистов к проблеме взаимодействия языка и религии, признание теолингвистики в качестве особого раздела языкознания, изучающего отражение религии в языке [Гадомский, 2017; Постовалова, 2015; Бугава, 2007] обусловили возросший интерес к изучению религиозного дискурса. Понятие «религиозный дискурс», получившее с конца 1990-х годов распространение в отечественной лингвистике, по-разному толкуется языковедами, что объясняется неоднозначностью, размытостью границ самого понятия «дискурс», а также сложностью, многогранностью нового объекта изучения. В настоящее время религиозный дискурс понимается как высказывание на религиозную тему, речевые акты в сфере религии, совокупность тематически соотнесенных текстов, нацеленных на приобщение человека к вере; тип речевого поведения человека, обусловленный его религиозным сознанием; совокупность способов (стратегий, средств) воздействия церкви на население; специализированная клишированная разновидность общения и т. д.

Множественность определений религиозного дискурса, каждое из которых отражает те или иные стороны данного коммуникативного явления, обусловлена в значительной мере различием подходов к данному феномену. При широком подходе под религиозным дискурсом понимается совокупность коммуникативных действий, как вербальных, так и лишенных вербального сопровождения, направленных на передачу, сохранение и развитие религиозных представлений

[Прилуцкий, 2008]. При узком подходе к этому дискурсу делается акцент на его вербальной составляющей, являющейся непосредственным объектом лингвистического исследования. Так, религиозный дискурс в узком смысле Е. В. Бобырева определяет как совокупность речевых актов, используемых в религиозной сфере [Бобырева, 2007]. При деятельностном подходе религиозный дискурс рассматривается в динамике речевого взаимодействия коммуникантов и трактуется как дискурсивная практика в сфере религии. Результативность данного взаимодействия отражена в текстовом подходе к религиозному дискурсу, понимаемому как текст, в частности христианский текст, «существующий в тесной связи с языковыми, культурными и цивилизационно-идеологическими формами» [Казнина, 2004, с. 6], как совокупность устных и письменных текстов, обслуживающих религиозную коммуникацию. Объединение разных подходов становится, по нашему мнению, возможным при понимании религиозного дискурса как *сложного коммуникативно-когнитивного, социального феномена, представляющего собой совокупность коммуникативных действий и коммуникативных событий, соотносимых с денотативной областью «религия и церковь», которые реализуются и фиксируются текстами*. Предназначением этого дискурса является общение человека с Богом; взаимодействие верующих в целях сохранения, передачи и распространения религиозного знания, а также организации внутрицерковной жизни; поддержание отношений церкви с государством и обществом в целом.

Одним из первых в отечественной лингвистике к изучению религиозного дискурса обратился В. И. Карасик, который среди прочих институциональных дискурсов выделил религиозный дискурс и разработал модель его описания. Данный дискурс, общественным институтом которого выступает церковь, характеризуют жесткая иерархия базовых участников коммуникации (Бог, священник, прихожанин), хронотоп (место – храм, время регламентировано ходом богослужения), цель (приобщение к вере), ценности (суперморальной ценностью являются догматы, определяющие поведение человека по отношению к Богу), ключевой ценностный концепт (вера), прецедентные тексты, жанры, коммуникативные стратегии (молитвенная, исповедальная, призывающая, утверждающая, разъясняющая и др.), использование принятых в религиозном общении клише и оборотов [Карасик, 2004]. Данная

модель описания религиозного дискурса была реализована в фундаментальном труде Е. В. Бобыревой «Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения)» [Бобырева, 2007]. Исследования этих ученых во многом предопределили аспекты дальнейшего изучения религиозного дискурса, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

Аспекты изучения религиозного дискурса

Функционально-жанровый аспект изучения религиозного дискурса состоит в определении сфер и типовых ситуаций функционирования данного дискурса, выявлении и описании его функциональных разновидностей и жанров. Традиционно в лингвистических работах сфера функционирования религиозного дискурса ограничивалась богослужебной и проповеднической деятельностью церкви. Рассматривая религиозный дискурс как институциональный дискурс, исследователи вместе с тем отмечают, что общение человека с Богом выходит за пределы статусно-ориентированного общения внутри церкви, и этот дискурс включает и личностно-ориентированное общение. Широкое толкование функциональной сущности религиозного дискурса прослеживается в работах И. В. Бугаевой, которая считает, что сфера религии не ограничивается какой либо одной функциональной разновидностью языка, а как ни одна другая сфера человеческой деятельности реализуется в жанрах всех функциональных разновидностей языка [Бугаева, 2007].

В исследованиях религиозного дискурса отечественными лингвистами широко применяется полевой подход. Е. В. Бобырева выделяет в религиозном дискурсе первичные и вторичные жанры; первичными жанрами являются прототипные жанры, зародившиеся в религиозном дискурсе и составляющие его основу. К ним автором отнесены жанры псалма, притчи, молитвы. Вторичные жанры интерпретируют, комментируют первичные жанры и являются их своеобразной модификацией. Они представлены проповедью, исповедью, пасторской беседой, бытовым разговором о религии, беседой на религиозные темы и другими жанрами. Рассматривая жанровое пространство религиозного дискурса как полевою структуру, исследователь считает, что в ее центре находятся первичные жанры, а степень «центральности» и периферийности вторичных жанров определяется их соответствием

основной интенции религиозной коммуникации – приобщению адресата к вере [Бобырева, 2007].

Сходную точку зрения на жанры религиозного дискурса высказывает Т. В. Ицкович, выделяющая в качестве конструктивного принципа его жанровой организации протекстуальность [Ицкович, 2018]. Под протекстуальностью понимается связь религиозного дискурса, его жанров с протекстом – Священным Писанием, ядро которого составляет Евангелие, в нем присутствует триада канонических протожанров: молитва (Отче наш), проповедь (Нагорная проповедь), житие (жизнеописание Христа). Данные основополагающие жанры, как отмечает автор, трансформировались и развились в жанровую систему, внутри которой выделяется ядро – богослужебные жанры, максимально приближенные в формально-содержательном отношении к каноническому протожанру, и периферийные жанры, функционирующие в небогослужебной сфере, но сохраняющие связь с протожанром. Так, ядро жанрового типа «проповедь» образуют богослужебные жанры – проповедь (катехизическая, миссионерская и др.), послание, беседа, а на его периферии находятся небогослужебные жанры – статья, беседа в газете, заметки о путешествиях и т. п.

И. В. Бугаева, признавая ядерным компонентом жанровой системы религиозного дискурса Священное Писание, с которым прямо или опосредованно связаны остальные жанры, предлагает их классифицировать на основе сферы употребления [Бугаева, 2010]. Так, исследователь выделяет:

- жанры Священного Писания (псалом, молитва, притча, деяния, послание);
- богослужебные жанры (акафист, тропарь, кондак, канон, молитва, служба Святому, проповедь, исповедь);
- учительные жанры (слово, духовное письмо, житие, толкование, трактат);
- административные жанры (протокол, деяния Соборов, указ, прошение и др.);
- этикетные жанры (приветствие, прощание, благословение и т. д.).

На наш взгляд, жанровую систему религиозного дискурса необходимо рассматривать комплексно в связи со сформировавшимися в нем функциональными разновидностями. Применение полевого подхода к религиозному дискурсу в целом позволяет представить данный

дискурс как сложное многофункциональное коммуникативное явление, отражающее все многообразие деятельности церкви и жизни верующего человека [Анисимова, 2019]. В полевой структуре религиозного дискурса выделяются:

- 1) *ядерная зона*, включающая сакральный дискурс (дискурс Священного Писания) и литургический дискурс, обслуживающий богослужение;
- 2) *околоядерная зона*, не связанная непосредственно с богослужением, но регулирующая духовную и практическую деятельность церкви, к ней относятся административно-юридический, гомилетический, теологический, популярно-религиозный дискурс;
- 3) *зона ближайшей периферии*, содержащая дискурсы, обслуживающие как церковную, так и светскую коммуникацию, она представлена религиозным дискурсом СМИ, религиозным рекламным дискурсом, религиозным научно-популярным дискурсом;
- 4) *зона дальней периферии* включает личностно-ориентированные дискурсы, функционирование которых не подкрепляется авторитетом церкви, к ним относятся религиозно-бытовой и религиозно-художественный дискурс.

В дискурсах ядерной зоны представлены жанры Священного Писания и богослужебные жанры, в них концентрируются характерные признаки религиозной коммуникации (пафосность, торжественность, символичность, библейская образность, диалогичность, возвышенные способы и средства выражения, конфессиональная лексика и др.). По мере удаления от центра дискурсы приобретают гибридный характер, отражают в себе наряду с признаками религиозного дискурса признаки других функциональных сфер, что сказывается и на их жанровом репертуаре. Так, для теологического дискурса характерны признаки религиозной и научной коммуникации, здесь широко представлены такие научные жанры, как монография, диссертация, справочник, реферат, статья. В религиозном дискурсе СМИ наряду с традиционными публицистическими жанрами, например, заметкой, статьей, очерком сосуществуют религиозные жанры, например, послание, слово пастыря, катехизическая беседа, молитва, церковный календарь.

Когнитивный аспект изучения религиозного дискурса обусловлен пониманием дискурса как когнитивного явления, связанного

с познавательной деятельностью человека, передачей знаний и созданием нового знания. Данный аспект представлен в работах отечественных лингвистов, исследующих понятийные основания религиозного дискурса, которые формируют его семантическое пространство. В отличие от других дискурсов религиозный дискурс отражает высшую божественную реальность, выражает и фиксирует сакральное содержание – Богооткровенную истину, репрезентирует религиозное сознание, мировосприятие и мироощущение. Теоцентрическая картина мира, лежащая в основе религиозного дискурса, воплощается в религиозных концептах, понимаемых как многомерные и многоуровневые ментальные образования, содержание которых интерпретируются с духовно-философской позиции [Постовалова, 2015] и с лингвистической позиции, исходя из лексикографического описания слова-имени концепта и связанных с ним ключевых слов. Интенсивное изучение концептов религиозной сферы коммуникации позволяет ученым говорить в настоящее время об особой области лингвистических исследований – теоконцептологии, христианской концептологии, православной лингвоконцептологии и т. д. Вместе с тем описание концептосферы религиозного дискурса остается неполным и еще далеко от своего завершения, это относится к определению состава концептов, их типов, места и роли, взаимосвязям в дискурсе.

В. И. Постовалова относит к базисным православным концептам: мистико-догматические концепты (откровение, грех, грехопадение, спасение, обожение); мистико-аскетические концепты, отображающие высшие христианско-православные ценности и добродетели (любовь, вера, святость, смирение и др.); концепты, отображающие антиценности и страсти (гордость, тщеславие, дерзость и др.) [там же, 2015]. Е. В. Сергеева предлагает выделять религиозные макроконцепты, понимаемые как концепты с предельно широким значением, и микроконцепты, обладающие более узким значением и входящие в состав макроконцептов. В качестве макроконцептов религиозного дискурса ученый рассматривает концепты «Бог» и «Человек», отмечая, что между макро- и микроконцептами могут устанавливаться сложные отношения, при которых концепт «Бог» может репрезентироваться лексическими единицами, номинирующими микроконцепты «Свет» и «Истина» [Сергеева, 2002].

Е. В. Бобырева различает в религиозном дискурсе три группы концептов:

- а) концепты, ассоциативное поле которых ограничивается религиозной сферой («Бог», «вера», «дух», «душа», «грех»);
- б) концепты, первоначально зародившиеся в сфере религии, но вышедшие за ее пределы и функционирующие наряду с религиозной в других сферах коммуникации («ад», «рай», «церковь»);
- в) концепты, привнесенные в сферу религии из общечеловеческой коммуникации («чудо», «закон», «наказание», «страх», «любовь») [Бобырева, 2007].

Исследование содержания религиозного концепта обычно включает определение базовых компонентов его семантики и установление устойчивых связей между ними, что позволяет не только эксплицировать и описать семантическую структуру концепта, но и выявить особенности его функционирования в разных лингвокультурах, в различных видах дискурса. Так, например, в концепте «вера» Е. Б. Казнина выделяет четыре вида семантических признаков. К ним отнесены онтологические (целостность, любовь, надежда и др.), гносеологические (свободная воля человека, аскеза, подвиг и др.), аксеологические (благодать, идеал, спасение и т. п.) и модальные (необходимое существование, прескриптивность и др.) признаки. Смысловое наполнение этого концепта ученый изучала в дискурсах Ветхого и Нового Завета, в православном и западном богословском дискурсах [Казнина, 2004].

В последние годы в отечественной лингвистике появились работы, изучающие религиозные концепты на материале одного из христианских дискурсов; в сопоставительном плане на базе разных конфессиональных дискурсов, а также на примере религиозного и светских дискурсов. Когнитивная сторона православного и протестантского дискурсов исследуется Е. Ю. Балашовой на основании выделения концептуальных полей «вера, надежда, любовь» с использованием метода дискурсивного анализа при помощи лексикографических данных и данных корпусной лингвистики [Балашова, 2016].

Социолингвистический аспект изучения религиозного дискурса отражает понимание данного дискурса как общения в социуме и как социальной разновидности языка, обслуживающей коммуникативные потребности верующих. И. В. Бугаева оперирует понятием «православный социолект» или религиолект, трактуемый исследователем

как речь людей, обладающих теоцентрической картиной мира, объединенных ценностными ориентирами и социальной установкой в разных коммуникативных ситуациях [Бугаева, 2007]. Православный социолект рассматривается при этом как социально маркированная подсистема языка, обладающая фонетическими, лексическими, словообразовательными, грамматическими, жанровыми особенностями, особенностями ономастики и т. д. [Бугаева, 2010]. Применительно к немецкоязычному пространству религиозный дискурс в условиях поликонфессиональности представлен Е. В. Плисовым в виде модели, которая включает религиолекты, репрезентирующие мировые религии: христианский, исламский, буддийский, а также этнорелигиолект (иудейский). В христианском религиолекте, являющемся базовым для немецкоязычных стран (ФРГ, Австрия, Швейцария), выделяются католический, протестантский и православный конфессиолекты. Исследование немецкого религиозного дискурса на основе данных словаря Duden Deutsches Universalwörterbuch, Мангеймского корпуса немецкого языка, а также текстов проповедей и обращений трех христианских конфессий позволило ученому комплексно описать религиолекты и конфессиолекты в статике (в плане их лексикографической фиксации) и в динамике (в плане их дискурсивной реализации) [Плисов, 2018].

Антропологический подход к изучению религиозного дискурса обусловлен возрастающим интересом современной науки к человеку, в том числе человеку религиозному (*homo religiosus*), его дискурсивным проявлениям как языковой и духовной личности. Религиозный человек являет собой особый антропологический тип, существующий одновременно в пространстве материального и сакрального, выступающий носителем религиозного мировоззрения и мироощущения, которые определяют его ценности, нормы поведения, отношение к себе и окружающему миру. В религиозном дискурсе человек предстает в разных ипостасях. Е. В. Бобырева рассматривает человека как знаковую фигуру и участника религиозного дискурса, за которым в обыденном сознании закреплены определенные стереотипные представления: образ монаха, образ монахини, образ священнослужителя и т. д. [Бобырева, 2007]. В концепции И. В. Бугаевой религиозный человек, относящийся к клиру или мирянам, выступает носителем религиозного социолекта, ядром которого является речь монахов [Бугаева,

2010]. В связи с осмыслением феномена святости и необходимостью исследования его языковой манифестации языковеды всё чаще обращаются к лингвистическому описанию образа Святого, традиционно являющегося объектом изучения агиографии [Завальников, 2003].

Религиозный человек как языковая личность исследуется в плане реконструкции обобщенного образа верующего, занимающего разное положение в церковной иерархии, и образа индивидуума, конкретной личности. Так воссоздание образа идеального наставника осуществляется на материале дневников русских священнослужителей второй половины XIX–XX веков [Панова, 2016], проповедник как языковая личность конструируется на материале проповедей разных конфессий [Салахова, 2013], языковая личность немецкого политика в религиозном дискурсе исследуется на примере комментариев депутатов бундестага к цитатам из Библии [Анисимова, 2019]. Индивидуальный дискурс выдающихся религиозных деятелей изучается в дискурсах личной и общественной сферы. Так, языковая личность католической Святой Терезы Авильской раскрывается на основе анализа ее автобиографического дискурса [Анисимова, 2019], многогранная языковая личность выдающегося протестантского теолога, пастора, антифашиста Дитриха Бонхёффера изучается на примере его эпистолярного наследия [Штонда, 2019]. Языковая личность иерархов церкви проявляется в их проповеднической и общественной деятельности. Так, в издании «Риторика Патриарха», посвященном 70-летию Патриарха Кирилла, на основе анализа его выступлений воссоздается образ Предстоятеля русской православной церкви как ратора, соединяющий в себе образы проповедника, наставника, руководителя церковной организации, миссионера, общественного деятеля, медийного лица [Риторика Патриарха. К 70-летию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, 2016]. Об интересе к дискурсивной репрезентации высокого духовного лица свидетельствует многочисленная библиографическая и документально-публицистическая литература, посвященная образу Папы Римского Франциска [Анисимова, 2019].

Заключение

Таким образом, в отечественной лингвистике, где в силу исторических общественно-политических причин религиозная

коммуникация долгое время не входила в круг научных интересов и ее изучение носило периферийный, фрагментарный характер, исследование религиозного дискурса приобрело особую значимость и стало за последние десятилетия одним из ведущих направлений научных изысканий. Рассмотренные в настоящей статье аспекты изучения религиозного дискурса позволяют выявить его функциональную, когнитивную, социальную и антропологическую сущность, всесторонне описать этот сложный феномен и наметить дальнейшие перспективы его исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Гадомский А. К.* Теолингвистические исследования в славянском языкознании. Симферополь: Форма, 2017.
2. *Постовалова В. И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания. В поисках интегральных парадигм. Москва: URSS, 2015.
3. *Бугаева И. В.* К вопросу о методологических и теоретических основах изучения религиозной коммуникации // Церковь и проблемы современной коммуникации: сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Н.-Новгород: Нижегородская Духовная семинария, 2007. С. 39–53.
4. *Прилуцкий А. М.* Семиотическое пространство религиозного дискурса как предмет религиоведческого исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2008.
5. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007.
6. *Казнина Е. Б.* Концепт вера в диалогическом христианском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004.
7. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004.
8. *Ицкович Т. В.* Протекстуальность как конструктивный принцип религиозного стиля // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17. № 1. С. 6–16.
9. *Бугаева И. В.* Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2010.
10. *Анисимова Е. Е.* Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019.
11. *Сергеева Е. Р.* Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе. Санкт-Петербург: Наука, 2002.
12. *Балашова Е. Ю.* Роль телеономных концептуальных полей в организации религиозного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2016.

13. Плисов Е. В. Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности: опыт лексикографического и дискурсивного описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017.
14. Завальников В. П. Языковой образ святого в древнерусской идеографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук, Омск, 2003.
15. Панова А. А. Языковое конструирование личности автора дневника в религиозном дискурсе (на материале дневников русских священнослужителей второй половины XIX – первой половины XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2016.
16. Салахова А. Г. Конфессиональная языковая личность: коммуникативные стратегии и тактики. Челябинск: Энциклопедия, 2013.
17. Штонда Ю. А. Языковые особенности и способы реализации дискурсивных стратегий в личном письме (на материале писем Дитриха Бонхёффера из нацистской тюрьмы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019.
18. Риторика Патриарха. К 70-летию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / сост. А. В. Щипков. Москва: Русистика, 2016.

REFERENCES

1. Gadomskij, A. K. (2017). Teolingvističeskie issledovanija v slavjanskom jazykoznanii = Theolinguistic studies in Slavic linguistics. Simferopol: Forma. (In Russ.)
2. Postovalova, V. I. (2015). Nauka o jazyke v svete ideala cel'nogo znanija. V poiskakh integral'nykh paradigm = Science of language in the light of the ideal of integral knowledge. In Search of integral paradigms. Moscow: URSS. (In Russ.)
3. Bugaeva, I. V. (2007). K voprosu o metodologičeskikh i teoretičeskikh osnovach izučenija religioznoj kommunikacii = On the Methodological and theoretical foundations of the study of religious communication. Cerkov' i problemy sovremennoj kommunikacii (pp. 39–53). Nizhnij Novgorod. (In Russ.)
4. Priluckij, A. M. (2008). Semiotičeskoe prostranstvo kak predmet religiovedčeskogo issledovanija = Semiotic space of religious discourse as subject of the religious studies: abstract of Senior Doctorate in Philosophy. St.Petersburg. (In Russ.)
5. Bobyreva, E. V. (2007). Religioznyj diskurs: cennosti, zanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroučenija) = Religious Discourse: Values, Genres, Strategies (on the Material of the Study of Religious Communication). Volgograd: Peremena. (In Russ.)
6. Kaznina, E. B. (2004). Koncept vera v dialogičeskom khristianskom diskurse = Concept of Faith in Dialogical Christian Discourse: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

7. Karasik, V. I. (2004). Jazykovej krug: lichnost', concepty, diskurs = Language Circle: Personality, Concepts and Discourse. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
8. Ickovich, T. V. (2018). Proto-textuality as the Constructive Principle of Religious style. Science journal of VolSU. Linguistics, 17(1), 6–16. (In Russ.)
9. Bugaeva, I. V. (2010). Jazyk pravoslavnoj sferye: sovremennoe sostojanie, tendencii razvitiya = Language of the Orthodox sphere: current state, trends of development: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Anisimova, E. E. (2019). Religioznyj diskurs: funkcionalnyj i antropologičeskij aspektje = Religious Discourse: Functional and Anthropological Aspects. Moscow: FGBOY VO MGLU. (In Russ.)
11. Sergeeva, E. R. (2002). Bog i chelovek v russskom religiozno-filosofskom diskurse = God and Man in Russian religious and philosophical discourse. St. Peterburg: Nauka. (In Russ.)
12. Balashova, E. J. (2016). Rol' teleonomnykh konceptualnykh polej v organizacii religioznogo diskursa = The role of the teleonic conceptual fields in the organization of religious discourse: abstract of senior doctorate in philology. Saratov. (In Russ.)
13. Plisov, E. V. (2017). Nemeckij religioznyj text v uslovijakh polikonfessional'nosti: opyt leksikografičeskogo i diskursivnogo opisaniya = German Religious text in a multiconfessional context: experiences of lexicographic and discursive description: abstract of senior doctorate in philology. Moscow. (In Russ.)
14. Zaval'nikov, V. P. (2003). Jazykovej obraz svjatogo v drevnerusskoj ideografii = Linguistic image of a saint in Old Russian ideography: abstract of PhD in Philology. Omsk. (In Russ.)
15. Panova, A. A. (2016). Jazykoe konstruirovanie lichnosti avtora dnevnika v religioznom diskurse (na materiale dnevnikov russkikh svjashhennosluzhitelej vtoroj polovinyXIX – pervoj poloviny XX vv) = Linguistic construction of the personality of the diary author in religious discourse (on the material of diaries of Russian clergymen of the second half of the 19th – first half of the 20th centuries: abstract of PhD in Philology. Rostov-na-Donu. (In Russ.)
16. Salakhova, A. G. (2013). Konfessional'naj ajazykovaja lichnost': kommunikativnyye strategii i taktiki = Confessional Language Personality: Communicative Strategies and Tactics. Cheljabinsk: Jenciklopedija. (In Russ.)
17. Stonda, J. A. (2019). Jazykovye osobennosti i sposoby realizacii diskursivnykh strategij v lichnom pis'me (na material pisem Ditrikha Bonkhoeffera iz nacistskoj tjurmy) = Linguistic Features and Ways of Implementing Discursive Strategies in Personal Writing (on the Material of letters of Dietrich Bonhoeffer from a Nazi Prison): abstract of PhD in Philology. Voronezh. (In Russ.)
18. Shhipkov, A. A. (Comp.). (2016). Ritorika Patriarcha = Rhetoric of the Patriarch. Moscow: Rusistika. (In Russ.)

Информация об авторе

Анисимова Е. Е. – доктор филологических наук,
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического
университета

Information about the author

Anisimova E. E. – Doctor of Philology (Dr. habil),
Professor at the Department of Grammar and History of German,
Faculty of German, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования
30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021;
accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 81.42

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_85

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИГРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГИПЕРНАРРАТИВА

Е. Ф. Косиченко¹, А. Д. Полтавская²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,

¹ekosichenko@gmail.com; kosichenko.e@linguanet.ru

²anastasiya.poltavskaya.ap@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию гипернарратива, который понимается как специфическая повествовательная форма, сочетающая признаки художественного и игрового дискурса. Будучи повествовательной формой, гипернарратив используется для текстового представления разнообразных сюжетов, положенных на игровую основу, и носит наджанровый характер. Гибкость гипернарративного жанра демонстрируется на примере литературно-игрового жанра книги-игры, характеризующимся совокупностью основных и второстепенных признаков.

Ключевые слова: текст, гипертекст, книга-игра, гипертекстовая литература, жанр, повествование

Для цитирования: Косиченко Е. Ф., Полтавская А. Д. Художественно-игровые характеристики гипернарратива // Вестник Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 85–96. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_85

Original article

LITERARY AND GAME PROPERTIES OF HYPERNARRATIVE

Е. F. Kosichenko¹, A. D. Poltavskaya²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

¹ekosichenko@gmail.com; kosichenko.e@linguanet.ru

²anastasiya.poltavskaya.ap@gmail.com

Abstract. This article examines hypertext literature viewed as a specific narrative form that combines features of literary and game discourse. Being a form of narration hypertext is used to represent plots of different genres based on game technologies. The article discusses the term *hypernarrative* and provides linguistic and semiotic analysis of a number of literary gamebooks to reveal their primary and secondary genre features.

Key words: text, hypertext, gamebook, hypertext literature, genre, narration

For citation: Kosichenko, E. F., Poltavskaya, A. D. (2021). Literary and game properties of hypertext. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 85–96. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_85

Введение

Вхождение общества в постиндустриальную эпоху, литературы – в эпоху постмодерна, а лингвистики – в эпоху постструктурализма привело к изменениям в сознании людей, к возникновению нового типа текста, для которого характерен жанровый и стилевой синкретизм, а также к появлению новых подходов к анализу текста, при котором на первый план выводится не его структурная и стилистическая целостность, а его связь с другими текстами. Главным образом данные изменения затронули художественные тексты, которые, по справедливому замечанию Дж. П. Лэндоу, по своим признакам в полной мере отвечают признакам гипертекста, отличаясь от него только тем, что в электронном гипертексте ссылки очевидны и им легко следовать [Landow, 1992, с. 2–5].

Известно, что идея гипертекста принадлежит американскому ученому, инженеру-изобретателю В. Бушу, который еще в середине прошлого века высказал мысль о том, что бумажные книги – это пережиток прошлого и вся информация должна размещаться на электронных носителях [Bush 1945]. Собственно термин «гипертекст», равно как и термин «нелинейный текст», был предложен в 1960-х годах американским программистом Т. Нельсоном [Nelson, 1967], понимавшим гипертекст как синтез привычного текста с компьютерными возможностями. По задумке Нельсона информация в таком тексте должна была располагаться не линейно, а в узлах сети с нежесткими связями, которые выбираются самим пользователем. В конце 1980-х годов Т. Нельсон дополнил свою трактовку гипертекста, определив его как «нелинейное повествование» [Nelson, 1988].

Со временем гипертекстовые технологии стали применяться к самым разным текстам, включая художественную литературу, в результате в научный оборот вошел термин «гипертекстовая литература», который используется для обозначения литературно обработанных текстов, связанных перекрестными ссылками. По сути, гипертекстовая литература – это художественно-литературное произведение, созданное с применением игровых технологий, дающее читателю возможность принимать активное участие в построении сюжетной линии.

Будучи неоднозначным и многоаспектным явлением, гипертекст привлекает философов, социологов, лингвистов, журналистов, литературоведов, предлагающих разнообразные дефиниции данного явления, в которых принимаются во внимание разные параметры гипертекста. В целом же исследователи сходятся на том, что гипертекст – это текст, который характеризуется непрерывной, нелинейной структурой повествования, а также непоследовательными и связанными друг с другом переходами. Принято выделять два вида гипертекста – электронный и неэлектронный: неэлектронный гипертекст – это любые печатные издания энциклопедий или другой справочной литературы; к электронному гипертексту относятся все электронные тексты книг, журналов и т. д. [Лутовинова, 2009]. На то, что произведения художественной литературы – при соответствующем взаимодействии с ними – также обнаруживают свойства гипертекстуальности, указывают многие лингвисты, в том числе упоминавшийся выше Дж. П. Лэндоу, впервые применивший лингвистические приемы и методы анализа к электронному тексту.

Несмотря на активное обсуждение гипертекста и его разновидностей в научной литературе, некоторые аспекты данного явления нуждаются в более глубоком и полном изучении. Особо пристального внимания требует, на наш взгляд, вопрос о жанровом потенциале гипернарратива, в частности о том, является гипернарратив повествовательной формой, в которую могут быть обличены художественно-литературные произведения с различными жанровыми признаками (приключения, детективы, шпионские, любовные, исторические повествования т. д.), либо жанровый потенциал гипернарратива ограничен несколькими жанрами и сводим к ним.

Не претендуя на решение всех поставленных вопросов, в данной статье мы обратились к печатному гипернарративу с целью продемонстрировать его характеристики как повествовательной формы, объединившей признаки художественного и игрового дискурса, на примере литературно-игрового жанра книги-игры.

Содержание терминов «гиперлитература» и «гипернарратив»

В широком смысле гиперлитературой называют поэтические или нарративные произведения, созданные на основе компьютерных технологий или сгенерированные компьютерной программой. Первые образцы художественного гипертекста были предложены в середине

прошлого века поэтом Э. Уильямсом, создавшим компьютерную программу, которая генерировала стихотворения посредством перестановки слов и букв; в конце XX века были созданы примеры электронной поэзии и прозы, где читатель получил возможность определять сюжетную линию. Отмечается, что в случае электронного поэтического гипертекста форма произведения часто имеет большее значение, нежели его стиль или идейное содержание.

Активные теоретические исследования гиперлитературы начались в начале 1990-х годов, в результате публикации книги Дж. П. Лэндоу «Гипертекст: сходимость современной литературной теории и технологии» [Landow, 1992] и в целом были направлены на решение целого ряда задач, связанных с разграничением понятий «язык» и «код», «печатный текст» и «электронный текст», «человеческий интеллект» и «искусственный интеллект» и т. д.

На фоне высокого интереса лингвистов к проблемам гиперлитературы достаточно скоро было отмечено, что пользователи Интернета все реже обращаются к данному типу текста. Анализ ситуации дал теоретикам основания предположить, что низкий интерес к электронной беллетристике обусловлен целым рядом причин, в первую очередь психологического характера. В результате проведенных опросов было обнаружено, что людям нравится читать для удовольствия и, следуя за сюжетом, переноситься в другую реальность и размышлять над прочитанным, не задумываясь над тем, какое решение принять, чтобы выстроить свой собственный маршрут чтения, непрерывно работая компьютерной мышкой [Mangen, van der Weel, 2015]. Снижение интереса к электронной художественной гиперлитературе привело к тому, что стали появляться печатные аналоги компьютерных гипернарративов, т. е. произведения художественно-игрового характера, например, книги-игры, что позволило лингвистам продолжить научные исследования в этой области.

Как и «гиперлитература», термин «гипернарратив» возник в результате широкого распространения компьютерных технологий для обозначения нелинейных повествовательных художественных текстов. Наряду с другими исследователями, Е. А. Чувильская определяет «гипернарратив» как стратегию нелинейного изложения событий и как игру, где важная роль отводится читателю, а также как особую форму повествования, основанную на гипертекстовых технологиях, включающих

в себя признаки гипертекста, в частности текстонов и гипертекстовых ссылок [Чувильская, 2009]. Таким образом, согласно данному автору, существенными признаками гипернарратива являются событийность, нелинейность повествования и наличие игрового момента, добавляющие ему, по мнению автора, гибкость и динамичность.

Мы присоединяемся к мнению о том, что для текстовой структуры гипернарратива характерна нелинейность, а его минимальной единицей, как и в случае обычного нарратива, является событие, и в целом рассматриваем *гипернарратив как особую форму нелинейного повествования, в которую могут быть облечены как электронные, так и печатные художественные тексты*. Отметим, что вслед за теоретиками постмодернизма событие мы понимаем как явление, конструируемое средствами языка [Делез, 1998; Бодрийяр, 2000], нелинейность – как способ построения текста по ассоциативному принципу.

Помимо нелинейности и событийности, другим существенным признаком гипернарратива является его игровой элемент, который может быть представлен игровым сюжетом либо в виде правил и инструкций, характерных, например, для настольных игр. В отличие от Е. А. Чувильской мы не считаем, что наличие игрового элемента выступает фактором, обеспечивающим гибкость повествовательной формы. На наш взгляд, в случаях, когда игровой компонент выражен явно, он становится фактором, ограничивающим число возможных путей взаимодействия с конкретным текстом, вступая, таким образом, в противоречие с основным принципом постмодернизма – свободой выбора и интерпретации.

Таким образом, соглашаясь с необходимостью выделять в качестве существенных признаков гипернарратива нелинейность повествования, событийность и наличие элемента игры, мы, хотим подчеркнуть, что, если игровой компонент относительно слабо представлен в конкретном произведении, форма его презентации – гипернарратив – характеризуется гибкостью, высокой степенью художественности и широкими возможностями для прочтения (интерпретации), однако в случаях, когда данный компонент оказывается доминирующим, идет ли речь об электронном или печатном гипернарративе, признаки игрового дискурса выходят на первый план, заметно нивелируя художественность повествования и резко сокращая имеющиеся у читателя возможности взаимодействия с текстом.

Лингвистические характеристики книги-игры как самостоятельного жанра

Термин «книга-игра» сформировался в 1970-х годах одновременно с появлением компьютерных игр. По мнению ряда исследователей в самом широком смысле книга-игра – это литературный жанр, объединяющий в себе признаки художественно-литературного произведения и компьютерной игры. О. С. Наумчик классифицирует книги-игры по принципу построения сюжета и выделяет книги-игры, основанные на известном литературном сюжете и книги-игры с оригинальным сюжетом. К первому типу книг-игр автор относит, в частности, серию «Книга-игра с Алисой в стране чудес» В. Запаренка, ко второму – серию «Fighting Fantasy» Д. Браславского [Наумчик, 2019].

Проведенный нами анализ более 20 книг-игр на английском, русском и украинском языках дает достаточно оснований считать данный тип художественно-игровой литературы самостоятельным жанром с набором основных (обязательных) и второстепенных (дополнительных) признаков. Как и в случае других произведений, где формой представления содержания выступает гипернарратив, к основным признакам книги-игры относятся: нелинейность, событийность, художественная форма повествования и элемент игры, который задает определенные правила взаимодействия с текстом. В отличие от других гипернарративных жанров, где игровой компонент может быть слабо выражен, в книгах-играх он представлен достаточно явно, причем как вербально, так и невербально.

Проиллюстрируем наличие основных и дополнительных жанровых признаков данного типа игровой литературы на примере книги-игры «Вой оборотня» из серии «Fighting Fantasy» Дж. Грина.

В самом начале книги автор обращается к читателю и знакомит его с правилами игры, замечая, что «Перед тем, как начать путешествие, вам нужно выяснить свои сильные и слабые стороны...». Далее следует пояснение, что должен делать игрок, чтобы выиграть, например: «после того, как вы пережили нападение волка, у вас все чаще возникают приступы безумия и жажды убийства. Чтобы не поддаться призыву дикого зверя внутри, вы должны найти лекарство до следующего полнолуния <...>» [Грин, 2007]. После ознакомления с правилами игры читатель принимает на себя роль героя истории, который вовлекается в игру, в том числе благодаря авторским комментариям

относительно его текущего эмоционального состояния, например: «Вы близки к панике <...> внезапно наполняющая вашу кровь адреналином паника сменяется отчаянным чувством надежды» [Грин 2007]. В одном из эпизодов герой сталкивается с огромным волком, и автор призывает игрока спастись, для чего советует ему перейти на одну из возможных страниц.

Таким образом, сюжет данной книги-игры выстраивается на основе цепочки событий, имеющих определенные пространственно-временные характеристики и описываемых автором при помощи разнообразных средств художественной выразительности. Благодаря нелинейному повествованию читатель имеет возможность выбирать маршрут, однако его выбор задан правилами игры и ограничен авторскими рекомендациями.

Помимо основных жанровых признаков, к которым относятся событийность, нелинейность и образность повествования, в данной книге-игре можно выделить также ряд дополнительных жанровых признаков, например, обращение автора книги к читателю-игроку, наличие расходного материала: золотых монет, еды, заплечного мешка, масляной лампы, др.

Предпринятая попытка охарактеризовать книги-игры как художественно-игровой жанр вынуждает поставить вопрос о специфике его хронотопа. Проведенный нами анализ эмпирического материала показал, что, поскольку основными читателями книг-игр являются дети и подростки, в их основе лежат сказочные или фантастические сюжеты, определяющие характер хронотопа. Например, книга-игра «Спящая красавица» Е. Голосовой [Голосова, 2001] располагает практически всеми жанровыми признаками волшебной сказки, в том числе соответствующим хронотопом, при котором время начинает отсчет от некоторого события: «Вот и отправился ты в путь, взяв с собой шкатулку, перстень, зубчик от короны или, на всякий случай, все три предмета вместе», либо является условным, четко не определенным и цикличным: «В тридесятom царстве, в тридевятom государстве, в триждыседьмом столетии жил-был ты» < ... > «Долго ли, коротко ли, шел ты по дороге, на которой раньше никогда не бывал» [там же]. Пространство данной сказки описано как лабиринт с множеством препятствий, которые суждено преодолеть читателю-игроку, по мере того как он делает свой выбор и выстраивает сюжетную линию. Если

читатель ошибается в своем выборе, то он попадает в тупик и ему необходимо вернуться назад, чтобы снова продолжить свой путешествие. Отметим, что преодоление препятствий связано с необходимостью отгадывать загадки, что также характерно для жанра сказки: «Сто одежек и все без застежек. Отвечай, что это? Капуста, принцесса, луковица» [Голосова, 2001].

Если в основу сюжета книги-игры положена история некоторого героя, то спецификой пространственно-временной организации текста может стать достаточно конкретная локализация события во времени и пространстве, характерная для биографических повествований. Например, в одной из книг-игр «Приключения Растяпкина. Экзамен на выживание» Е. Суховой [Сухова, 2016], состоящей из коротких глав, каждое событие происходит в четко определенное время и в точно установленном месте, например: «8 августа, 18 часов ровно. В академии, которая находится... Нет, ее местонахождение должно храниться в строжайшей тайне, иначе последствия будут самыми ужасным» <...> «29 августа, 23 часа 47 минут. Одна из центральных площадей города была погружена во тьму. Невозможно было разглядеть величественные дома с колоннами и фигурами античных богов» <...> «30 августа, 01 час 58 минут. Растяпкин не вошел, не вбежал, а именно ворвался в помещение с сверхсекретными сейфами модели ХХZ». <...> «30 августа, 04 часа 15 минут. На площади около банка стояли служебные машины, свет их фар и мигалок освещал все вокруг» [там же]. Такое подробное описание позволяет читателям полностью погрузиться в атмосферу произведения.

Аналогичная пространственно-временная организация текста наблюдается и в остальных книгах-играх из этой серии. Приведем несколько примеров из книги «Приключения Растяпкина. Власть над миром»: «29 октября, около пяти утра. Тишина. Двое крадутся во тьме. Они опасаются говорить, пока не пройден весь путь» <...> «29 октября, 8 часов 56 минут. Серый каменный пол, выкрашенные в бледно-зеленый цвет стены. Конвоир вел к тайному залу, где должен состояться трибунал» [там же].

Примеры двух книг-игр демонстрируют существенные различия в хронотопе, что на первый взгляд ставит под сомнение возможность выделения книги-игры как самостоятельного жанра. Вместе с тем, все проанализированные нами книги-игры обнаруживают также общие

черты пространственно-временной организации, к которым относится возможность перемещения во времени и пространстве и возможность конструирования событий. Таким образом, специфика хронотопа книги-игры как самостоятельного художественно-игрового жанра определяется принципом нелинейности построения текста и игровым элементом.

Заключение

Выбор книг-игр в качестве исследовательского материала для данной статьи был продиктован двумя основными причинами: во-первых, необходимостью еще раз акцентировать некоторые особенности гипернарратива как повествовательной формы, а именно его нелинейность, событийность, художественность и игровой характер; во-вторых, актуальностью вопроса о возможности выделять определенные типы печатной продукции в самостоятельные жанры.

Суммируя изложенное, считаем важным подчеркнуть, что широко распространенное мнение о гибкости гипернарратива как повествовательной формы, использование которой создает возможности для построения различных сюжетов, в ряде случаев не является справедливым, в частности когда речь идет о книгах-играх. На наш взгляд, наличие в электронном или печатном тексте ссылок или указаний на возможные варианты прочтения текста значительно сужает его интерпретативный потенциал и ограничивает творческую активность пользователя-читателя. Проведенное исследование также показало, что, характер хронотопа книг-игр, с одной стороны, зависит от сюжета, который может быть сказочным, фантастическим или, например, биографическим, с другой – дает героям или читателям возможность, преодолевая пространственные и временные рамки, влиять на характер и последовательность событий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Landow G. P.* Hypertext: The convergence of contemporary critical theory and technology // Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1992. URL: <http://proteus.fau.edu/practicum/texts/landow1.pdf>. (дата обращения: 22.04.2021).
2. *Bush V.* As we may think // Atlantic monthly. 1945, July. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1945/07/as-we-may-think/303881/> (дата обращения: 23.04.2021).

3. *Nelson, T. H.* Getting it out of our system. In G. Schecter (Ed.). *Information retrieval: a critical view*. Washington D. C.: Thompson Books, 1967. P. 195.
4. *Nelson T. H.* Managing immerse storage. *Byte*, 1988. P. 225–238.
5. *Лутовинова О. В.* Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет. 2009. Вып. 10 (153). С. 4–7.
6. *Mangen A., van der Weel A.* Why don't we read hypertext novels? // *The international journal of research into new media technologies*. 2015. URL: <http://ereadcost.eu/wp-content/uploads/2016/11/Convergence-2015-Mangen-van-der-Weel.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).
7. *Чувильская Е. А.* Структура и семантика литературного гипернарратива (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009.
8. *Делез Ж.* Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
9. *Бодрийяр Ж.* Судьбоносные события // *Прозрачность зла*. М.: Добросвет, 2000.
10. *Наумчик О. С.* Гибридные формы современной литературы: жанр книжка-игра в контексте эстетики постмодернизма // *Мир науки, культуры, образования*. Горно-Алтайск: ООО Редакция научного международного журнала «Мир науки, культуры, образования», 2019. Вып. 5 (78). С. 488–490.
11. *Грин Дж.* Вой оборотня. Файтинг Фэнтези №62. Нью-Йорк: Визард Букс, 2007.
12. *Голосова Е.* Спящая красавица // *Сетевая словесность*. 2001.
13. *Сухова Е. А.* Приключения Растяпкина. СПб.: Акварель, 2016.

REFERENCES

1. *Landow, G. P.* (1992). *Hypertext: The convergence of contemporary critical theory and technology*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1992. URL: <http://proteus.fau.edu/practicum/texts/landow1.pdf> (дата обращения: 22.04.2021).
2. *Bush V.* As We May Think. *Atlantic monthly*. 1945, July. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1945/07/as-we-may-think/303881/> (дата обращения: 23.04.2021).
3. *Nelson, T. H.* (1967). Getting it out of our system. In G. Schecter (Ed.), *Information retrieval: a critical view*. Washington D. C.: Thompson Books. P. 195.
4. *Nelson, T. H.* (1988, January). Managing immerse storage. *Byte*. P. 225–238.

5. Lutovinova, O. V. (2009). Hypertext: its concept, general characteristics and possible approaches to linguistic analysis. Vestnik of Volgograd State Pedagogical University, 10(153), 4–7. (In Russ.)
6. Mangel, A., van der Weel, A. Why don't we read hypertext novels? The international journal of research into new media technologies. 2015. URL: <http://ereadcost.eu/wp-content/uploads/2016/11/Convergence-2015-Mangel-van-der-Weel.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).
7. Chuvil'skaya, E. A. (2009). Struktura i semantika literaturnogo gipernarrativa (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov = Structure and semantics of literary hypertext (based on the material of Russian and German languages): abstract of PhD in Philology, Tyumen. (In Russ.)
8. Delez, J. (1998). Logika smisla = Logic of meaning. Moscow: Raritet, Ekaterinburg: Delovaya kniga. (In Russ.)
9. Baudrillard, J. (2000). Sudbonosnie sobitiya. Prozhnost zla = Fateful events. Transparency of evil. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)
10. Naumchik, O. S. (2019). Hybrid forms of modern literature: the gamebook genre in the context of postmodernism's aesthetics. World of science, culture, education, 5(78), 488–490. (In Russ.)
11. Green, J. (2007). Voy oborotnya. Fighting fantasy № 62 = Howl of the werewolf. Fighting fantasy № 62. New York: Wizard Books. (In Russ.)
12. Golosova, E. (2001). Spyashchya krasavica = Sleeping beauty. (In Russ.) URL: <https://pda.netslova.ru/golosova/skazka/index.htm> (дата обращения: 23.04.2021).
13. Sukhova, E. (2016). Priklucheniya Rastyapkina = Adventures of Rastyapkin. St. Petersburg: Akvarel. (In Russ.)

Информация об авторах

Косиченко Е. Ф. – доктор филологических наук, доцент
заведующая кафедрой общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

Полтавская А. Д. – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Kosichenko E. F. – Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor,
Head of the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Poltavskaya A. D. – Postgraduate Student, Department of General and Comparative
Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 81.42

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_97

**ГЕНДЕРНЫЙ КОНФЛИКТ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ПОЛИТИКА
(на материале англо- и русскоязычной политической рекламы)****Е. П. Мурашова**

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, catrin-skr-77@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена гендерному конфликту как коммуникативной технологии конструирования имиджа политика. Цель исследования – выявить средства вербализации гендерной асимметрии, лежащей в основе гендерного конфликта в дискурсе политической рекламы. На материале дебатов между кандидатами в президенты США Х. Клинтон и Д. Трампом и кандидатами в президенты РФ К. Собчак и В. Жириновским демонстрируется деструктивный характер гендерного конфликта, используемого в ходе построения имиджа мужчин-политиков.

Ключевые слова: гендер, гендерный конфликт, имидж политика, предвыборные дебаты, политическая реклама, гендерная асимметрия, андроцентричность

Для цитирования: Мурашова Е. П. Гендерный конфликт в формировании имиджа политика (на материале англо- и русскоязычной политической рекламы // Вестник Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 97–110. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_97

Original article

**GENDER CONFLICT IN THE FORMATION OF A POLITICIAN'S IMAGE
(an analysis of English and Russian political advertising)****E. P. Murashova**

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, catrin-skr-77@mail.ru

Abstract. The article considers the gender conflict as a communicative technology of constructing a politician's image. The aim of the study is to reveal verbal means of the gender asymmetry underlying the gender conflict in the discourse of political advertising. Having analyzed the presidential debates between H. Clinton and D. Trump in the USA and K. Sobchak and V. Zhirinovskiy in Russia, the author shows that the gender conflict has a destructive effect on the image of a male politician.

Key words: gender, gender conflict, image of a politician, presidential debates, political advertising, gender asymmetry, androcentrism

For citation: Murashova, E. P. (2021). Gender conflict in the formation of a politician's image (an analysis of English and Russian political advertising). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(851), 97–110. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_97

Введение

Гендер как сложное социокультурное явление с конца XX века стал объектом изучения различных гуманитарных дисциплин, таких как история, философия, социология, психология и культурология. Интерес к гендерной проблематике в гуманитарных науках вызван, с одной стороны, глобальным переосмыслением социальных ролей, прав и возможностей мужчин и женщин, с другой стороны, сменой научной парадигмы и популяризацией философии постмодернизма, в рамках которой ставятся под сомнение классические подходы к изучению социокультурного пола.

Цель настоящего исследования – выявить средства вербализации гендерной асимметрии как основы гендерного конфликта в дискурсе политической рекламы. Гендерный конфликт рассматривается в данной работе в качестве коммуникативной технологии политической рекламы, повышающей эффективность имиджа политика в условиях внутривнутриполитической конкуренции.

В качестве материала исследования выступают расшифрованные тексты всех телевизионных предвыборных дебатов¹ между кандидатами в президенты США 2016 года Д. Трампом и Х. Клинтон и кандидатами в президенты РФ 2018 года В. В. Жириновским и К. А. Собчак. Источником расшифрованных текстов дебатов в США служит официальный сайт Комиссии по президентским дебатам www.debates.org. Тексты российских дебатов были извлечены из YouTube-канала «Политика сегодня: Россия США Украина» и расшифрованы нами самостоятельно.

Выбор дискурса политической рекламы обусловлен его репрезентативностью с точки зрения манифестации имиджа политика:

¹ Предвыборные дебаты представляют собой жанр телевизионной политической рекламы, информирующий зрителей о предвыборной программе кандидатов посредством коммуникативного взаимодействия с приглашенными представителями публики и политическими конкурентами.

в условиях ограниченности ресурсов и внутрисполитической конкуренции политическая реклама не только эксплицирует имидж политика, но и позволяет оценить его эффективность в сравнении с имиджем конкурента. Жанр дебатов при этом является, на наш взгляд, наиболее иллюстративным при изучении вопросов гендерного конфликта, поскольку предполагает прямой диалог с конкурентом.

Гендер и гендерный конфликт как объект изучения лингвистики

В лингвистике гендерные исследования начали активно проводиться относительно недавно, а именно в последние десятилетия XX века, что обусловлено главным образом необходимостью разработать терминологию и методы, соответствующие постмодернистскому подходу к гендеру. Как отмечает М. В. Томская, гендерные исследования можно рассматривать как проявление «языковой моды», под которой понимается актуальность определенного научного направления или парадигмы в лингвистике. Так, «мода» на гендерные исследования в западной гуманитарной науке появилась в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, а позднее, с конца 90-х годов XX века, пришла и в Россию, достигнув своего пика в 2000-х годах [Томская, 2017, с. 151]. В настоящее время гендерные исследования заняли прочное место в отечественном языкознании, подтверждением чему является становление особого раздела, посвященного изучению взаимоотношения языка и гендера, – лингвистической гендерологии, или гендерной лингвистики.

Гендер чаще всего изучается как институциональное явление, поскольку, в отличие от биологического пола, является социокультурным конструктом [Кирилина, 1999, с. 11]. Институциональная среда накладывает на человека гендерные стереотипы, представляющие собой набор сформировавшихся в культуре полоролевых норм и ожиданий. В лингвистике большое внимание уделяется конструированию гендера и особенностям реализации гендерных стереотипов в институциональном дискурсе: маркетинговом [Bui, 2021], политическом [Гендер в британской и американской лингвокультурах, 2011; *Nasty Women and Bad Hombres: Gender and Race in the 2016 Presidential Election*, 2018], электронном [Горошко, 2006; Herring, 2008]. Отдельные работы

посвящены проблематике гендерных различий, гендерного конфликта и путей его нейтрализации в институциональном дискурсе [Гусейнова, 2003]. Гендерный конфликт как фактор конструирования гендерной идентичности политика освещен в лингвистике недостаточно.

Гендер как компонент политического имиджа

Имидж политика является одним из ключевых факторов политического поведения граждан, под которым традиционно понимается совокупность решений и действий в сфере политики, например, голосование за определенного кандидата на выборах. Политический имидж представляет собой многогранный социальный, экономический и психологический феномен, который при прочих равных условиях может оказать решающее влияние на избирателя. В политологии и политическом консалтинге подчеркивается преднамеренный и объективный характер политического имиджа. Так, одно из самых распространенных определений политического имиджа – «специально создаваемый, преднамеренно формируемый политический образ для достижения поставленных целей» [Егорова-Гантман, Плешаков, 1999, с. 5].

К важнейшим компонентам имиджа политика относятся его демографические и личностные характеристики, внешность, движения, жесты и речь. Каждый компонент имиджа политика представляет собой обязательную для заполнения информационную ячейку [Почепцов, 2009, с. 312]. Если избиратели не владеют информацией о каком-либо компоненте, то конструируют его самостоятельно, исходя из своего жизненного опыта и интересов, что нередко невыгодно для политика. Имиджмейкеры прилагают усилия к выстраиванию максимально информативного имиджа политика, чтобы запрограммировать «позитивный стратегический образ» политика [Егорова-Гантман, Плешаков, 1999, с. 207].

Эффективный политический имидж, несмотря на многокомпонентность своей структуры, характеризуется простотой и стереотипностью, поскольку в массовом сознании существует ряд культурно обусловленных ожиданий по отношению к политическому лидеру, упрощенных до собирательного образа с положительной или отрицательной коннотацией [Почепцов, 2009, с. 43–44, 271].

Эксплицитность гендерной идентичности политика является одним из факторов информативности его имиджа для потенциального избирателя. Свойства простоты и стереотипности имиджа обуславливают необходимость оперировать гендерными стереотипами и гендерными маркерами при конструировании гендера как компонента имиджа политика.

Понятие гендерного конфликта

Реакцией на обострение проблем взаимодействия мужчин и женщин в современном обществе выступило становление конфликтологического подхода к гендеру, главным образом в социальных науках (социальная философия, социология и социальная психология).

Под гендерным конфликтом в настоящей статье понимается «взаимодействие или психологическое состояние, в основе которого лежит противоречивое восприятие гендерных ценностей, отношений, ролей, приводящее к столкновению интересов и целей» [Красова, 2002, с. 70].

Одной из основных причин гендерного конфликта является **гендерная асимметрия**. В социальных науках под гендерной асимметрией понимается «непропорциональная представленность социальных и культурных ролей обоих полов (а также представлений о них) в различных сферах жизни» [Ажгихина, 2002, с. 29]. В лингвистике термин активно используется в рамках феминистской критики языка – особого направления в языкознании, цель которого заключается в борьбе с мужским доминированием в языке. Гендерная асимметрия описывает не только состояние неравенства полов в языке, но и глобальную тенденцию к **андроцентричности** языковой картины мира, т. е. отражению в языке приоритета мужской точки зрения [Кирилина, 2002, с. 29–30].

Гендерный конфликт в политической рекламе

В отличие от коммерческой рекламы товаров и услуг, где интенсивно применяются технологии нейтрализации гендерной асимметрии для привлечения разнополой аудитории, политическая реклама в силу присущей ей открытой состязательности в целом не исключает любую форму социального конфликта, в том числе гендерный конфликт.

Несмотря на то, что в цивилизованном демократическом обществе принято осуждать любые проявления дискриминации, по всему миру политика остается сферой с «мужским лицом», а гендерный конфликт прочно вошел в инструментарий имиджмейкинга и часто используется для конструирования имиджа политика-мужчины. Выбор гендерного конфликта в качестве компонента имиджа политика мотивирован тем, что, во-первых, «война полов» вызывает большой общественный резонанс; во-вторых, посредством гендерного конфликта эксплицируется гендерная идентичность политика и его отношение к актуальному вопросу полового равенства.

Рассмотрим примеры реализации гендерного конфликта в речи политиков, не раз обвинявшихся в сексизме и проведении «антиженской» политики, – бывшего президента США Д. Трампа и российского политического деятеля В. В. Жириновского.

Во время предвыборных дебатов оба политика сделали ставку на гендерный конфликт, демонстрируя неуважительное отношение к своим конкуренткам. И Д. Трамп, и В. В. Жириновский использовали языковые средства реализации гендерной асимметрии, направленные на уменьшение коммуникативного вклада и принижение социального статуса конкуренток:

1) Перебивания

По данным новостного сайта vox.com, во время третьих дебатов Д. Трамп перебил Х. Клинтон 51 раз, а Х. Клинтон перебила его только 17 раз¹.

В России большинство политических шоу в целом характеризуется скандальностью, и перебивания считаются нормой ведения политической дискуссии. На дебатах 14 марта у В. Соловьева кандидаты-мужчины перебивали К. А. Собчак так часто, что она покинула студию в слезах, а ведущий был вынужден публично признать происходящее «травлей».

2) Апелляция к полу

И в США, и в России остро стоит вопрос «войны полов» в политике, поэтому участники дебатов нередко обосновывают возникшие

¹ URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2016/9/27/13017666/presidential-debate-trump-clinton-sexism-interruptions>

между ними разногласия оппозицией «мужское – женское», порой за счет дефокусации сути обсуждаемой проблемы.

Частотным средством апелляции к полу конкурента является номинация *man* или *woman* и личные местоимения *he / she* и их производные. Подчеркнем, что и Д. Трамп, и В. В. Жириновский пытаются принизить социальный статус своих конкуренток, говоря о них в третьем лице в их присутствии, что является грубым нарушением этикета.

TRUMP: **She's** done a terrible job for the African-Americans. <...> **She** campaigned where the primary part of **her** campaign... (<https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-9-2016-debate-transcript>)

Х. Клинтон выбирает тактику¹ «отзеркаливания» речи конкурента, обращаясь к нему с использованием личного местоимения, в то время как К. А. Собчак предпочитает обращаться к оппоненту неопосредованно с использованием местоимения *Вы* и глаголов в повелительном наклонении:

CLINTON: And, look, if this were just about one video, maybe what **he's** saying tonight would be understandable, but everyone can draw their own conclusions at this point about whether or not the **man** in the video or the **man** on the stage respects **women**. But **he** never apologizes for anything to anyone. (<https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-9-2016-debate-transcript>)

ЖИРИНОВСКИЙ: Так **она** влезает. **Она** ж влезла.

СОБЧАК: Я вообще **Вас** не трогала. **Ведите** себя прилично.

Д. Трамп выбрал тактику отрицания и контрастования при обвинении в сексизме. Так, во время вторых дебатов он прибег к зеркальному обвинению конкурентки и ее супруга Б. Клинтона в несправедливом отношении к женщинам, повторяя слова-триггеры *abusive* и *attacked*, эвоцирующие целый пласт социальных проблем, таких как насилие над женщиной.

TRUMP: <...> If you look at Bill Clinton, far worse. Mine are words, and his was action. His was what he's done to women. There's never been anybody in

¹ Под тактикой здесь и далее понимается речевое действие, направленное на решение какой-либо коммуникативной задачи.

the history of politics in this nation that's been so **abusive** to women. So you can say any way you want to say it, but Bill Clinton was **abusive** to women. Hillary Clinton **attacked** those same women and **attacked** them viciously. (<https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-9-2016-debate-transcript>)

3) *Оскорбления*

На дебатах с Х. Клинтон Д. Трамп прибегает к комментированию физиологических параметров конкурентки, утверждая, что у Клинтон «непрезидентская» внешность и ей не хватает выносливости. Как известно, выносливость стереотипно считается мужской чертой характера. Реплики Д. Трампа могут считаться аргументом *ad hominem* и апеллируют к гендерному стереотипу о политическом лидере.

TRUMP: She doesn't have the look. She doesn't have the stamina. I said she doesn't have the stamina. And I don't believe she does have the stamina. To be president of this country, you need tremendous stamina. (<https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/september-26-2016-debate-transcript>)

Х. Клинтон отвечает контрбвинением, фокусируясь на своих достижениях: женщина-кандидат перечисляет свои успехи и заключает, что они говорят о наличии большей выносливости, чем у соперника. Затем Х. Клинтон делает отсылку к сексистским ремаркам Трампа, вынуждая его оправдываться. Тем самым Х. Клинтон берет реванш в начатом конкурентом диалоге о гендерных признаках будущего президента:

CLINTON: Well, as soon as he travels to 112 countries and negotiates a peace deal, a cease-fire, a release of dissidents, an opening of new opportunities in nations around the world, or even spends 11 hours testifying in front of a congressional committee, he can talk to me about stamina. [*applause*] <...>

CLINTON: You know, he tried to switch from looks to stamina. But this is a man who has called women pigs, slobs and dogs, and someone who has said pregnancy is an inconvenience to employers, who has said...

TRUMP: I never said that.

CLINTON: women don't deserve equal pay unless they do as good a job as men.

TRUMP: I didn't say that. (<https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/september-26-2016-debate-transcript>)

В. В. Жириновский не только негативно отзываясь о внешности К. А. Собчак, но и использует ругательства, в том числе гендерно окрашенную бранную и обценную лексику (*дура, тупая, идиотка, проститутка, баба, б**** последняя*), в сочетании с глаголами в повелительном наклонении второго лица единственного числа:

ЖИРИНОВСКИЙ: **Замолчи, замолчи, дура! Замолчи!**

ВЕДУЩИЙ: Не оскорбляйте женщину, ну.

СОБЧАК: Так, что Вы так со мной разговариваете, а?

ЖИРИНОВСКИЙ: Ну, если она **тупая**, если **мозгов нет**. Видишь, что делает? Вот, видишь? Вот, **идиотка**, что. Убери ее отсюда!

СОБЧАК: Значит, ведите себя прилично.

ЖИРИНОВСКИЙ: Убери эту **проститутку**, эту **грязь!** Отсюда уберите! **Черная грязь! Отвратительная баба! Б**** последняя!** Вот, а как иначе? А как иначе? А как иначе?

Как следует из примера, В. В. Жириновский использует тактику провоцирования для эмоциональной дестабилизации конкурентки и достигает желаемого результата: К. А. Собчак, в отличие от Х. Клинтон, тратит значительные личностные и эфирные ресурсы на призывы к порядку, а не на саморекламу. Во время эскалации конфликта К. А. Собчак обливает конкурента водой, что приводит к популяризации образа облитого Жириновского в СМИ.

4) *Неформальные обращения*

На первых дебатах Д. Трамп периодически применяет по отношению к Х. Клинтон формальную номинацию *Secretary Clinton*, включающую название должности и фамилию участника, что позволяет не только соблюсти нормы поведения на дебатах, но и дистанцироваться от конкурентки.

На последующих дебатах он практически полностью отказывается от формальности обращения и называет ее либо по имени *Hillary*, либо с помощью личного местоимения *she / her*. Х. Клинтон обращается к конкуренту исключительно по имени – *Donald*, проявляя тем самым готовность установить партнерские отношения.

В. В. Жириновский практически никогда не называет конкурентку по имени и отчеству, используя либо ее фамилию, либо личное

местоимение *она* и его производные и пренебрежительные указательные местоимения *вот эта вот*. К. А. Собчак придерживается формального регистра с целью дистанцироваться от конкурента, называя его по имени-отчеству или *вот этот человек*.

5) Акцент на фатическом общении

И в США, и в России участие женщины в политике воспринимается как непривычное явление, вследствие чего сопровождается фатическими комментариями, направленными на подготовку к коммуникации. Как правило, фатические ремарки являются гендерно маркированными. Так, и в американских, и в российских дебатах были обнаружены апелляции к «кодексу джентльмена», предупреждающие возможную интерпретацию происходящего как притеснения по половому признаку:

CLINTON: If he wants to start, he can start. No, go ahead, Donald.

TRUMP: No, I'm a **gentleman**, Hillary. Go ahead. [*laughter*] (<https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-9-2016-debate-transcript>)

ВЕДУЩИЙ: <...> Вы должны показывать пример ну не только **джентльмена**, хотя бы достойного отношения друг к другу.

В. В. Жириновский неоднократно поднимает вопрос о целесообразности участия Собчак в дебатах, подчеркивая, что ей больше подходит амплуа шоувумен, а не политика. В. В. Жириновский делает отсылку к опыту работы К. А. Собчак в качестве ведущей скандального ТВ-шоу «Дом-2»:

ЖИРИНОВСКИЙ: С улицы! С улицы не надо сюда приводить вокзальных девок! Грязь это все! «Дом-2»! «Дом-2»! Это там разврат! Разврат! Пусть заткнется!

Примечательно, что К. А. Собчак в ходе дебатов несколько раз пытается взять реванш, возвращаясь к вопросу своей работы в шоу «Дом-2». Так, в начале своей заключительной речи она уделяет значительное внимание оправданиям:

СОБЧАК: Дорогие избиратели, Вы знаете, меня очень часто упрекают в том, что 15 лет назад я вела «Дом-2». Так вот, я хочу сказать, что там-то публика почище была, чем сегодня то, что Вы видели. Но я не об этом...

Таким образом, анализ материала исследования показывает, что гендерный конфликт выступает главным фактором имиджа Д. Трампа и В. В. Жириновского в случае конкурирования с политиками женского пола. Оба политика выступают инициаторами гендерного конфликта, первыми затрагивая гендерные вопросы и используя эмоциональные тактики ведения дискуссии, включающие тактику опосредованного обращения к конкурентке, провоцирования и контрастности в случае обвинений в сексизме.

Гендерный конфликт в имидже Д. Трампа и В. В. Жириновского имеет деструктивный характер, так как направлен на дискредитацию имиджа их конкуренток.

С тем, чтобы избежать разрушения своего имиджа и придать гендерному конфликту конструктивный характер, Х. Клинтон и К. А. Собчак успешно применяют тактику «отзеркаливания» агрессивных действий оппонентов. В результате анализа материала было установлено, что выбранные Х. Клинтон тактики являются более удачными при избегании имиджевого урона. К. А. Собчак, на наш взгляд, понесла более значительные имиджевые потери, так как в стремлении взять реванш над противником вынужденно отходила от темы и тратила ресурсы на фатическое общение, а именно призывы к порядку и оправдание своего права участвовать в коммуникации на равных.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в дискурсе политической рекламы США и РФ мужчины-политики нередко прибегают к гендерному конфликту для конструирования эффективного имиджа, отвечающего запросам и реалиям общества. Гендерный конфликт как фактор формирования имиджа позволяет асертировать доминантное положение мужчины-политика за счет принижения социального статуса женщины и лишения ее возможности внести достаточный коммуникативный вклад и манифестировать свой имидж.

В основе гендерного конфликта лежит гендерная асимметрия, реализующаяся с помощью обращения к тематике «войны полов» и ряда языковых средств, таких как перебивания, апелляция к полу, оскорбления, неформальные обращения и акцент на фатическом общении.

Несмотря на то, что и в США, и в России статус женщины-политика и его социальный вес ставятся под сомнение, в США гендерный конфликт в политической рекламе не препятствует реализации имиджа женщины-политика. В России проявления гендерной асимметрии в политической рекламе способны разрушить коммуникацию политиков друг с другом и с избирателями ввиду отсутствия культуры ведения и разрешения гендерного конфликта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Томская М. В.* Изучение гендера как проявление «исследовательской моды» в российском языкознании // Язык и мода: сб. статей / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. Трошина Н. Н. Москва, 2017. С. 146–163.
2. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. Москва: Институт социологии РАН, 1999.
3. *Bui V.* Gender language in modern advertising: An investigation // Current research in behavioral sciences. 2021. № 2. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666518220300085> (дата обращения: 15.03.2021).
4. Гендер в британской и американской лингвокультурах / под ред. Е. С. Гриценко: монография. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011.
5. *Nasty Women and Bad Hombres: Gender and Race in the 2016 Presidential Election* / ed. by Ch. A. Kray, T. W. Carroll and H. Mandell. Boydell. University of Rochester Press, 2018.
6. *Горошко Е. И.* Интернет-коммуникация в гендерном измерении // Вестник Пермского государственного университета. 2006. Вып. 3 (3). С. 219–229.
7. *Herring S. C.* Gender and Power in On-line Communication // The Handbook of Language and Gender / ed. by J. Holmes and M. Meyerhoff. London: Blackwell Publishing, 2008. P. 202–228.
8. *Гусейнова И. А.* Гендерный конфликт в маркетинговой коммуникации // Гендер: язык, культура, коммуникация: материалы Третьей международной конференции 27–28 ноября 2003. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2003. С. 39–40.
9. *Егорова-Гантман Е. В., Пleshаков К. В.* Политическая реклама. Москва: Центр политического консультирования «Никколо М», 1999.
10. *Почепцов Г. Г.* Имиджелогия. 6-е изд., стер. М.: СмартБук, 2009.
11. *Красова Е. Ю.* Гендерный конфликт // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация – XXI век, 2002. С. 70–71.

12. Ажгихина Н. И. Гендерная асимметрия // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». Москва: Информациа – XXI век, 2002. С. 29.
13. Кирилина А. В. Гендерная асимметрия в языке // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». Москва: Информациа – XXI век, 2002. С. 29–30.

REFERENCES

1. Tomskaja, M. V. (2017). Izuchenie gendera kak projavlenie «issledovatel'skoj mody» v rossijskom jazykoznanii = Gender studies as a research trend in Russian linguistics. In N. N. Troshina (ed.), *Jazyk i moda* (pp. 146–163). Moscow: RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. jazykoznanija. (In Russ.)
2. Kirilina, A. V. (1999). Gender: lingvisticheskie aspekty = Gender: linguistic aspects. Moscow: Institut sociologii RAN. (In Russ.)].
3. Bui, V. Gender language in modern advertising: an investigation. Current research in behavioral sciences. 2021. № 2. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666518220300085> (date of access: 15.03.2021).
4. Gricenko, E. S. (Ed.). (2011). Gender v britanskoj i amerikanskoj lingvokul'turah = Gender in British and American linguocultures. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.)
5. Kray, Ch. A., Carroll, T. W., Mandell, H. (eds.). *Nasty women and bad hombres: gender and race in the 2016 US Presidential Election = Gender and race in American history*. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2018.
6. Goroshko, E. I. (2006). Internet communication in the gender dimension. *Vestnik of Perm State University*, 3(3), 219–229. (In Russ.)
7. Herring, S. C. Gender and power in on-line communication. *The handbook of language and gender* / ed. by J. Holmes and M. Meyerhoff. London: Blackwell Publishing, 2008. P. 202–228.
8. Gusejnova, I. A. (2003). Gendernyj konflikt v marketingovoj kommunikacii = The gender conflict in marketing communication. In *Materialy Tret'ej mezhdunarodnoj konferencii* (pp. 39–40). November 27–28, 2003. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
9. Egorova-Gantman, E. V., Pleshakov, K. V. (1999). *Politicheskaja reclama = Political advertising*. Moscow: Centr politicheskogo konsultirovanija «Nikolo M». (In Russ.)
10. Pochepcov, G. G. (2009). *Imidzhelogija = Image Studies*. 6th ed. Moscow: SmartBuk. (In Russ.)

11. Krasova, E. Ju. (2002). Gendernyj konflikt = Gender Conflict. In Denisova, A. A. (ed.), Slovar' gendernyh terminov (pp. 70–71). Regional'naja obshhestvennaja organizacija «Vostok-Zapad: Zhenskie Innovacionnye Proekty». Moscow: Informaciya – XXI vek. (In Russ.)
12. Azhghina, N. I. (2002). Gendernaja asimmetrija = Gender Asymmetry. In Denisova, A. A. (ed.), Slovar' gendernyh terminov (p. 29). Regional'naja obshhestvennaja organizacija «Vostok-Zapad: Zhenskie Innovacionnye Proekty». Moscow: Informaciya – XXI vek. (In Russ.)
13. Kirilina, A. V. (2002). Gendernaja asimmetrija v jazyke = Gender Asymmetry in Language. In Denisova, A. A. (ed.), Slovar' gendernyh terminov (pp. 29–30). Regional'naja obshhestvennaja organizacija «Vostok-Zapad: Zhenskie Innovacionnye Proekty». Moscow: Informaciya – XXI vek. (In Russ.)

Информация об авторе

Мурашова Е. П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Murashova E. P. – PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 81.139

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_111

**ВОССОЗДАНИЕ СМЫСЛОВОЙ ДОМИНАНТЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ****В. А. Мягкова**

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
valentinamiagkova@gmail.com

Аннотация. Автором предпринята попытка обоснования возможности (или необходимости) опущения культурных знаков в процессе перевода поэтического текста в случаях, когда смысловые компоненты данных знаков не способствуют адекватному воссозданию системы доминантных смыслов оригинального текста. В ходе исследования произведен сопоставительный анализ компонентов смысловой доминанты оригинального и переводного текстов с целью определения степени адекватности перевода и удачности переводческой стратегии.

Ключевые слова: перевод, культурно-специфическая единица, доминантный смысл, семантический компонент

Для цитирования: Мягкова В. А. Воссоздание смысловой доминанты при переводе: психолингвистический аспект // Вестник Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 111–122. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_111

Original article

**RENDERING THE DOMINANT MEANING IN TRANSLATION:
THE PSYCHOLINGUISTIC ASPECT****V. A. Miagkova**

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
valentinamiagkova@gmail.com

Abstract. The article seeks to prove the possibility (or even the necessity) of omitting culturally specific units while translating a poetic text, when the semantic components of these units do not contribute to the adequate rendering of the dominant meanings of the original text. A comparative analysis of the dominant semantic components of the original and translated texts is also done in order to determine the degree of translation adequacy and the relevance of the translation strategy.

Key words: translation, culturally specific unit, dominant meaning, semantic component

For citation: Miagkova, V. A. (2021). Rendering the dominant meaning in translation: the psycholinguistic aspect. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(851), 111–122. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_111

Введение

В современном переводоведении большую значимость имеет рассмотрение теории перевода как деятельностиной («интегративной») по выражению К. И. Леонтьевой [Леонтьева, 2015]). Данный подход предполагает не только всестороннее осмысление понятия эквивалентности исходного и переводного текстов, но и изучение перевода во множестве его онтологий, в частности анализ перевода как «речемыслительной интерпретирующей деятельности индивида, реализующейся во взаимодействии со средой, ее процесс, результат, средства, мотив и пр.» [там же, с. 265].

Исследователи (С. Н. Сыроваткин 1978; А. Д. Швейцер 1988; В. А. Нуриев 2003) указывают на смежность задач переводоведения и психолингвистики, поскольку психолингвистика изучает речевую деятельность, в то время как перевод – объект исследования переводоведения – представляется специфическим видом речевой деятельности. Данные психолингвистики о механизмах порождения и восприятия речевого высказывания, о структуре речевого действия и о моделях языковой способности также могут быть полезны теории перевода (Нуриев 2003). В этой связи психолингвистический метод анализа смысловой доминанты текста может быть использован для решения различных лингвистических задач, в том числе для установления системы семантических компонентов, необходимых для воссоздания в тексте перевода.

О целесообразности ориентирования переводческой стратегии на вычленение и воссоздание в тексте перевода доминантного личностного смысла текста писали и выдающиеся теоретики переводоведения (Швейцер 1988; Комиссаров 1980). Так, В. Н. Комиссаров указывает на важность установления цели коммуникации, «составляющей обязательную часть любого высказывания на любом языке» и подчеркивает, что «по-видимому, не существует каких-либо лингвистических препятствий для того, чтобы в содержании текста перевода была бы выражена та же доминантная функция, что и в оригинале» [Комиссаров, 1980, с. 69]. Важно отметить, что под целью коммуникации

художественного текста исследователь понимает не то, что «хотел сказать автор», а то, что он фактически сказал, то есть непосредственно доминантный смысл текста [Пищальникова, 1991]. Данный тезис перекликается со следующим положением В. А. Пищальниковой о порождении и восприятии художественного, в частности, поэтического текста, – «мотивация, субъективно отраженная в системе эстетически значимых авторских эмоций, не осознается автором художественного текста, но реципиентом она легко обнаруживается, потому что система эстетических эмоций фиксируется в языковых единицах и их индивидуальных трансформациях» [там же, с. 16].

Нередко за употреблением в тексте культурно-специфических единиц переводчики видят именно стремление автора выразить культурно значимое содержание, поэтому рассматривают использование эквивалентных речевых операций как значимую предпосылку адекватного воссоздания значения речевого действия автора. Однако данное предположение (и выбранная на его основе переводческая стратегия) не всегда оказывается верным. По данным психолингвистических экспериментов, культурная специфика знака не обязательно предполагает включение смысловых компонентов соответствующей культурно-специфичной познавательной модели в процесс формирования доминантного смысла текста [Панарина, 2017]. Кроме того, восприятие культурных знаков как текстовых элементов не является обязательной причиной актуализации культурно значимых познавательных моделей у реципиентов [там же].

Ранее в ходе сравнительного анализа текстов двух переводов одного поэтического произведения мы также убедились в том, что культурно-специфические единицы не всегда являются ключевыми компонентами системы доминантного смысла стихотворения [Мягкова, 2020]. Кроме того, попытка переводчика добавить в текст перевода отсылки к прецедентным текстам иноязычной культуры может приводить к ассоциативному смещению и, как следствие, нарушению смыслового единства. При этом более адекватный перевод достигается воссозданием значимых элементов системы доминантного смысла оригинала, отказом от функционально нерелевантных добавлений.

Целью данного исследования является доказательство более частного положения, которое подтверждает возможность опущения культурно значимых единиц при переводе, на основе анализа

психолингвистических механизмов формирования смысловой доминанты. Для этого мы рассмотрим особенности функционирования в тексте перевода с английского на русский язык культурно-маркированных единиц в ситуациях, когда автор оригинального текста выстраивает систему личностных смыслов путем включения в текст отсылок к реалиям русской культуры.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) провести анализ оригинального текста, выявить ключевые элементы для реализации системы личностных смыслов автора, определить роль культурно значимых элементов в этой системе;
- 2) проанализировать текст перевода, рассмотреть, какими способами воссозданы основные составляющие системы доминантного смысла оригинала, а также какие функции выполняют культурно значимые единицы в тексте перевода.

Методы и материал исследования

В. А. Пищальникова отмечает, что «в определении доминантного смысла следует исходить из структурных соотношений языковых единиц, фиксирующих личностные смыслы, учитывая, что актуальность личностного смысла отражается в какой-либо акцентуации языковой единицы, являющейся его репрезентантом» [Пищальникова, 1991, с. 13]. Важно подчеркнуть, что культурно специфические единицы могут быть частью различных речевых действий в структуре деятельности автора текста, и, подчиняясь мотиву выражения комплекса авторских личностных смыслов, по-разному реализовать в структуре актуального значения конвенциональное культурное содержание.

Переводческий анализ текста методом построения системы доминантных смыслов осуществляется следующим образом: на основе воспринимаемого лексического материала и его семантической интерпретации формируется система смыслов, концептов, наиболее значимые (частотные) из которых должны быть воссозданы в тексте перевода. При этом переводчиком осуществляется ряд смысловых замен, эквивалентность которых определяет возможность полноценного понимания художественного текста.

Ключевым показателем адекватного перевода представляется максимальная степень воссоздания системы авторских личностных

смыслов. Но поскольку личностные смыслы принципиально не могут быть переданы точно, в силу континуальности смысла, интерпретатору приходится опираться на психологические значения слов языка и выражать разные аспекты личностного смысла, употребляя слова в речи как конвенциональные единицы. При сопоставлении значений различных компонентов текста можно также обращаться к словарям, поскольку, по замечанию А. А. Леонтьева, психологическое значение в своей наиболее устойчивой форме фиксируется в словарном значении [Леонтьев, 2010].

Ход исследования

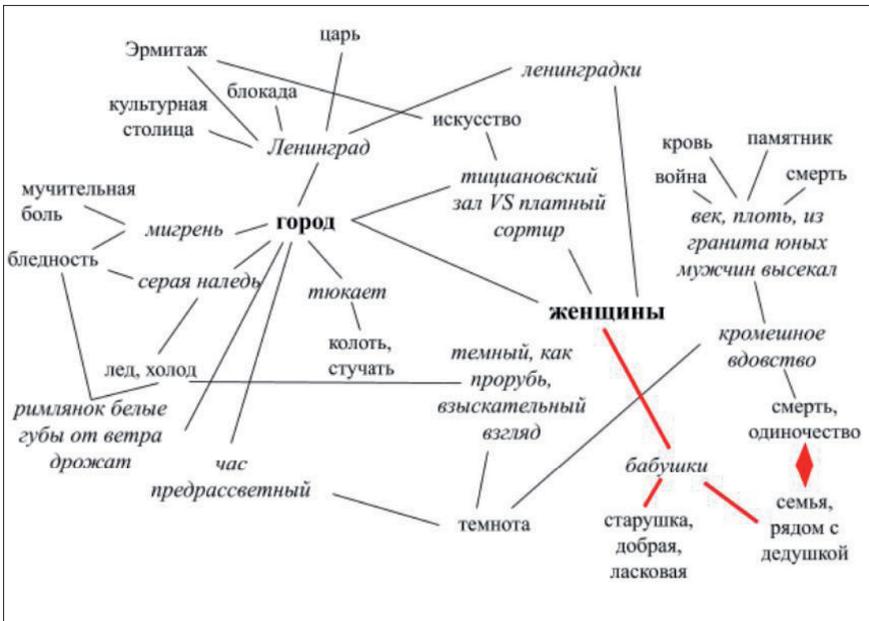
Рассмотрим пример интеграции реалий русской культуры в систему доминантных смыслов англоязычного стихотворения Т. Харрисона «Летний сад» (из цикла «Сонеты железного занавеса») [В двух измерениях: Современная британская поэзия в русских переводах, 2009, с. 250].

Одним из ключевых образов поэтического текста выступают суровые и одинокие вдовы (*babushkas, vast pool of widowhood*), чьих мужей забрала война (это значение реализуется в яркой метафоре *menfolk melted down to monuments*). Глагол *swathe* («*felt-swathed*») также вызывает ассоциации с войной, поскольку в одном из своих значений включает компонент «*with or as if with a bandage*» («перевязать повязкой / бинтом» (<https://www.merriam-webster.com/>)). Образ женщин тесно связан с образом мрачного Ленинграда, на улицах которого они разбивают лед: атмосфера холода и уныния в городе реализуется в лексемах *winter false dawns*, в звукоподражаниях *thud! thud! thud!, chip*, ассонансах «*stooping*» – «*pool*» – «*widowhood*». Одинокие женщины оставлены охранять не только память своих погибших мужей, но и ценности города, данный компонент образа выражен в культурно-специфических элементах *Rembrandts* (вероятно, имеются в виду смотрительницы Эрмитажа), *Tsar's crowns, Faberges*.

В тексте перевода, выполненного Ю. Фокиной, адекватно воссоздан образ города (переводчица вводит топоним «Ленинград», а также называет женщин «ленинградками», что довольно гармонично встраивается в реконструкцию оригинальной системы доминантных смыслов), реализуется в лексемах *с мигренью, тюкает лом, серая*

Компоненты системы доминантного смысла оригинального стихотворения

	Лексические элементы	Компоненты значения по данному словарю Longman Dictionary of Contemporary English, Merriam-Webster Dictionary, Oxford Advanced Learner's Dictionary an elderly Russian woman	Значимые семантические компоненты
	babushka		«старость», «русский»
	vast + pool + widowhood	«extremely large, huge»; «a hole filled with water / group of people»; «a woman whose husband has died and who has not married again»	«много женщин», «мужья погитбли», «одиночество»
	menfolk + monuments	«the men of a family or community», «column, statue, etc. built to remind people of a famous person or event»	
	swathed	«to wrap or cover something in something», «bind, wrap, or swaddle with or as if with a bandage»	
	stand, guard	«to maintain one's position», «to protect from danger especially by watchful attention: make secure»	«защита», «стойкость», «строгость, сила, непреклонность»
	stern, unbending, 'nyet, nyet'	«serious, strict, showing strong disapproval», «unwilling to change your opinions, decisions»	
	Rembrandts, Faberges, Tsar's crowns, VERITAS, HONOR, PSYCHE	the prominent painter's works, golden eggs decorated with jewels, royal jewelry	история, ценности, искусство, память
	winter, ice, false + dawns	the season, when the weather is coldest, frozen water, not real + the first appearance of light in the morning	«холод», «нет света»
	thud, thud, thud, chip	«the low sound made by a heavy object hitting something else», to break off in small pieces	«тяжесть», «дробить, раскалывать»
Образ женщины			
Образ			

Компоненты системы доминантного смысла переводного стихотворения (с опорой на толковые словари Т. Ф. Ефремовой, Русский ассоциативный словарь) *наледь* (см. схема 1) [В двух измерениях ... , 2009, с. 251]. К образу города на Неве отсылает и название переводного стихотворения (*Летний сад*), а также названия статуй Марино Грапелли, украшающих Летний сад (*VERITAS, HONOR, PSYCHE*).

Интегративный смысл культурно-специфических компонентов оригинального текста в значительной мере фиксируют психологическую ценность впечатлений автора от Ленинграда (в 1970–1980-е годы Тони Харрисон путешествовал по ряду столиц стран Варшавского пакта). При этом интересно отметить, что в тексте перевода сокращено количество культурно специфических единиц, отсылающих к памятникам истории и искусства (*Rembrandts, Faberges, Tsar's crowns, VERITAS, HONOR, PSYCHE* → *титановый зал, римлянок белые губы, Психея*), что представляется довольно естественным, поскольку в сознании русскоязычного читателя топоним *Ленинград*, упоминания Летнего сада и титановского зала вызывают достаточно прочные ассоциации с разнообразной историей культурной столицы.

Концепты, благодаря которым воссоздается образ ленинградских женщин, реализуются в ярких метафорах «*час предрассветный усердно дробят, из-под платков обдавая кромеиным вдовством*», их одиночество, скорбь по ушедшей молодости и потерянной любви – в мощной метафоре, усиленной параллельными конструкциями: «*век не из гипса – из плоти лепил, не из гранита – из юных мужчин высекал*». Как и в системе смыслов, составляющих образ города, смысловые компоненты «холод» и «темнота» являются значимыми для конструирования образа ленинградских женщин (входят в состав значения элементов *кромеиный, темный, как прорубь*) (см. схему 1).

Важно отметить, что в переводном тексте функциональная значимость элемента *бабушки* отличается от эффекта данной леммы в оригинале. В оригинальном стихотворении *babushkas* погружает читателя в культурный контекст, запускает познавательный процесс, указывает в первую очередь на пожилую женщину. В тексте перевода лексический элемент *бабушка* актуализирует ассоциации со старшим членом семьи (в русскоязычных толковых словарях данная лексема фиксируется с первым значением «мать отца или матери», а значение «пожилая женщина» приводится с пометой «разговорное или просторечное» [Ефремова, 2000; Ожегов, 1997], а также сопровождается примерами из пословиц, поговорок и сказок). Согласно Русскому ассоциативному словарю среди реакций на стимул *бабушка* преобладают *старушка, добрая, любимая, родная, рядом с бабушкой* [Русский ассоциативный словарь, URL]. Кроме того, слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ушк-* диссонирует с образом женщин, реализованном в лексемах *кромеиный, вдовство*. В тексте перевода эта единица перестает быть специфическим элементом другой культуры, для русскоязычного читателя эта лексема ассоциируется с уменьшительно-ласкательным обращением, в этой связи перевод кажется менее удачным.

Взгляды городских женщин провожают лирического героя, во второй строфе его эмоции фиксируются в лексемах *shy, edgy*. Вторая строфа по эмоциональному наполнению определенным образом противопоставляется первой (данное противопоставление подчеркивается восклицаниями *nyet! nyet!*): страстная влюбленность (*fall for, strong passion*) в оппозиции одиночеству старости, жизнь в оппозиции смерти (см. табл. 2). Концепт запретной страсти, не поддающейся

контролю разума, также реализуется в отсылке к античной мифологии (упоминается миф о Психее, которая нарушила священный запрет богов ради того, чтобы взглянуть на своего возлюбленного – *«whom strong passion made forget conditions of darkness and god's taboo»*). Данное противопоставление поддерживает значимые для структуры доминантного смысла противопоставления «страсть vs старость», «жизнь vs смерть», встраивается в иерархию смыслов, развивая представленное ранее содержание.

Таблица 2

**Компоненты системы доминантного смысла
оригинального стихотворения**

	Лексические элементы	Компоненты значения по данным словарей ¹	Значимые семантические компоненты
Образ запретной любви	shy, edgy	nervous, sensitive	волнение, чувствительность
	fall for, strong passion + taboo, Psyche	<i>«to fall in love with smb», «intense, driving, or overmastering feeling or conviction»</i>	сильное, всепоглощающее чувство

В тексте перевода оппозиция влюбленности и опустошенной старости реализуется в противопоставлении концептов «холод», «темнота» и «тепло», «свет», реализованных в компонентах значения лексических элементов *горячих ночей* и *лампада*. Кроме того, весьма удачно воссоздана аллюзия на античный сюжет о Психее (*«Олимп не прощает горячих ночей. Нарушен запрет»*), актуализируемый концепт 'запретная страсть' включает в себя значимые смыслы, поддерживающие доминантную оппозицию (согласно Русскому ассоциативному словарю, наиболее частотными реакциями на стимул «страсть» являются «жгучая», «сильная», «необузданная», «горячая») [Русский ассоциативный словарь, URL]. Интересно отметить, что данная отсылка эксплицирована

¹ Longman Dictionary of Contemporary English. URL: www.ldoceonline.com/

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

как в оригинальном, так и в переводном тексте (в строке, следующей за прецедентным именем частично приведен сюжет мифа), таким образом эмоционально-ассоциативная нагрузка распределяется между прецедентным именем и поясняющими его элементами, что более точно направляет смыслообразование в сознании читателя.

Заключение

На примере стихотворения Т. Харрисона и его перевода можно весьма наглядно проследить, как в оригинальном тексте лексические элементы с культурно-специфическим значением реализуют смыслы, являющиеся значимыми компонентами эмоциональной доминанты текста, в то время как в переводном тексте значимость данных элементов приравнивается к значимости единиц, не несущих в себе культурно-специфических значений, а потому становится возможным сокращение количества отсылок к прецедентным именам и названиям. Как показал наш анализ, неудачный выбор эквивалента культурно-специфической единицы может приводить к включению в систему доминантных смыслов переводного текста компонентов, противоречащих другим значимым компонентам системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Леонтьева К. И.* Теория перевода с «человеческим лицом»: старые песни на новый лад // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 4. С. 260–273.
2. *Комиссаров В. Н.* Лингвистика перевода. Москва: Международные отношения, 1980.
3. *Пищальникова В. А.* Концептуальный анализ художественного текста: учебное пособие. Барнаул: АГУ, 1991.
4. *Панарина Н. С.* Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2017.
5. *Мягкова В. А.* Роль культурного знака в репрезентации смысловой доминанты поэтического текста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 3 (832). 2020. С. 134–146.
6. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. Москва: КРАСАНД, 2010.
7. В двух измерениях: Современная британская поэзия в русских переводах / ред. Г. М. Кружков. Москва: Новое литературное обозрение, 2009.

8. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/>
9. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., Москва, 1997. URL: <https://slovarozhegova.ru/>
10. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. URL: <http://thesaurus.ru/dict/>

REFERENCES

1. Leont'yeva, K. I. (2015). Teoriya perevoda s «chelovecheskim litsom»: staryye pesni na novyy lad = The theory of translation with a «human face»: old songs in a new way. Herald of Tver State University: Series Philology, 4, 260–273. (In Russ.)
2. Komissarov, V. N. (1980). Lingvistika perevoda = Linguistics of translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
3. Pishchal'nikova, V. A. (1991). Kontseptual'nyy analiz khudozhestvennogo teksta = Conceptual analysis of a literary text. Barnaul. (In Russ.)
4. Panarina, N. S. (2017). Psikholingvisticheskoye modelirovaniye mekhanizma realizatsii pretsedentnosti = Psycholinguistic modeling of the precedence realisation mechanism: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.).
5. Myagkova, V. A. (2020). The role of cultural signs in representing dominant meanings in poetic texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(832), 134–146. (In Russ.).
6. Leont'yev, A. A. (2010). Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost' = Language, speech, speech activity. Moscow: Izd-vo KRASAND. (In Russ.).
7. Kruzhkov, G. M. (ed.). (2009). V dvuh izmereniyah: Sovremennaya britanskaya poeziya v russkikh perevodah. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
8. Yefremova, T. F. (2000). Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy = New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational. Moscow: Russkiy yazyk. (In Russ.) (date of access: 12.01.2021).
9. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1997). Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy = Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed. Moscow. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (In Russ.) (date of access: 12.01.2021).
10. Karaulov, Yu. N. Russkiy assotsiativnyy slovar' = Russian associative dictionary: in 2 vols. Vol. I. Ot stimula k reaktivnoi: Ok. 7000 stimulov = From stimulus to reaction. (In Russ.) (date of access: 12.01.2021).

Информация об авторе

Мягкова В. А. – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Miagkova V. A. – PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 81.114.2

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_123

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ
В ЯЗЫКЕ ТЕЛЕДЕБАТОВ ДЖ. БАЙДЕНА И Д. ТРАМПА**

Е. Ю. Цветаев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
yegortsvetaev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются способы реализации моделей строгого отца и заботливого родителя концептуальной метафоры НАРОД КАК СЕМЬЯ. Проведенный контент-анализ выбранного языкового материала, представляющего собой речь кандидатов на пост президента США Джо Байдена и Дональда Трампа во время предвыборных теледебатов, прошедших накануне президентских выборов 2020 года, позволяет проследить модификации в способах реализации этой метафоры, наблюдаемые в дискурсе предвыборных теледебатов.

Ключевые слова: теледебаты, когнитивная лингвистика, когнитивная модель, концептуальная метафора, контент-анализ

Для цитирования: Цветаев Е. Ю. Концептуальные модели в языке теледебатов Дж. Байдена и Д. Трампа // Вестник Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 123–134. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_123

Original article

CONCEPTUAL MODELS IN THE 2020 US PRESIDENTIAL DEBATES

E. Yu. Tsvetaev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
yegortsvetaev@gmail.com

Abstract. The paper considers ways of interpretation of the conceptual metaphor NATION AS FAMILY in terms of Nurturant Parent or Strict Father models. To that end, the language of the 2020 US presidential debates between candidates Joe Biden and Donald Trump was looked at in order to comprehend the range of modifications within these metaphoric patterns in the televised debates discourse. The technique of content analysis was employed as a research method.

Key words: televised debates, cognitive linguistics, idealised cognitive model, conceptual metaphor, content analysis

For citation: Tsvetaev, E. Yu. (2021). Conceptual models in the 2020 US presidential debates. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 123–134. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_123

Введение

В США 2020 год ознаменовался президентскими выборами, на которых действующий на тот момент президент Д. Трамп противостоял бывшему вице-президенту Дж. Байдену. По оценкам специалистов, эти выборы стали одними из самых конфликтных в истории американской политики. За месяц до прошедшего в ноябре 2020 года голосования, приблизительно каждый десятый сторонник как Д. Трампа, так и Дж. Байдена считал, что политическое противостояние двух кандидатов затрагивает ключевые вопросы, и исход выборов способен повлиять на всю систему американских ценностей. По мнению почти каждого десятого избирателя, победа представителя противоположного лагеря привела бы к долгосрочными и разрушительным последствиям для США. По общему мнению, столь высокая степень напряженности предвыборной борьбы и поляризованности американского общества является уникальной как для истории Соединенных Штатов, так и для всего мира¹. Само по себе разделение американцев на демократов и республиканцев укладывается в традиционную политическую схему, сложившуюся под влиянием американской двухпартийной системы, существующей в нынешнем виде с 1950-х годов².

В своей работе 2002 года «Нравственность в политике» Дж. Лаккофф высказал идею о том, что определяющее влияние на поддержку населением той или иной партии оказывают не сами кандидаты, а соревнующиеся между собой интерпретации концептуальной метафоры НАРОД КАК СЕМЬЯ, на основании которых у американцев создаются принципиально противоположные нравственные ориентиры и апеллируя к которым политики-демократы и политики-республиканцы формулируют декларируемые в политическом пространстве взгляды на

¹ URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/11/13/america-is-exceptional-in-the-nature-of-its-political-divide/> (дата обращения: 20.03.2021)

² URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/11/13/america-is-exceptional-in-the-nature-of-its-political-divide/> (дата обращения: 20.03.2021).

мир. Различия между ценностными ориентирами репрезентируются широким арсеналом языковых средств поверхностного и глубинного уровней [Lakoff, 2002, с. 31].

Эта идея нашла отклик среди лингвистов, обратившихся к анализу американской политической ситуации; материалом, позволившим наиболее полно продемонстрировать возможности разработанной Дж. Лакоффом теории для описания ситуации политической нестабильности в США стал язык предвыборных телевизионных дебатов [Boyd, 2013; Cienki, 2005]. Поскольку теледебаты происходят в конце предвыборной кампании и по сути являются итогом совместных усилий предвыборных штабов, они дают кандидатам возможность озвучить то, что согласуется с ценностными системами двух политических лагерей [Cienki, 2004, с. 413].

Цель статьи – установить, насколько точно и полно подход Дж. Лакоффа позволяет описать и объяснить возросшее противостояние между демократами и республиканцами в США в период предвыборной кампании 2020 года. Выбор материала продиктован в первую очередь тем, что язык предвыборных теледебатов уже был ранее исследован другими лингвистами с целью апробации концептуальной метафоры НАРОД КАК СЕМЬЯ и установления ее роли в исходе предвыборной борьбы между демократами и республиканцами в США.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым: выявить факторы, определившие язык американских теледебатов 2020 года и ставшие основаниями интерпретации предвыборных речей; рассмотреть средства актуализации концептуальной метафоры НАРОД КАК СЕМЬЯ в прошедших предвыборных теледебатах; установить, насколько полно выделенные Дж. Лакоффом конкурирующие интерпретации данной метафоры реализованы в языке предвыборных теледебатов 2020 года.

Экстралингвистические особенности американских выборов и теледебатов 2020 года

Результатом президентских выборов в США в 2020 году стала победа кандидата от Демократической партии Дж. Байдена над действующим президентом страны, республиканцем Д. Трампом. Предвыборная обстановка в США характеризовалась высокой степенью

противостояния между сторонниками двух кандидатов¹. Эксперты сравнивали происходящее в стране с позиционной войной (*trench warfare*), особо подчеркивая личностный характер политического противостояния и невозможность национального примирения². Материал предвыборных телевизионных дебатов, отобранный нами для анализа, не является исключением и демонстрирует высокую степень агрессивности в коммуникативном поведении оппонентов, особенно во время их первой встречи, на что указывают некоторые эксперты³.

При том, что с 1976 года каждые президентские выборы в США предусматривали серию из трех дебатов, в 2020 году третий раунд не проводился из-за эпидемии Covid-19. Два раунда дебатов состояли из серии вопросов от ведущего, задаваемых каждому из кандидатов. Первый раунд теледебатов модерировался журналистом «Фокс-Ньюс» К. Уоллесом и был представлен шестью тематическими блоками, затрагивающими вопросы о деятельности Д. Трампа и Дж. Байдена, работе Верховного суда, пандемии коронавируса, проблеме расизма и насилия в больших городах, честности выборов, а также об экономике⁴. Второй раунд теледебатов прошел в атмосфере меньшей напряженности и также состоял из шести сегментов, затрагивая темы борьбы с коронавирусом, проблемы американских семей, расовый вопрос в США, проблему изменения климата, национальную безопасность и вопросы управления; последняя тема не обсуждалась в ходе встречи⁵.

Тематика теледебатов и их регламент, а также общественно-политическая ситуация в стране в сентябре и октябре 2020 года являются важными параметрами дальнейшего лингвистического анализа, поскольку, по справедливому замечанию А. Ченки, позволяют более корректно истолковывать данные, полученные при анализе интерпретационного потенциала концептуальной метафоры НАРОД КАК СЕМЬЯ [Cienki, 2004].

¹ URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/11/13/america-is-exceptional-in-the-nature-of-its-political-divide/> (дата обращения: 20.03.2021).

² URL: <https://time.com/5907318/polarization-2020-election/> (дата обращения: 20.03.2021).

³ URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/10/23/debate-trump-biden-analysis-roundup-431554> (дата обращения: 20.03.2021).

⁴ URL: <https://www.bostonglobe.com/2020/09/29/nation/trump-interrupted-biden-more-than-10-times-he-tried-answer-one-question-it-got-worse-there/> (дата обращения: 20.03.2021)

⁵ URL: <https://apnews.com/article/d298c5706d7f628e738a23afe4b5f8bb> (дата обращения: 20.03.2021)

Концептуальная метафора НАРОД КАК СЕМЬЯ в дискурсе теледебатов

Для объяснения политического противостояния, существующего в американской политической жизни с 1950-х годов, Дж. Лакофф использует две противостоящие друг другу интерпретации концептуальной метафоры НАРОД КАК СЕМЬЯ, в основе которых лежат диаметрально противоположные образы идеальной семьи, позволяющие додумать то, что не было озвучено в политическом дискурсе. Использование данных моделей в политической риторике позволяет политикам оставаться в рамках единой для своей партии системы моральных и семейных ценностей [Lakoff, 2004; Lakoff, 2002].

Картина мира и риторика консерваторов основываются на модели «строгого отца» (МСО), для которой характерно восприятие окружающей реальности как пугающей и враждебной; важным аспектом воспитания здесь является строгость по отношению к детям, уважение к законной власти, принятие идеи о нравственном превосходстве богатых над бедными и мифа о том, что «Америка – это настоящая страна возможностей» [Lakoff, 2002, с. 65–71, 83].

Характерная для либерального дискурса модель «заботливого родителя» (МЗР) основывается на иной интерпретации ролей детей и родителей в семье и иной приоритизации нравственных ценностей. В рамках этой модели ребенок растет и воспитывается через взаимодействие с родителями, чья забота создает возможности для самореализации, развивает эмпатию, т. е. «способность увидеть мир глазами других людей и почувствовать то, что чувствуют они» [там же, с. 114, 118].

При обращении к американскому политическому дискурсу Дж. Лакофф описывает 17 концептуальных метафор, характерных для моделей «строгого отца» и «внимательного родителя» [там же]. До недавнего времени данная концептуальная метафора Дж. Лакоффа широко обсуждалась в научной литературе, однако лингвисты отмечали недостаточность эмпирических данных [Deason, Gonzales, 2012; Var-Lev, 2007]. Опубликованная в 2020 году группой исследователей работа, в которой анализируется внушительный по объему языковой материал, доказала, что ключевые предположения Дж. Лакоффа относительно метафоры НАРОД КАК СЕМЬЯ верны [Feinberg et al., 2020].

Последующие обращения к этой метафоре продемонстрировали наличие прямого переноса индивидами идеализированных

представлений о семье на общественно-политическую жизнь [Cienki, 2005; Feinberg, Wehling, 2018]. Согласно исследованиям А. Ченки, метафорами, входящими в структуру моделей, интерпретирующих метафору НАРОД КАК СЕМЬЯ, являются: характерная для МСО концептуальная метафора НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СИЛА, репрезентируемая словами *strength, toughness, fight* и их производными; и важные для МЗР концептуальные метафоры НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СОЧУВСТВИЕ и НРАВСТВЕННЫЙ ПОСТУПОК КАК ЗАБОТА, репрезентируемые словами *help, support, (doing something) together, care* и их производными [Cienki, 2004, с. 419–422].

Модели строгого отца и заботливого родителя в языке Джо Байдена и Дональда Трампа

В рамках настоящего исследования в качестве материала для анализа привлекаются первая и вторая встречи кандидатов в президенты Дж. Байдена и Д. Трампа общей продолжительностью звучания более трех с половиной часов: при анализе использовались неофициальные расшифровки этих дискуссий, взятые с сайта Комиссии по президентским дебатам, все примеры приводятся в соответствии с ними¹. Языковой материал был проанализирован нами на предмет установления содержания в нем репрезентаций концептуальных метафор, выявленных А. Ченки, а также концептуальной метафоры НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ПОДДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ, которую Дж. Лакофф считает крайне важной для МЗР [Lakoff, 2002].

В приводимой ниже таблице 1 отражены результаты проведенных нами подсчетов языковых средств репрезентации наиболее часто используемых концептуальных метафор.

Из прямых обращений к концептуальной метафоре НАРОД КАК СЕМЬЯ нами был обнаружен только один пример – реплика Дж. Байдена, посредством которой он парировал обвинения Д. Трампа в корумпированности его семьи:

This is not about my family or his family. It's about your *family*, the *American people* ... You, the *American people*, it's about you. That's what we're talking about here.

¹ URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/> (дата обращения: 20.03.2021).

Приведенный пример является показательным, поскольку при произнесении этих слов Дж. Байден обращается непосредственно к избирателям, повернувшись к камере и указывая на нее руками, таким образом подчеркивая, что слово «семья» относится к американскому народу.

Таблица 1

Модель	Метафора	Число проявлений	
		Дж. Байден	Д. Трамп
Заботливого родителя	НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СОЧУВСТВИЕ	13 (0)	7 (0)
	НРАВСТВЕННЫЙ ПОСТУПОК КАК ЗАБОТА	7 (0)	3 (1)
	НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ПОДДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ	6 (0)	1 (0)
Строгого отца	НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СИЛА	4 (2)	13 (2)

Особое внимание в процессе анализа мы обратили на темы, касающиеся коронавируса, экономики и безопасности. Анализ показал, что дискуссия по поводу противодействия пандемии мотивирует собеседников говорить о заботе и обращаться к метафоре **НРАВСТВЕННЫЙ ПОСТУПОК КАК ЗАБОТА**. Две другие темы выделяются нами, поскольку традиционно воспринимаются как благоприятная почва для реализации МСО и МЗР через метафоры **НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СИЛА** и **НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СОЧУВСТВИЕ** соответственно [Lakoff 2002].

Примером реализации метафоры **НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СИЛА** в речи Д. Трампа могут послужить слова, касающиеся иммиграционного вопроса во время второй встречи с Джо Байденом:

We now have as *strong* a border as we've ever had. We've over 400 miles of brand new wall.

Д. Трамп с гордостью говорит о границе, которую стало сложнее пересечь в результате ее удлинения на 400 миль; именно такому

подходу, основывающемся на силе, он отдает предпочтение при решении миграционного вопроса. В ответ Дж. Байден также привлекает метафору НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СИЛА, однако дает понять, что считает политику силы несовместимой с его представлениями о нравственности:

“Be real *tough*. We’re really *strong*.” And guess what? [...] And it makes us a laughingstock and violates every notion of who we are as a nation.

Анализ важной для МЗР метафоры НРАВСТВЕННЫЙ ПОСТУПОК КАК ЗАБОТА показал, что чаще к этой метафоре обращался Дж. Байден:

We have to provide health insurance for people at an affordable rate, and that’s what I do.

Дж. Байден считает, что обеспечение простых американцев медицинской страховкой является долгом государства, т. е. забота об их здоровье – нравственный долг. Дональд Трамп также использовал в своей речи импликацию этой метафоры, но в меньшей степени и с оговорками:

It was also a way of getting a lot of money from our people’s pockets to people that come into our country illegally. We were going to take care of everything for them. And I’d love to do that. I’d love to help them. But what that does, everybody all over the world will start pouring into our country. We can’t do it. This was a way of taking care of them. This was a way of spending on things that had nothing to do with COVID.

Хотя в приведенном примере и отмечается, что забота о бедных – это нравственно правильный поступок, на первый план выходит ключевая для МСО метафора НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ЗАБОТА О СЕБЕ. Трамп утверждает, что чрезмерная забота государства приводит к тому, что бедные начинают воспринимать ее как должное, а иммигранты устремляются в США в надежде получить эту заботу и поддержку. Средства актуализации данной метафоры практически идентичны тем, которые описал Дж. Лакофф, поскольку как негативная интерпретируется невозможность тратить ресурсы на базовые потребности, в данном случае – на борьбу с пандемией коронавируса [Lakoff, 2002, с. 119–120].

Проанализированный материал также показал, что Дж. Байден считает, что люди, делающие полезную для общества работу, могут рассчитывать на помощь со стороны государства:

Over 20,000 of them *are* first responders out there *taking care* of people during this crisis. *We owe them.*

Из примера видно, что метафора НАРОД КАК СЕМЬЯ реализуется посредством характерной для МЗР концептуальной метафоры НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СОЧУВСТВИЕ, например:

The businesses, as well as the schools, *need the help.* These guys will not help them.

В одном примере Дж. Байден даже указывает на отсутствие сочувствия у Д. Трампа как на негативную черту для руководителя государства:

I'll tell you what, he is *not* for any *help* for people needing healthcare.

Также стоит отдельно остановиться на способах выражения метафоры НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ПОДДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ, которая занимает четвертое место по значимости в структуре МЗР [Lakoff, 2002, с. 135]. Она реализуется в речи Дж. Байдена следующим образом:

He *doesn't want to calm things down* instead of going in and talking to people and saying, "*Let's get everybody together. Figure out how to deal with this*".

Из примера виден призыв к единству посредством дискредитации оппонента как безнравственного человека. Как показывает собранный нами материал, такого рода высказывания являются характерными для риторики Дж. Байдена и доказывают более высокую, чем раньше, степень конфликтности в политическом дискурсе США.

Заключение

Проанализированный языковой материал доказывает эффективность попыток описать нарастающий в США политический конфликт с помощью обращения к концептуальной метафоре НАРОД КАК СЕМЬЯ. Более того, сравнение результатов нашего исследования с

более ранними исследованиями роли этой модели позволяет сделать два вывода. Во-первых, из-за усилившейся поляризации американского общества кандидат от Демократической партии Дж. Байден отдает еще большее предпочтение МЗР, чем его предшественники. Наличие связи между степенью поляризации общества и тем, насколько образно вербализуются противопоставленные друг другу интерпретации концептуальной метафоры НАРОД КАК СЕМЬЯ, задает параметры для более глубокого изучения причин раскола в американском обществе.

Также нами было замечено, что республиканец Д. Трамп чаще своего оппонента обращается к импликациям метафор, характерных для МСО, и почти не обращается к МЗР. Это отличает его язык от языка другого республиканца, Дж. Буша, на теледебатах 2000 года [Cienki, 2004, с. 418]. У Дж. Байдена можно отметить склонность к акцентуации важных для МСО метафор через отрицание их значимости для представителя противоположного политического лагеря, что представляет собой новую тенденцию: такой способ реализации метафоры НАРОД КАК СЕМЬЯ исследователями ранее не отмечался.

Наиболее важным выводом настоящей работы является подтверждение значимости обращения не только к концептуальным метафорам как таковым, но и к их логическим импликациям. Игнорирование последних может создать искаженное представление об уровне представленности языка, характерного для МСО и МЗР, в речи демократов и республиканцев соответственно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Lakoff G.* Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think. Chicago: University of Chicago Press, 2002.
2. *Boyd M. S.* Reframing the American dream: Conceptual metaphor and personal pronouns in the 2008 US presidential debates // *Analyzing Genres in Political Communication: Theory and practice. Journal of Language and Politics* / ed. by Cap P., Okulska U. 2013, 50. P. 297–320.
3. *Cienki A.* Metaphor in the 'Strict Father' and 'Nurturant Parent' Cognitive Models: Theoretical Issues Raised in an Empirical Study // *Cognitive Linguistics*. 2005. № 16. P. 279–312.
4. *Cienki A.* Bush's and Gore's Language and Gestures in the 2000 US Presidential Debates: A Test Case for Two Models of Metaphors // *Journal of Language and Politics*. 2004. № 3. P. 409–440.

5. *Lakoff G.* Don't Think of an Elephant: Know your Values and Frame the Debate. White River Junction: Chelsea Green Publishing, 2004.
6. *Deason G., Gonzales M. H.* Moral Politics in the 2008 presidential convention acceptance speeches // *Basic and Applied Social Psychology*. 2012. № 34. P. 254–268.
7. *Bar-Lev Z.* Reframing Moral Politics // *Journal of Language and Politics*. 2007. № 6. P. 459–474.
8. *Feinberg M., Wehling E., Chung J. M., Saslow L. R., Melvær Paulin I.* Measuring moral politics: How strict and nurturant family values explain individual differences in conservatism, liberalism, and the political middle // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2020. № 118 (4). P. 777–804.
9. *Feinberg M., Wehling E.* A moral house divided: How idealized family models impact political cognition // *PLoS ONE*. 2018. Vol. 13, № 4. P. 1–31.

REFERENCES

1. Lakoff, G. (2002). *Moral politics: How Liberals and Conservatives think*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Boyd, M. S. (2013). Reframing the American dream: Conceptual metaphor and personal pronouns in the 2008 US presidential debates. *Analyzing Genres in Political Communication: Theory and practice*. In Cap, P., Okulska, U. (eds.), *Journal of Language and Politics*, 50, 297–320.
3. Cienki, A. (2005). Metaphor in the 'Strict Father' and 'Nurturant Parent' cognitive models: theoretical issues raised in an empirical study. *Cognitive Linguistics*, 16, 279–312.
4. Cienki, A. (2004). Bush's and Gore's language and gestures in the 2000 US presidential debates: a test case for two models of metaphors. *Journal of Language and Politics*, 3, 409–440.
5. Lakoff, G. (2004). *Don't think of an elephant: know your values and frame the debate*. White River Junction: Chelsea Green Publishing.
6. Deason, G., Gonzales, M. H. (2012). Moral Politics in the 2008 presidential convention acceptance speeches. *Basic and Applied Social Psychology*, 34, 254–268.
7. Bar-Lev, Z. (2007). Reframing Moral Politics. *Journal of Language and Politics*, 6, 459–474.
8. Feinberg, M. et al. (2020). Measuring moral politics: How strict and nurturant family values explain individual differences in conservatism, liberalism, and the political middle / Feinberg, M. , Wehling E., Chung J. M., Saslow L. R., Melvær Paulin I. *Journal of Personality and Social Psychology*, 118(4), 777–804.
9. Feinberg, M., Wehling E. (2018). A moral house divided: How idealized family models impact political cognition. *PLoS ONE*, 13(4), 1–31.

Информация об авторе

Цветаев Е. Ю. – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Tsvetaev E. Yu. – PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА

Научная статья

УДК 811.111:373

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_135

**ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ПРЕЦЕДЕНТНАЯ НОМИНАЦИЯ
В СОСТАВЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ XYZ****А. А. Бухарова**^{1,2}¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия²Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия, monmaransi15@yandex.ru

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка проанализировать особенности имени собственного как прецедентного в составе лексико-грамматической конструкции XYZ в позиции Y. Исследование проводится на основе материала корпусов современного английского языка. Выявляются основные критерии прецедентности имен собственных в составе данной конструкции, вводятся и обосновываются понятия *прецедентная номинация* и *степень прецедентной мотивированности*. Рассматриваются некоторые грамматические признаки прецедентных номинаций и источники их возникновения.

Ключевые слова: теория прецедентности, прецедентное имя, прецедентная номинация, имя собственное, грамматика конструкций, корпусные исследования

Для цитирования: Бухарова А. А. Имя собственное как прецедентная номинация в составе лексико-грамматической конструкции XYZ // Вестник Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 135–147. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_135

Original article

**PROPER NAMES AS PRECEDENT NOMINATIONS
WITHIN THE XYZ CONSTRUCTION****А. А. Bukharova**^{1,2}¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia²Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia, monmaransi15@yandex.ru

Abstract. The article seeks to analyze the nature of proper names of precedent character in the Y position of some XYZ constructions on the basis of modern English language corpora. It reveals the main criteria of precedency within the construction in question, introduces the notions of precedent nominations and levels of precedent motivation of proper names. It also considers grammatical aspects of precedent nominations and their ground.

Key words: theory of precedency, precedent name, precedent nomination, proper name, construction grammar, corpus studies

For citation: Bukharova, A. A. (2021). Proper names as precedent nominations within the XYZ construction. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(851), 135–147. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_135

Введение

Одним из перспективных направлений в рамках общей теории прецедентности является изучение имен собственных. Имя собственное как объект лингвистического исследования с позиций данной теории ценно хотя бы потому, что является самым емким из всех основных форм прецедентности – прецедентного текста, прецедентного высказывания, прецедентного имени. Емкость прецедентного имени, которая выражается в передаче «большого смысла» посредством малого количества лексических единиц, можно по праву назвать яркой чертой современного английского языка, благодаря структуре языка и принципам речепорождения. В частности, об этом свидетельствует употребление имен собственных в качестве прецедентных в ряде лексико-грамматических конструкций. Под лексико-грамматической конструкцией понимается единица языка различной протяженности, представляющая собой единство грамматической структуры и ее варьирующегося семантического наполнения, которое имеет общее концептуальное значение [Лингвистика конструкций, 2010]. Данные языковых корпусов современного английского языка свидетельствуют о высокой частотности конструкции X [COP] [det] Y of Z (*Vienna is the Mecca of the music world*), включающей в себя три компонента, условно обозначаемых X, Y, Z. Имена собственные в качестве прецедентных часто используются в позиции Y и принадлежат к самым различным сферам жизни.

В фокусе данной статьи – анализ лексико-грамматической конструкции X [COP] [det] Y of Z, компонентами которой являются

имена собственные прецедентного характера. Ставится цель выяснить критерии прецедентного имени в составе данной конструкции и степень прецедентной мотивированности имен собственных в целом. Материалом для анализа послужат примеры данной конструкции, взятые из корпусов современного английского языка – BNC, iWeb, The Movies Corpus.

Имя собственное как прецедентное имя

Основой для прецедентного имени как лингвистического явления в рамках общей теории прецедентности является имя собственное. Оно состоит как правило из одного, реже двух или трех лексических единиц (*Hollywood, Robin Hood, Joan of Arc*). Прецедентное имя, выраженное именем собственным, представляет собой сложный знак, апелляцию к набору дифференциальных признаков [Русское культурное пространство, 2004]. Прецедентное имя несет в себе неопределенно большой объем информации в сжатом виде, которая актуализируется в зависимости от языкового окружения [Косиченко, 2010а; Косиченко, 2010б]. В некоторых случаях эта информация имеет историческую и культурную ценность и представляет собой нарратив, историю, сжатую до основных событийных признаков [там же]. Термин *прецедентное имя* в рамках лингвокультурологии и теории прецедентности определяется как имя собственное, перешедшее в разряд нарицательного и знакомое большинству носителей данной культуры. К источникам возникновения прецедентных имен относят персонажей художественных произведений, известных деятелей, географические названия и названия организаций. Основной чертой прецедентного имени является известность и понятность некоторой социальной группе и отсутствие необходимости в пространном толковании передаваемого смысла [Гудков, 1999]. Употребляя одно прецедентное имя, мы подразумеваем целую систему определенных характеристик, совокупность качеств, лежащих в его основе и понятных другим. За счет малого количества лексических единиц передается глубокий смысл, состоящий из множества смысловых компонентов.

Прецедентность может служить инструментом экономного и экспрессивного описания объектов, явлений или людей. Емкость

прецедентного имени позволяет передать характеристику того или иного объекта наиболее кратким способом. Среди типичных единиц современного английского языка, в которых встречаются прецедентные имена, можно выделить некоторые лексико-грамматические конструкции с именами собственными, употребленными не в прямом значении контекста-источника, а в метафорическом прецедентном значении так, что они служат отсылкой к определенному прецедентному набору признаков и характерных черт [Голубкова, Братцева, 2015]. Частотность тех или иных конструкций позволяет судить о продуктивности имен собственных как средства порождения новых реализаций конструкций, а прецедентный характер придает последним экспрессивную окраску, позволяет более точно и ярко передать смысл сказанного.

Рассмотрим подробнее употребление имен собственных в лексико-грамматической конструкции X [COP] [det] Y of Z.

Прецедентность в конструкции X [COP] [det] Y of Z

Современные языковые корпуса позволили обнаружить лексико-грамматические конструкции, в которых встречаются имена собственные, и выявить малоизученные закономерности употребления последних в качестве прецедентных. Так, некоторые, на первый взгляд узко-лексикализованные, конструкции оказались высокочастотными в языке. Среди прочих частотной оказалась трехкомпонентная лексико-грамматическая конструкция X [COP] [det] Y of Z (*Milka is the Mercedes of chocolates*), где [COP] – это любой глагол-связка (англ. *copula verb*), [det] – один из возможных определителей, как правило это артикль (англ. *determiner*), а знаменательные компоненты условно обозначаются X, Y, Z. Позиция Y заполнена именем собственным в качестве прецедентного (*Mercedes*), а позиция Z – именем собственным или именем нарицательным в прямом значении (*chocolate*). При этом Y служит инструментом описания характеристик третьего компонента – X, который в большинстве своем также выражен именем собственным (*Milka*), однако в прямом значении, а компонент Z задает общую сферу-источник, к которой принадлежит X [Brdar, 2017]. Объектом нашего анализа в первую очередь станет компонент Y и репрезентирующие его имена собственные.

Рассмотрим конструкцию на примерах, взятых из языковых корпусов современного английского языка BNC (British National Corpus), The Movie Corpus, iWeb.

1. ...a train full of soldiers bound from the Mongolian capital Ulan Bator to *Irkutsk*, described as *the Paris of Siberia*, some 36 hours away.
2. *Brussels* is considered by many to be the *Minneapolis of Europe*.

В примерах (1) и (2) компонент Y конструкции заполнен именами собственными, представляющими собой названия городов *Paris* (Париж – Франция) и *Minneapolis* (Миннеаполис – США), соответственно. Для прецедентных имен *Paris* и *Minneapolis* источником служат географические названия, знакомые носителям культур, которые они репрезентируют. Париж, безусловно, широко известен во всем мире среди представителей самых разных групп населения; он фигурирует в мировой литературе и поэзии как объект описания, и часто используется в качестве эталонного сравнения в СМИ. Таким образом, нетрудно выделить некоторые компоненты значения слова *Париж* как прецедентного имени – европейская столица, столица романтики и культа любви, столица искусств – поэзии, живописи и литературы – и их представителей, столица богемы, город с богатой историей и архитектурой, и другие. На основании данных компонентов в примере (1) проводится параллель с сибирским городом Иркутском, который можно обозначить X. Позиции X и Y сравниваются на основании прецедентности и название города *Paris* можно, безусловно, отнести к прецедентному имени.

В примере (2) наблюдается похожая конструкция типа XYZ, где компонент Y, выраженный именем собственным *Minneapolis*, используется в качестве средства описания компонента X, выраженное именем собственным *Brussels* (Брюссель). Однако, если сравнить степень известности Парижа и Миннеаполиса в качестве культурного концепта, то последний значительно уступает. Таким образом, Миннеаполис, как прецедент с неким набором характерных признаков, знаком менее широкому кругу, нежели Париж, в первую очередь он знаком жителям США. Тем не менее, отнести *Minneapolis* к прецедентному имени позволяет аналогия со схожим наполнением данной конструкции в позиции Y прецедентными именами как *the Bible of Z*, *the Eden of Z*. Понятия *Bible* (Библия), *Eden* (рай, Эдем) принадлежат

к интернациональному пласту концептов и тем самым не вызывают сомнений в силу известности и авторитетности эталонных сравнений. Название города Миннеаполис трудно отнести к известному эталонному сравнению, и его употребление в качестве прецедентного имени носит скорее неочевидный, окказиональный характер. Исходя из этого, мы полагаем, что можно говорить о степени *мотивированности* имени собственного как потенциального источника прецедентности.

Прецедентная мотивированность слова будет определяться как логичность его использования в качестве прецедента и основы для описания и сравнения, а также как степень известности стоящего за ним концепта и понятности основных характеристик, ассоциируемых с ним. За каждым известным концептом, стоящим за именем собственным, фиксируется некая система ассоциаций, вызываемых у пользователей языка, и именно данная система ассоциаций объясняет частотность употребления имени в качестве прецедента [Рыжкина, 2013]. Таким образом, можно отметить высокую прецедентную мотивированность слова *Paris*, так как входящие в него дифференциальные признаки знакомы и понятны большому числу носителей разных культур и могут считаться типичными чертами, и низкую мотивированность слова *Minneapolis* как прецедента, основанную на меньшей частотности употребления его в качестве основы для сравнения и меньшей очевидности входящих дифференциальных признаков.

Логичен вопрос о том, может ли абсолютно любое географическое название, и любое имя собственное в целом, выступать в качестве прецедентного имени – или же только те названия, которые имеют отклик и определенный набор ассоциаций у широкого круга пользователей языка. Для ответа на этот вопрос мы считаем целесообразным ввести новое понятие, которое мы будем трактовать более широко, нежели термин *прецедентное имя*, а именно – ***прецедентная номинация***. В рамках общей теории прецедентности термин *прецедентная номинация* можно описать следующим образом – любое имя собственное, использованное в качестве источника прецедентности и используемое частотно или окказионально как основа для сравнения и описания того или иного объекта на основе сжатого набора признаков и характеристик. Прецедентная номинация будет включать в себя имена собственные как с высокой, так и с низкой прецедентной мотивированностью. Источником для прецедентной

номинации может служить любая сфера жизни, а степень известности имени как культурного концепта и очевидности набора дифференциальных признаков среди пользователей языка так же будет варьироваться. На наш взгляд, термин *прецедентная номинация* позволяет расширить иллюстративную базу и материал для лингвистических исследований, включив в него так же многие другие интересные языковые употребления.

Таким образом, к прецедентной номинации одинаково можно отнести следующие примеры, в которых источником прецедентности служат географические названия:

3. *Galicia*, in the far western corner, was **the Ireland of Spain**, a land of granite and gorse.
4. *Vienna* is **the Mecca of the music world**, of course.

В примере (4) географическое название *Mecca* (Мекка – Саудовская Арабия), заполняющее позицию Y, можно отнести к имени с высокой прецедентной мотивированностью, поскольку город Мекка всемирно известен как «священный город», центр паломничества и место рождения Пророка, именно эта информация и послужит дифференциальными признаками слова *Mecca* как прецедентной номинации. Таким образом, слово *Vienna* (Вена – Австрия), заполняющее позицию X, сравнивается со святой землей для всех представителей мира музыки. В примере (3) позиция Y заполнена географическим названием *Ireland* (Ирландия). Однако степень прецедентной мотивированности слова *Ирландия* трудно назвать высокой, а набор дифференциальных признаков очевидным. В частности, поэтому автор высказывания прибегает к дополнительному комментарию в виде приложения после запятой – *a land of granite and gorse*. Галисия, автономная коммуна в Испании, описывается как регион скалистый, поросший утесником, совсем как Ирландия.

Как и в примере (3), авторы высказываний с прецедентными номинациями нередко добавляют толкование подразумеваемых признаков. В примере (5) дан комментарий толкования прецедентной номинации *Texas* (штат Техас – США) в свете сравнения с Азербайджаном и грязевыми вулканами:

5. *Azerbaijan* is **the Texas of mud volcanoes**: they are bigger, more active and there are more of them than anywhere else in the world.

Очевидно, идет апелляция к размеру штата Техас (Техас – самый крупный штат в основной части США и второй по величине после Аляски), о чем свидетельствуют прилагательные и наречия в сравнительной степени – *bigger, more*. Также возможна апелляция к нефти, добываемой в больших количествах на территории штата Техас. В этом случае можно проследить параллель ГРЯЗЕВОЙ ВУЛКАН – НЕФТЯНАЯ ВЫШКА. Однако признаем, что трактовка данного сравнения носит скорее характер догадки, поскольку слово *Texas*, как прецедентная номинация с набором дифференциальных признаков, будет понятно в первую очередь носителю американской культуры или человеку, хорошо знакомому с ней.

Географические названия как источник прецедентной номинации могут являться и репрезентантом *прецедентного события*. Это показано на примере (6):

6. To limit another is a kind of murder. *To limit poetry is a Hiroshima of the human spirit.*

Прецедентная номинация *Hiroshima* (Хиросима – Япония), занимающая позицию Y, апеллирует к событиям августа 1945 г., когда произошла крупная атомная бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки, унесшая жизни сотен тысяч жителей и разрушившая города почти до основания. Позиция X в данном примере заполнена инфинитивным оборотом *to limit poetry*, и через призму прецедента *Hiroshima* наложение любых ограничений на поэзию может потенциально толковаться как разрушение устоев до основания, «бомбардировка», крах.

Грамматические свойства прецедентных номинаций

Рассмотрим некоторые грамматические признаки имен собственных, используемых в качестве прецедентных. В отличие от большинства имен нарицательных, имена собственные имеют форму числа как постоянную грамматическую категорию, то есть имеют форму только единственного, и реже, только множественного числа. Категория единственного числа отражена лингвистически в языковой оболочке слова, и логически – имя собственное подразумевает объект уникальный по своей природе и единственный в своем роде.

Например, *Einstein* (Эйнштейн), *Heracles* (Геракл), *Saint-Petersburg* (Санкт-Петербург). Категория множественного числа носит в основном языковой характер, однако иногда может относиться к группе объектов. Например, *the Netherlands* (Нидерланды), *the United States* (Соединенные Штаты), *Cayman Islands* (Каймановы Острова), *the Rockefellers* (семья Рокфеллер), *the Beatles* (группа Битлз). Однако выборка из современных языковых корпусов показала существование имен собственных единственного числа, использованных в форме множественного числа. Приведем примеры:

7. ...there is a Far East out there, there's *the Japans of the world*, the Koreans.
8. These upstanding citizens are the Beatles of the balance-sheet, *the Pavarottis of profit-and-loss*.
9. Operating systems are *the Cinderellas of computing*. Like their fairy-tale sister, they do all the boring but crucial jobs.
10. ...your councilors think they are all wonderful words and I think they all think that they're *the Churchills of our local council*, but actually what they say is a load of boring old twaddle.

В примерах (7–10) прецедентные номинации имеют форму множественного числа, хотя денотат, лежащий в их основе, подразумевает форму единственного числа и уникальный объект, а именно *Japans* (Японии, или в данном случае окказиональное название нации – японцы), *Pavarottis* (Паваротти), *Cinderellas* (Золушки), *Churchills* (Черчилли). Япония – это страна единственная в своем роде и может иметь форму множественного числа лишь окказионально, точно так же Лучано Паваротти и Уинстон Черчилль – известные оперный исполнитель и политический деятель соответственно, Золушка – сказочный персонаж. Однако выполняя функцию прецедентной номинации, данные имена собственные приобрели иные грамматические признаки, и внутри определенного контекста были употреблены в форме множественного числа с добавлением морфемы *-s* в конце – чтобы послужить базой для описания компонента X, выраженного именем существительным или местоимением множественного числа. Таким образом, прецедентная номинация как прототип с набором дифференциальных признаков может служить для описания как одного объекта, так и целого ряда ему подобных.

Источники прецедентных номинаций

Рассмотрим примеры с той же конструкцией **X [COP] [det] Y of Z**, с целью выявления иных источников возникновения прецедентных номинаций в позиции Y:

11. *It [the pen] is **the Rolls-Royce of pens**; prices start at £130 and rise to more than £5,000.*
12. *Tartan 's **the Honda of Albania**. Why'd you get an Albanian car, Dad?*

В примерах (11) и (12) источником прецедентных номинаций служит автомобилестроение, а имена собственные в позиции Y представляют собой марки автомобилей – Роллс-Ройс и Хонда соответственно. В примере (11) идет апелляция к цене и классу марки Роллс-Ройс – она является люксовой, а цены на автомобили – выше средней. В примере (12) прецедентной номинацией выступает автомобиль марки Хонда. Данный пример является слоганом, придуманным специально для кинофильма *Vacation* (2015), равно как и автомобиль марки Tartan фигурирует только в фильме.

13. *He said, "I want to be **the Budweiser of Europe** in 10 years' time."*

В примере (13) источником прецедентной номинации является пивоварение, а сама номинация представляет собой марку пива Budweiser (Будвайзер). Марка Budweiser известна спорами о правах на нее и лицензию на название, которые уже много лет делятся между чешской и американской компаниями. Потенциально эта информация может быть прецедентной основой для сравнения. Также примечателен слоган *King of Beers* (*Король среди марок пива*), являющийся частью дизайна этикеток американского производителя пива марки Budweiser. В качестве прецедентной основы данный слоган позволяет провести параллель BUDWEISER – KING и прочесть предложение иначе – *I want to be **the King of Europe** in 10 years' time*. Толкование такого предложения не вызывает сомнений.

14. *Apparently we are **the Harvard of Astor Place**.*

В примере (14) источником являются учебные заведения, а компонент Y выражен прецедентной номинацией *Harvard* (Гарвардский университет), который известен как самый старый и самый

элитный университет США. Считается, что в Гарвард могут поступить единицы благодаря своим знаниям, остальные – благодаря статусу и средствам. Именно престижность потенциально является прецедентом для сравнения компании в Эстор Плейс, маленьком районе Нью-Йорка.

В приведенных ранее примерах (8–10) среди источников прецедентных номинаций можно выделить сказки и сказочных персонажей, оперу и оперных исполнителей, политику и политических деятелей.

Заключение

В статье рассмотрены случаи употребления имен собственных в качестве прецедентных номинаций в лексико-грамматической конструкции **X [COP] [det] Y of Z**. Данные современных языковых корпусов позволяют найти реализации конструкции с прецедентными номинациями в позиции **Y**, которые представляют несомненный интерес в качестве объекта лингвистического исследования. Прецедентная номинация в рамках теории прецедентности определяется как имя собственное, источником которого является любая сфера жизни и которое содержит в себе набор дифференциальных признаков, отдельно актуализирующихся в качестве эталона для сравнения в рамках конструкции. Целесообразность введения термина *прецедентная номинация* объясняется разнообразием источников имен собственных, а также основным критерием прецедентности – системой ассоциаций у пользователей языка, которая зафиксирована за каждым концептом, стоящим за именем собственным. Имена собственные могут характеризоваться разной степенью прецедентной мотивированности, т. е. логичности использования в качестве прецедента и степени известности концепта и понятности основных характеристик, ассоциируемых с ним. Из наиболее частотных источников прецедентных номинаций в позиции **Y** можно выделить географические названия (страны, города, административные единицы), автомобилестроение (марки автомобилей, производители), имена политических и исторических деятелей, литературу (персонажи художественных произведений и народных сказок), названия учебных заведений и памятников культуры, имена оперных и эстрадных исполнителей и другие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. Москва: Азбуковник, 2010.
2. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. Зооморфные образы, прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания / отв. ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных. Москва: Гнозис, 2004.
3. *Косиченко Е. Ф.* Имя нарицательное и имя символ в свете теории прецедентности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010а. Вып. 22 (601). С. 55–64.
4. *Косиченко Е. Ф.* Лингводидактические аспекты изучения прецедентных имен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010б. Вып. 22 (599). С. 37–47.
5. *Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. Москва: Издательство МГУ, 1999.
6. *Голубкова Е. Е., Братцева А. Л.* «Сказка о руководящей Золушке», или Механизм распределения внимания в прецедентном феномене как источник его полифункциональности в дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 23. С. 90–100.
7. *Brdar M.* Intensification and metonymy in some XYZ constructions // Language, Mind, Culture and Society. 2017. No. 1. P. 110–134.
8. *Рыжкина Е. В.* Прецедентность имени в английской фразеологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 20 (680). С. 112–123.

REFERENCES

1. Rakhilina, E. V. (Ed.). (2010). *Lingvistika konstruktsij = Construction linguistics*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
2. Zakharenko, I. V., Krasnikh, V. V. (Eds.). (2004). *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: lingvokul'turologicheskij slovar'. Zoomorfniye obrazi, precedentniye imena, precedentniye teksti, precedentniye viskazivaniya = Russian cultural space: linguacultural dictionary. Zoomorphic images, precedent names, precedent texts, precedent utterances*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
3. Kosichenko, J. F. (2010). Common and symbolic names with regard to precedent names. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 22(601), 55–64. (In Russ.)
4. Kosichenko, E. F. (2010). Linguistic and methodological aspects of researching precedent names. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 22(599), 37–47. (In Russ.)

5. Gudkov, D. B. (1999). *Pretsedentnoe imja i problemi pretsedentnosti* = The precedent name and problems of precedency. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publishing House. (In Russ.)
6. Golubkova, E. E., Bratseva, A. L. (2015). “The tale of the bossy Cinderella”, or Windowing of attention in precedent phenomenon as the source of its polyfunctionality in discourse. *Cognitive studies of language*, 23, 90–100. (In Russ.)
7. Brdar, M. (2017). Intensification and metonymy in some XYZ constructions. *Language, Mind, Culture and Society*, 1, 110–134.
8. Ryzhkina, E. V. (2013). Precedent names in English phraseology. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 20(680), 112–123. (In Russ.)

Информация об авторе

Бухарова А. А. – аспирант кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета, преподаватель Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана

Information about the author

Bukharova A. A. – Postgraduate Student, Department of English Lexicology, Faculty of English, Moscow State Linguistic University, Lecturer, Bauman Moscow State Technical University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_148

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПРИ ТРАНСФЕРЕ *VERBA DICENDI*
В ЯЗЫК ИСКУССТВА**

Е. И. Мальцева

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, elizaveta_korshu@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансфера лексических средств, используемых при описании речемыслительной деятельности (*verba dicendi*), из естественного языка в метаязык искусства. Контекстный, сопоставительный и диахронический анализ является методом исследования подобных лексических средств. Материалом исследования послужили немецкоязычные рецензии на музыкальные и танцевальные произведения, а также специальные словари и научные статьи по теории искусства. В результате исследования были установлены основные виды семантических изменений, служащие инструментами трансфера *verba dicendi*, причиной которого является сходство речевого процесса и исполнения произведения.

Ключевые слова: знаковая система, метаязык, *verba dicendi*, терминологизация, транстерминологизация, расширение значения

Для цитирования: Мальцева Е. И. Семантические процессы при трансфере *verba dicendi* в язык искусства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 148–161. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_148

Original article

**SEMANTIC PROCESSES IN THE TRANSFER OF *VERBA DICENDI*
INTO THE LANGUAGE OF ART**

E. I. Maltseva

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, elizaveta_korshu@mail.ru

Abstract. The paper focuses on the problem of the transfer of lexical means used in the description of speaking and thinking (*verba dicendi*) from natural language to the metalanguage of art. Contextual, comparative and diachronic analysis is a method for studying such lexical means. The research material includes German reviews of

musical and dance compositions, as well as dictionaries and scientific articles on art theory. The result of the study states the main types of semantic changes, which serve as tools for the transfer of *verba dicendi*, the reason for which is the similarity between speaking and performance.

Key words: sign system, metalanguage, *verba dicendi*, terminologization, transterminologization, expansion of meaning

For citation: Maltseva, E. I. (2021). Semantic processes in the transfer of *verba dicendi* into the language of art. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 148–161. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_148

Введение

К проблеме взаимосвязи языка и искусства обращаются представители различных областей гуманитарного знания: философии, искусствоведения, лингвистики и др. Подобный междисциплинарный характер этой проблемы позволяет привлечь разнообразные методы исследования для анализа различных аспектов связи языка и искусства. Семиотический подход позволил представить язык и искусство как знаковые системы, которые кодируют некое сообщение, *текст*, выполняя, таким образом, коммуникативную функцию. При вербальном описании произведений искусства происходит «перевод» текста с языка искусства (вторичная знаковая система) на естественный язык, т. е. в первичную знаковую систему. Продукт такой вербализации называют метаязыком [Лотман, 2002; Ulrich, 1997]. Метаязык мы рассматриваем как широкое понятие, включающее все языковые средства вербализации, т. е. общую и специальную лексику.

Вербальные средства описания искусства (или описания отдельных произведений) используются как при *передаче* формы и содержания произведения (например, при описании визуальных составляющих живописного полотна или процесса исполнения музыки или танца), так и служат для *осмысления* формы и содержания (например, интерпретация произведения, научное описание его структуры, а также же описание системы искусства в целом).

В нашем исследовании мы проводим анализ только тех языковых средств, которые используются как при описании речемыслительной деятельности человека, так и при вербализации искусства. Такие лексические средства мы обозначаем *verba dicendi* и включаем в это

понятие не только глаголы говорения – именно в таком значении этот термин обычно используется в лингвистических исследованиях – а все слова (ср. лат. *verbum* – «слово, выражение»), описывающие говорение.

Подобный переход лексики из метаязыка одной системы в метаязык другой мы описываем в рамках междисциплинарного понятия **трансфер**, который предполагает обмен знаниями между разными культурами, дискурсами и профессиональными сообществами [Фещенко, Бочавер, 2016, с. 5].

Мы ставим перед собой цель установить виды семантических трансформаций при трансфере языковых средств, относящихся к группе *verba dicendi*. В ходе исследования проводится контекстный, сопоставительный и диахронический анализ этих лексических средств, а также устанавливается причина их трансфера в метаязык искусства.

Теоретической базой исследования послужили труды по семиотике искусства Ю. М. Лотмана, В. В. Фещенко, по терминоведению С. В. Гринева-Гриневича, В. М. Лейчика, а также по исторической семантике Г. Фрица.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов исследования на семинарах по лексикологии, на практических занятиях при обучении иностранному языку в специальных учебных заведениях, а также в лексикографической практике.

Материал исследования представлен немецкоязычными искусствоведческими рецензиями, специальными энциклопедиями и словарями, а также научными статьями по истории и теории искусства.

Расширение значения глаголов говорения

При описании как создания произведения искусства, так и при интерпретации его смысла большое место занимают глаголы говорения, *verba dicendi* в узком смысле, описывающие коммуникативное действие [Harras et al., 2004]. При взгляде на произведение искусства как на особый текст, который автор хочет донести до реципиента, следует в первую очередь рассмотреть лексему *erzählen* и производные от лексемы *sagen*. Так, в этимологическом словаре Гриммов указывается, что помимо прямого «языкового» значения *sagen* имеет более

широкое употребление. *Сказать* что-либо может, например, печать на письме (*Siegel des Briefes*), чье-то молчание (*Schweigen*), совесть или сердце (*Gewissen, Herz*).

das schwarze siegel des briefes
sagte mir, was ich zu erwarten hatte;
ihr schweigen sagt genug;
sagt dir dein gewissen nichts?
mein herz sagt mir, du habest
unrecht

(*Deutsches Wörterbuch
von Jacob und Wilhelm Grimm*)

Черная печать письма сказала мне
о том, что мне следует ждать;
Ее молчание сказало достаточно;
Тебе ничего не говорит твоя совесть?
Сердце подсказывает мне, что ты
не прав(-а)¹

Подобным переносным значением обладает и лексема *erzählen*, которая зафиксирована в Универсальном словаре Дуден.

*Der Film erzählt die Geschichte
einer ungewöhnlichen Liebe*

(www.duden.de)

*Фильм рассказывает историю
необычной любви.*

Из примеров очевидно, что лексемы *sagen* и *erzählen* используются в сочетании с существительными, обозначающими **результат**, **продукт** человеческой деятельности. Это позволяет говорить о том, что эти глаголы способствуют метонимическому сдвигу по модели «производитель → результат деятельности» в значении слов, с которыми они употребляются.

В метаязыке хореографии распространено употребление большого количества глаголов говорения и их производных. Движения человеческого тела будто сравниваются с работой артикуляционного аппарата, поскольку тело исполнителя, как и органы речи – это инструмент по передаче содержания произведения. Для таких целей могут использоваться как глаголы, обозначающие передачу информации, например, *sagen, erzählen, sprechen* (нем. *сказать, рассказывать, говорить*), так и те, которые описывают более экспрессивную,

¹ Здесь и далее перевод наш. – Е. М.

эмоциональную речь, например, *rufen* (нем. *звать*) или способствуют оформлению в речи другого типа предложения по цели высказывания, например, *fragen* (нем. *спрашивать*).

den Körper *sprechen* lassen;

«Ich kann, ich kann!» *ruft* ihr Körper;

pantomimisch *gestenreich erzählen*;

etw. mit der choreografischen Sprache *zu sagen* haben

die *Selbstbefragung* «Sein oder nicht sein» *tanzen*;

die *getanzte Selbsterzählung*
(*tanzznetz.de*)

позволить телу *говорить*;

«Я могу, могу!» – *кричит* ее тело;

рассказывать с большим количеством пантомимических жестов;

возможность *сказать* что-либо на языке хореографии

в танце задать *вопрос* «Быть или не быть»;

исполненный в танце *рассказ* о себе

Данные примеры взяты из рецензий на современные хореографические постановки. Авторы такого типа текста ставят перед собой цель не просто провести анализ структуры произведения и рассмотреть технику исполнения, а отобразить связь между движением и содержанием постановки, подчеркнуть экспрессию танца. Так, сочетание *die Selbstbefragung* «*Sein oder nicht sein*» *tanzen* взято из рецензии на современную постановку, содержание которой основано на известной трагедии В. Шекспира «Гамлет. Принц Датский». По этой причине употребление лексемы *Selbstbefragung* необходимо для проведения аналогии между соответствующим фрагментом текста трагедии и фрагментом танца.

Использование глаголов говорения в таком типе текста, как рецензия, связано, на наш взгляд, с желанием наглядно и образно описать движения исполнителя. Этой же цели служат лексемы *kommunizieren* и *Dialog*, используемые при описании взаимодействия между исполнителями. Обратим внимание и на лексему *Sprache* (нем. *язык*) в качестве второго компонента в сложносоставном слове *Körpersprache* (нем. *язык тела*), которая служит номинации способа взаимодействия и призвана усилить аналогию с вербальным общением.

über Körpersprache kommunizieren;
 tänzerischer *Dialog*;
 einen *Dialog* zwischen den
 Performerinnen und Performern
 gestalten

(www.tanznetz.de)

общаться языком тела;

танцевальный диалог;

установить диалог между
 исполнителями

Следует отметить, что в современных профессиональных искусствоведческих рецензиях и статьях употребление глаголов *sagen* и *erzählen* в качестве сказуемого со значением «передавать информацию» не является широко распространенным. Наиболее часто используются глаголы со значением «передавать, выражать» и т. п., например, *vermitteln*, *aufführen*, *senden* и др.

Im Tanz senden die Körper Zeichen
 (www.tanznetz.de)

Der Film vermittelt ein Gefühl <...>;
 30 Tänzer führen das Stück unter
 freiem Himmel auf;

Ein Maler führe eine große
 geschichtliche Scene aus

(www.dwds.de).

В танце тела посылают знаки;

Фильм передает чувство <...>;

30 танцоров исполняют
 произведение под открытым
 небом;

Художник представляет большое
 историческое полотно.

Несмотря на то, что *sagen* и *erzählen* реже участвуют в передаче смысла произведения, производное от глаголы *aussagen* (нем. *высказываться*) существительное *Aussage* (нем. *высказывание*) встречается в текстах, посвященных разным сферам искусства, в переносном значении «смысл, идея, задумка, мысль», которое зафиксировано в Универсальном словаре Дуден (нем. *die künstlerische, dichterische Aussage des Romans* «художественный, поэтический смысл романа») (<https://www.duden.de/>). Приведем несколько примеров такого употребления в современных рецензиях:

Mit dem «Kuss» will Klimt
allegorisch eine allgemeingültige
Aussage über Liebe als zentrales
Thema menschlichen Lebens
treffen

(www.belvedere.at)

innere Vorstellungen und
sinnbildliche *Aussagen*
veranschaulichen

(www.tanznetz.de)

[Полотном] «Поцелуй» Климт
аллегорически формулирует
общераспространенную *идею*
о любви как о центральной теме
человеческой жизни;

Отобразить внутренние
представления и символические
смыслы

Все рассмотренные выше контексты с глаголами говорения и их производными мы рассматриваем как примеры **расширения значения**, которое происходит на базе метафорического (или метонимического) переноса. Под расширением значения понимается семантическое изменение, при котором лексема используется для номинации большего круга предметов и явлений [Ольшанский, Гусева, 2005]. Подобная семантическая трансформация происходит в том случае, когда в новом контексте актуализируется общеупотребительное значение лексемы. В данном случае метафорический перенос служит не столько для номинации нового явления, сколько как средство образности.

Терминологизация речемыслительных единиц

Другим видом семантической трансформации, встречающейся при трансфере понятий из естественного языка в искусство, является **терминологизация**, которая предполагает спецификацию общеупотребительного значения [Гринева-Гринева, 2008]. Ее отличие от расширения значения заключается в том, что общеупотребительная лексема переходит в профессиональный дискурс, где служит номинации предмета, процесса или явления, которое раньше не имело специального обозначения либо требует нового названия. Инструментом для формирования специального значения также может служить метафора как универсальное средство познания действительности [Алексеева, 1998; Fritz, 2005].

В текстах о музыке лексема *Aussage* используется не в качестве выражения коммуникативного намерения автора, а в качестве номинации структурного элемента музыкального произведения (ср. рус. *музыкальная фраза*). Наряду с *Aussage* такую функцию выполняет и *Gedanke* (букв. *мысль*). Отметим, что подобное употребление свойственно не только современным текстам: например, в рецензии Э. Т. А. Гофмана на Пятую симфонию Л. ван Бетховена (1810) лексема *Gedanke* и ее производные используются в таком же значении.

...mit Bewunderung wird man
gewahr, wie er alle *Nebengedanken*
<...> durch rhythmischen Verhalt
jenem einfachen Thema so
anzureihen wusste

(E. T. A. Hoffmann. *Rezension zur
Fünften Sinfonie von Beethoven.*
1810)

Die Betonung der *musikalischen
Aussage*

(*magazin.klassik.com*)

kleine Komposition, die aus einem
musikalischen Hauptgedanken
geformt ist.

(G. Bellosa, *Sprache der Musik.*
2000)

...с восхищением замечаешь,
как он мог с помощью ритма
соединить все фразы побочной
партии в ту простую тему.

Акцент на музыкальную фразу.

небольшое произведение, которое
формируется из одной основной
музыкальной фразы.

Другим примером терминологизации является лексема *Stimme* (нем. *голос*). Этот пример мы включили в группу *verba dicendi*, поскольку он отображает характер речевой деятельности. В современной теории музыки лексема *Stimme* имеет следующие значения:

- 1) партия голоса или инструмента в музыкальном произведении;
- 2) регистр, т. е. верхние, средние и нижние голоса произведения.

Очевидно, что в метаязыке музыки (особенно, когда речь идет об инструментальной музыке) эта лексема используется в качестве термина [Korff, 2016].

Vielmehr bekommt der Hörer den Eindruck einer Klage, eines gedämpft intonierten Trauermarsches, der zunächst mit nur einer *Stimme* beginnt

(magazin.klassik.com/meisterwerke/)

Все больше слушателю слышится жалоба, приглушенный траурный марш, который сначала начинается только у одной *партии*

Транстерминологизация

Отличительным свойством повествовательного текста (нарратива) является *нарративность* (от лат. *narrare* «рассказывать»), которую литературоведение рассматривает с двух точек зрения. С точки зрения классической (немецкой) теории повествования (нем. *Erzähltheorie, Erzählforschung*) под нарративностью понимается присутствие в тексте рассказчика, т. е. посредника между автором и читателем. С точки зрения структуралистской нарратологии – это особая структура повествовательного (нарративного) текста, изображающего некое событие и обладающего определенной динамикой и темпоральностью. В отличие от них дескриптивные тексты описывают определенное состояние и не передают его изменение. Современная нарратология, будучи семиотической дисциплиной, употребляет понятие текста в разных знаковых системах, поэтому нарративностью обладают также балет и живопись [Schmid, 2005].

Междисциплинарный характер нарратологии послужил причиной трансфера терминологии из литературоведения в теорию искусства. Механизмом трансфера в этом случае является **транстерминологизация**, под которой понимается переход из одной области знаний в другую [Татаринов, 2006].

Например, в специальной литературе, посвященной подробному анализу хореографических постановок и живописных полотен, употребляются как лексемы латинского происхождения *narrativ, Narrativität* и подобные, так и немецкие эквиваленты – производные от глагола *erzählen* (*Erzähl-, erzählerisch* и др.).

Tänze mit *erzählerischer*
Grundstruktur

(*Tanz. Theorie. Text.* 2002)

Танцы с *повествовательной*
базовой структурой

narrative Dramaturgie
(*Tanz. Theorie. Text. 2002*)

*Erzählstrom des körperlichen
Überwindens*
(www.tanznetz.de)

zeitlose, spannende *Erzähldynamik*
(там же)

Нарративная драматургия:

Повествовательный поток
физического (телесного)
преодоления;

вневременная, напряженная
динамика *повествования*

Другой пример транстерминологизации – лексема *artikulieren* и ее производное *Artikulation*, которые в своем исходном значении являются не общеупотребительными словами, а специальными единицами в области фонетики, обозначающими четкое произношение высказывания и произношение звуков органами речи (нем. *deutlich, klar, einwandfrei artikulieren* «четко, ясно, безупречно артикулировать»; *un-deutlich artikuliert Laute* «нечетко артикулированные звуки») (<https://www.duden.de/>).

При описании танцевальных движений употребление лексем *Artikulation* и *artikulieren* объясняется тем, что как произношение звуков речи, так и реализация двигательных действий имеют 1) физическую (телесную) основу и 2) характеризуются последовательностью [Schlette, Jung, 2005].

Die feinen <...> Bewegungen
werden vor allem dann *artikuliert*,
wenn sich die «Schwarzen Herren»
elegant in einer Pirouette um die
eigene Achse drehen

(*M. Diagne. Schweres Schweben.
Qualitäten der gravitas in Pina
Bauschs Orpheus und Eurydike.
2019*)

Деликатные движения *артикулируются* прежде всего тогда, когда «мужчины в черном» в пируэте элегантно вращаются вокруг своей оси

Помимо этого, лексема *Artikulation* зафиксирована в качестве музыкального термина, обозначающего соединение или разделение звуков в музыкальном произведении с помощью лиг – легато (итал.

плавно) – или штрихов, обозначающих отрывистое исполнение, т.е. стаккато (итал. *отрывисто*) [Korff, 2016]. Этот термин находит свое употребление, например, в следующих контекстах:

Bei Blasinstrumenten bedeutet dies, statt des üblichen Zungenstoßes *ta* ein weiches *daa* zu *artikulieren*

(www.musikzeit.de/theorie/artikulation)

Man findet auch hin und wieder abenteuerliche Kombinationen der verschiedenen *Artikulationszeichen*

(там же)

У духовых инструментов это обозначает, что вместо обычного движения языка «та» следует *артикулировать* мягкое «даа».

Тут и там можно увидеть авантюрные сочетания различных *артикуляционных* знаков.

Несмотря на то, что лексема *Artikulation* не зафиксирована как термин в метаязыке хореографии, мы наравне с музыкальным употреблением относим ее к специальной лексике. Семантическое наполнение этой лексемы в метаязыках музыки и танца соответствует семам фонетического термина. Речь идет о свойстве протяженности во времени, которая характерна для речи, музыки и танца, а также об их физической основе (органы речи, тело исполнителя). В таком случае лексемы *Artikulation* и *artikulieren* могут рассматриваться и с точки зрения **транстерминологизации**, поскольку в метаязык музыки и хореографии переходит именно специальное значение.

Заключение

Потребность в описании техники и процесса исполнения музыкального и танцевального произведения является наиболее частой причиной трансфера лексем группы *verba dicendi* в метаязык искусства, в основе которого лежит аналогия с речевой деятельностью. При этом реализуются различные виды семантических трансформаций, имеющих метафорическую или метонимическую основу. Так, расширение значения и детерминологизация свойственны глаголам говорения и характерны для текстов, основной целью которых являются образность и наглядность. К подобным текстам можно отнести рецензии или энциклопедические статьи для широкого круга читателей.

Терминологизация, свойственная производным от глаголов говорения, сопровождает становление определенной научной области и является средством пополнения ее терминологии. Помимо этого, при научном описании исполнительской техники термины могут переживать процесс транстерминологизации, которая осуществляется благодаря расширению границ научных областей. Подобный междисциплинарный характер наук сложился во многом благодаря семиотическому подходу. Однако исследование истории понятия и этимологии соответствующего слова показывает, что трансфер общеупотребительной и специальной лексики между естественным языком и искусством носит регулярный характер и не является продуктом только семиотики.

Итак, общая физическая основа, протяженность во времени, а также наличие коммуникативного намерения являются базовыми чертами, объединяющими речевую деятельность и процесс исполнения произведения, что способствует трансферу соответствующих языковых средств в метаязык искусства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р. Г. Григорьева; предисл. С. М. Даниэля. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. (Серия «Мир искусств»).
2. *Ulrich M.* Die Sprache als Sache: Primärsprache, Metasprache, Übersetzung. Tübingen: Narr, 1997.
3. *Фещенко В. В., Бочавер С. Ю.* Теория культурных трансферов: от перевода – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. Москва: Культурная революция, 2016. С. 5–36.
4. *Harras G. et al.* Handbuch Deutscher Kommunikationsverben / Harras G., Winkler E., Proost K., Erb S. Berlin / New York: de Gruyter, 2004. Teil 1: Wörterbuch.
5. *Ольшанский И. Г., Гусева А. Е.* Lexikologie der deutschen Gegenwärtssprache. Москва: Академия, 2005.
6. *Гринев-Гриневиц С. В.* Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Академия, 2008.
7. *Алексеева Л. М.* Термин и метафора. Пермь: Издательство Пермского университета, 1998.
8. *Fritz G.* Einführung in die historische Semantik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2005.

9. *Korff M.* Wörterbuch der Musik. 5., durchgesehene Auflage. Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co. KG, 2016.
10. *Schmid W.* Vorlesung: Einführung in die Narratologie. URL: https://12gdownload.rz.uni-hamburg.de/abo/55-905-_Schmid_2009-12-08_10-16.pdf (дата обращения: 04.04.2021).
11. *Татаринов В. А.* Общее терминоведение: энциклопедический словарь. Москва: Московский лицей, 2006.
12. *Schlette M., Jung M.* Einleitende Bemerkungen zu einer Anthropologie der Artikulation // Anthropologie der Artikulation: Begriffliche Grundlagen und transdisziplinäre Perspektiven. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2005. S. 7–29.

REFERENCES

1. Lotman, Yu. M. (2002). Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva = Articles on the semiotics of culture and art. St. Petersburg: Akademicheskii proekt. (In Russ.)
2. Ulrich, M. (1997). Die Sprache als Sache: Primärsprache, Metasprache, Übersetzung. Tübingen: Narr.
3. Feshchenko, V. V., Bochaver, S. Yu. (2016). The theory of cultural transfers: from translation studies – through cultural studies – to theoretical linguistics. In *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* (pp. 5–36). (In Russ.)
4. Harras G. et al. (2004). Handbuch Deutscher Kommunikationsverben / Harras G., Winkler E., Proost K., Erb S. Teil 1: Wörterbuch. Berlin / New York: de Gruyter.
5. Ol'shanskii, I. G., Guseva, A. E. (2005). Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Moscow: Publishing House Academia.
6. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). Terminovedenie = Theory of terminology. Moscow: Publishing House Academia. (In Russ.)
7. Alekseeva, L. M. (1998). Termin i metafora = Term and metaphor. Perm': Izdatel'stvo Permskogo universiteta. (In Russ.)
8. Fritz, G. (2005). Einführung in die historische Semantik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH.
9. Korff, M. (2016). Wörterbuch der Musik. 5., durchgesehene Auflage. Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co. KG.
10. Schmid, W. Vorlesung: Einführung in die Narratologie. https://12gdownload.rz.uni-hamburg.de/abo/55-905-_Schmid_2009-12-08_10-16.pdf (date of access: 04.04.2021).
11. Tatarinov, V. A. (2006). Obshee terminovedenie = General theory of terminology. Moscow: Moskovskii litsei. (In Russ.)

12. Schlette, M., Jung, M. (2005). Einleitende Bemerkungen zu einer Anthropologie der Artikulation. In *Anthropologie der Artikulation: Begriffliche Grundlagen und transdisziplinäre Perspektiven* (pp. 7–29). Würzburg: Königshausen & Neumann.

Информация об авторе

Мальцева Е. И. – преподаватель кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Maltseva E. I. – Lecturer, Department of Grammar and History of German, Faculty of German, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 81.276.6:355

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_162

**МЕХАНИЗМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ
В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

Н. Е. Назарова

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, nadya_nne@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема типологии дискурса, при этом особое внимание уделяется военно-политическому дискурсу, его лингвостилистическим особенностям, процессам возникновения лексических неологизмов в нем. При помощи сравнительно-сопоставительного метода анализируются характеристики современного военно-политического дискурса и определяются его отличительные черты. Особое внимание уделяется критериям выделения военно-политического дискурса и факторам, влияющим на появление новых слов в современной военно-политической коммуникации, которая играет заметную роль в жизни современных развитых обществ.

Ключевые слова: неологизм, новые слова, дискурс, военно-политический дискурс, военно-политическая сфера

Для цитирования: Назарова Н. Е. Механизмы возникновения неологизмов в современном американском военно-политическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 162–173. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_162

Original article

**THE EMERGENCE OF NEOLOGISMS
IN MODERN AMERICAN MILITARY-POLITICAL DISCOURSE**

N. E. Nazarova

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, nadya_nne@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of discourse typology, with special attention paid to the military-political discourse, its linguistic and stylistic peculiarities, the processes of emergence of lexical neologisms therein. The comparative and contrastive methods help to analyze the features of the modern military-political discourse and to

identify its distinctive features. Special attention is paid to the criteria for identifying modern military-political discourse and factors influencing the emergence of new words in modern military-political communication, which plays a significant role in the life of modern developed societies.

Key words: neologism, new words, discourse, military-political discourse, military-political sphere

For citation: Nazarova, N. E. (2021). The emergence of neologisms in modern American military-political discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(851), 162–173. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_162

Введение

Изучение словесных единиц военно-политического содержания обусловлено значимостью международных военных и политических событий в сфере жизни социума или, как минимум, интересом к ним и, соответственно, той ролью, которую играет языковое отображение данной сферы в общей языковой картине мира. Изменения, происходящие в мире, естественным образом приводят к появлению в военно-политическом дискурсе различного рода неологизмов. В силу своего комплексного характера этот дискурс оказывается значимым генератором разнообразных неологизмов – от научно-технических терминов и названий политических концепций и военных доктрин до сленговых выражений, появлением которых сопровождается, пожалуй, каждый новый вооруженный конфликт. Миллионы людей внимательно следят за событиями, разворачивающимися на международной арене, и процесс получения аудиторией информации от политических или военных институтов, в значительной степени опосредованный средствами массовой коммуникации, оказывает влияние на общественное сознание и определяет понимание полученной информации. Именно поэтому механизмы возникновения новообразований в военно-политическом дискурсе представляют большой интерес для исследователей и имеют существенную эвристическую ценность.

Военно-политический дискурс

Чтобы понять, что представляет собой военно-политический дискурс, нужно проанализировать многоаспектное и многозначное понятие «дискурс», которое в наше время не имеет единой интерпретации.

Например, в одном из пониманий (восходящем к Ю. Хабермасу) категория дискурса становится синонимом аргументированной научной речи, направленной на изучение природы вещей и общества. Соответственно, этот термин интерпретируют как рассудочное, целенаправленное и предметно-ориентированное обсуждение научных проблем. Понятно, что такое понимание имеет к лингвистике достаточно косвенное отношение, и трактовки понятия «дискурс» в науке о языке (а их, в свою очередь, имеется немало) чрезвычайно отличны от хабермасовской, которую мы упоминаем здесь для демонстрации широты границ существующих пониманий дискурса.

В лингвистике привлечение исследовательского внимания к дискурсивной проблематике связано одновременно с индивидуализацией языковой коммуникации и с ее, по знаменитому выражению Н. Д. Арутюновой, «погруженностью в жизнь» [Арутюнова, 1990]. Не вдаваясь в сколько-нибудь детальное обсуждение разнообразия трактовок (обзор многочисленных публикаций на эту тему не входит здесь в наши задачи), мы считаем возможным принять определение Е. С. Кубряковой: «...дискурс может быть определен как такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, условиями ее существования и, конечно же, ее целями» [Кубрякова, 2004, с. 525].

Что касается понятия «военно-политический дискурс», то стоит отметить, что многие исследователи рассматривают политический и военный дискурс отдельно. Например, Е. И. Шейгал в принципе разграничивает понятия военного и политического дискурсов, но говорит об их соприкосновении, цитируя при этом знаменитую (хотя и небесспорную) формулу Карла фон Клаузевица: «Война, как известно, есть продолжение политики другими средствами» [Шейгал, 2004].

С учетом всех этих оговорок мы все же считаем, что выделение военно-политического дискурса возможно, целесообразно и предполагает интегративный подход к изучению данного понятия, обладающего особыми чертами, отличающими его как от политического, так и от военного дискурса.

Взаимосвязь политической и военной сфер общественной жизни сложно отрицать, ведь вооруженные силы и военная организация государства, так же, как и различные политические силы, являются важнейшими факторами, определяющими вектор развития многих государств. Тематика военно-политического дискурса ориентирована на область международных, а отчасти и внутригосударственных отношений и проблему войны и мира. Что же касается жанра военно-политического дискурса, то важно отметить, что военно-политический дискурс больше тяготеет к устным выступлениям, заявлениям и докладам первых лиц и других руководителей различных ведомств.

Соглашаясь с приведенным выше развернутым определением Кубряковой, мы в своем исследовании будем понимать военно-политический дискурс как «политический дискурс о войне» [Трохина, 2020], полагая эту формулировку интуитивно понятной.

Неологизмы военно-политического дискурса

Ежегодно словарный состав английского языка увеличивается на тысячи слов. Если в конце XX века исследователи оценивали количество появившихся новых английских слов в диапазоне 12 000 в год [Barnhart, 1985], то в 2002 году эта цифра по некоторым подсчетам увеличилась до 10 000 новых слов и значений в день [Metcalf, 2004]. Количество неологизмов, возникающих в языке каждый год в наше время, уже не поддается исчислению. При этом весьма значительное число неологизмов являются военно-политическими, обслуживающими военно-политическую сферу общественной жизни. Понимание неологизмов зачастую зависит от их перевода с другого языка, что может представлять проблему для переводчика из-за особенностей восприятия окружающего мира носителями языка оригинала и языка перевода. Однако, чтобы избежать недопонимания, переводчик должен представлять природу неологизмов и не путать неологизмы со смежными понятиями.

Между тем, несмотря на многочисленные работы, посвященные неологизмам (Т. А. Гуральник, Л. А. Пасечная, Н. В. Заботкина и др.), в современной лингвистике единого понимания этого термина нет. Не вдаваясь в сопоставительный анализ (вообще говоря, представляющий самостоятельный интерес), мы в рамках данной статьи будем

понимать под неологизмом «...любое новое слово или устойчивое выражение, созданное в соответствии с продуктивными языковыми моделями данного языка, слово с измененным значением уже существующих лексем и, наконец, слово, заимствованное из другого языка и воспринимаемое носителями данного языка как нечто новое» [Арнольд, 1973, с. 232].

Таким образом, неологизмы, отличающиеся своей уникальностью и новизной в определенный исторический период жизни людей, обозначают новые реалии феномены, новые отрасли различных сфер деятельности и новые профессии. Необычность такого слова обычно хорошо ощущается носителями языка.

Судьба неологизмов бывает разной. Одни из них быстро начинают активно употребляться и, так сказать, «получают признание», становясь общепотребительными и теряя статус неологизмов, другие не проходят проверку временем, перестают употребляться и забываются.

Рассматривая неологизмы в военно-политическом дискурсе, мы говорим о новообразованиях, созданных на материале языка в полном соответствии с существующими в языке словообразовательными моделями слов или словосочетаний, обозначающих новое, ранее не существующее понятие или предмет. Окказионализмы – индивидуально-авторские неологизмы – обычно не представляют интереса для военно-политической сферы, ведь при образовании окказиональных слов нарушаются (обычно сознательно в целях экспрессивности) законы построения соответствующих языковых единиц и другие нормы языка.

Зачастую появление новых слов связано с необходимостью создания синонима к уже имеющемуся в языке слову для обозначения известного понятия, с целью передачи неких семантических и стилистических оттенков слова, которые накладываются на его основное значение.

В качестве примера из военно-политической сферы можно привести эволюцию словосочетания *secret information* «секретная, или конфиденциальная информация».

На смену ему довольно быстро появился неологизм (фактически, эвфемизм) *classified information* «секретная информация, составляющая государственную (или коммерческую) тайну». В современном военно-политическом дискурсе в норме используется именно этот последний вариант: *classified information*.

Зачастую появление новых слова связано с возникновением новых ассоциаций и перераспределением значений.

Например, *Basic Military Training* – «начальная военная подготовка (в ВВС США)» в отличие от *Recruit training* «начальная военная подготовка (в ВМС США, Береговой охране США и в Корпусе морской пехоты США)».

Процессы возникновения лексических неологизмов в современном военно-политическом дискурсе

В прошедшие с момента окончания Первой холодной войны (позволим себе такой неологизм) десятилетия неологизмы стали появляться в военно-политическом лексиконе все чаще: к власти пришли новые политические деятели, возникли конфликты нового типа, обострилось соперничество между государствами, этническими и религиозными группами, были внедрены новые технологии. Со всем этим связана необходимость более точного определения понятия «неологизм», более подробного описания неологизмов и разработки путей и способов их адекватного и точного перевода.

Зачастую появление в военно-политическом лексиконе новых слов бывает связано с возникновением у носителей языка новых ассоциаций, которые в свою очередь, следуют за событиями, разворачивающимися на международной арене. Таким образом политические или военные институты оказывают влияние на оценку полученной информации, на общественное сознание, интерпретацию информации и на характер ответной реакции реципиентов.

Для понимания способов образования и распространения неологизмов в современном военно-политическом дискурсе необходимо более подробно рассмотреть факторы, влияющие на возникновение и закрепление новых слов в военно-политической сфере.

1. Диалектика соперничества и сплоченности социальных групп в политической и военной сферах

Разделение вооруженных сил (ВС) на отдельные виды и рода войск способствует долговременному соперничеству этих составных частей ВС, что, в свою очередь, способствует продуктивности военного языка.

Так, исследователь Т. Мюррей приводит в пример соперничество летчиков ВМС и ВВС США. Не приходится удивляться тому, что военные летчики имеют свой собственный специализированный лексикон (подъязык), отличающий его от словарного состава других видов ВС, однако Мюррей замечает, что специализированные лексиконы пилотов ВМС и ВВС США различны. Это связано с традиционным соперничеством ВМС и ВВС: используя одинаковые самолеты и выполняя одинаковые приемы пилотажа, пилоты этих двух видов вооруженных сил используют разные слова для обозначения одних и тех же явлений. Это свидетельствует о намеренном отказе от тесных связей между представителями разных видов ВС и отражает их долгое соперничество [Murray, 1986].

Например, сокращение CAG (Commander, Air Group) используется только летчиками ВМС.

Соперничество между видами ВС и родами войск отнюдь не является новым явлением и исторически имело различные, порою курьезные проявления. К примеру, слово *infantry* «пехота, пеший» этимологически восходит к латинскому слову *infans* «дитя; младенец, неспособный говорить». В эпоху Ренессанса итальянское слово *infante* «ребенок», переходит в военный термин *infanteria* «пешие солдаты», т. е. молодые военнослужащие, которым не хватило опыта и навыков для прохождения службы в кавалерийских подразделениях. В XIV веке термин заимствуется английским языком и, как говорит исследователь В. Силкет, слово начинает употребляться рыцарями в качестве оскорбления пеших войск, которые передвигались медленно и не могли брать с собой припасы. Таким образом, кавалерия «приравнивалась к взрослому человеку, а пеший солдат – к младенцу» [Silkett, 1985].

2. Появление новых технологий и внедрение их в современные вооруженные силы

С появлением и внедрением новых технологий естественным образом возникают и новые лексические единицы, которые их описывают. Иногда при внедрении новых технологий происходит замена смысла существующих на протяжении многих десятков и сотен лет понятий.

Так, в Первой мировой войне были впервые применены танки. Первые бронированные машины, в том числе танки как таковые, придавались конным частям и подразделениям – *cavalry*. Такие части и подразделения с приданными ББМ (боевыми бронированными машинами) стали называться *armoured cavalry*. Впоследствии из системных сообщений понадобилось внедрить и формально тавтологический термин *horse cavalry* для обозначения формирований, например церемониального значения, которые используют для передвижения именно лошадей. С началом активного использования военных вертолетов после окончания Второй мировой войны появился неологизм *air cavalry*.

3. Лингвистическая экономия

Появление неологизмов в военно-политическом дискурсе происходит также с целью сократить сложные выражения до одного слова или фразы. Например, употребление термина *car bomb* «взрывчатое устройство, установленное в автомобиле террористами» (вместо *vehicle-borne improvised explosive device*).

4. Передача иронии или эмоциональной окраски

При анализе неологизмов в военно-политическом дискурсе стоит отметить, что зачастую они являются способом передачи иронии или эмоциональной окраски слова. По мнению уже упомянутого Мюррея, такой способ использования неологизмов направлен на снятие психологического напряжения с помощью юмора [Murray, 1986]. Примером может служить глагол *loiter* «слоняться, бездельничать», употребляющийся летчиками ВМС в отношении истребителя, который летит с относительно высокой скоростью (до 2 Маха), но не выполняет при этом никаких боевых маневров. Данный пример демонстрирует, как термин *loitering fighter plane* используется с целью преднамеренного преуменьшения сложности действия, в контрасте с обычными боевыми маневрами, выполняющимися летчиками ВМС при боевых и учебных вылетах.

5. Вооруженные конфликты и политическая напряженность

Каждый военный конфликт или коренные изменения военно-политической ситуации инициируют появление новых слов.

Боевые действия в Ираке привели к появлению большого числа неологизмов, быстро и, похоже, прочно вошедших в словарный состав английского языка.

Примером может послужить термин WMD (weapons of mass deception) – «оружие массовой дезинформации», появившийся во время войны в Ираке. Во время войны в Ираке ходили слухи, что у Саддама Хусейна, помимо химического и биологического оружия, в распоряжении находилось и ядерное оружие (WMD–оружие массового поражения), что всколыхнуло волну паники и озабоченности. Опасения по поводу возможности применения такого оружия Хусейном нашло отражение в СМИ, распространивших эту идею по всему миру. Но представителям ООН так и не удалось найти доказательства наличия у Хусейна оружия массового поражения, что свидетельствовало об отсутствии каких-либо ядерных разработок. Так общественность оказалась обманутой, и аббревиатура WMD преобразовалась в неологизм «оружие массовой дезинформации», описывающий всю ситуацию, связанную с ошибочным мнением о наличии у Хусейна оружия массового поражения.

Теперь же этот термин относится к любой массовой дезинформации в военно-политической сфере.

Во время Иракской войны в военно-политической среде постоянно фигурировал еще один любопытный неологизм. После того как президент Франции Жак Ширак отказался поддержать возглавленное США вторжение в Ирак, репутация Франции среди американцев сильно пострадала, и слово *French* «французский» в устойчивых словосочетаниях было заменено на слово *freedom* «свобода», т. е. то, за что боролись американские военнослужащие. Примером может служить новое блюдо *freedom fries* (вместо *French fries* «картофель фри»), продававшийся крупной сетью фастфуда «Макдоналдс»).

6. Включение идеологической составляющей

В современном мире проблема речевого воздействия посредством СМИ выходит на новый уровень: средства массовой информации перестают быть пассивными ретрансляторами и активно включаются в процесс формирования общественного мнения. В военно-политическом дискурсе наблюдаются тенденции к более частому использованию разнообразных средств языкового манипулирования, которым

посвящена обширная литература как публицистического, так и академического характера. В частности, военно-политические неологизмы, маскирующие насилие при помощи разнообразных эвфемистических средств (не только лексических), эффективно влияют на восприятие информации реципиентами, помогая завуалировать опасные действия или обстановку (явление, получившее распространение во время Вьетнамской войны и уже тогда ставшее предметом как критики, так и исследовательского интереса – ср. публикации Д. Болинджера [Болинджер, 1987], У. Лэмбина, Э. Херманнаи др.; см. также [Баранов, Паршин, 1986]). Впрочем, пионером изучения такого рода манипуляций по праву можно считать А. Бирса с его сатирическим «Словарем Сатаны» (1911), а при желании можно углубиться и в более давние времена – ср., например, знаменитую «простую истину» («Мятеж не может кончиться удачей / В противном случае его зовут иначе»), представляющую собой вольный перевод С. Я. Маршаком двустишия английского поэта елизаветинской эпохи Дж. Харрингтона, в оригинале «*Treason doth never prosper, what's the reason? / For if it prosper, none dare call it Treason*».

Во время войны в Ираке для военного и высшего политического руководства США было крайне необходимо сохранить общественную поддержку, которую определяло, в частности, отсутствие потерь со стороны мирного населения. Так появились неологизмы *smart weapons* «высокоточное, умное оружие», которое, по сообщениям официальных лиц, отличалось высокой точностью наведения, позволяющего наносить точные удары и избежать нежелательных потерь. Таким образом, высшее военное и политическое руководство манипулировало общественным мнением, ведь потерь со стороны мирного населения и дружественных сил было все-таки много. Так появился еще один неологизм *collateral damage* «сопутствующий ущерб», под которым подразумевались непреднамеренные потери. Таким образом, достоверность причин гибели ни в чем неповинных людей не уточнялась и замалчивалась, ведь словосочетание «жертвы среди мирного населения» заменялось эвфемизмом «ущерб».

Проблемы языковой манипуляции и, шире, языкового воздействия выходят далеко за рамки изучения военно-политического дискурса, им посвящена огромная литература, и использование в ее целях эвфемистических неологизмов – это лишь одна из граней этой проблемы.

В дальнейшем мы надеемся более детально рассмотреть ее специфику применительно именно к военно-политическому дискурсу.

Заключение

Суммируя сказанное, можно отметить, что военно-политический дискурс представляет собой особый тип дискурса с присущими ему лингвостилистическими особенностями. Появление новых слов в современной военно-политической сфере происходит постоянно, что объясняет интерес исследователей к различным лексическим новообразованиям, факторам, влияющим на причины возникновения новых лексических единиц, характеру их восприятия отдельным человеком или обществом в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
3. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. Москва: Гнозис, 2004.
4. *Трохина Е. Р.* Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Язык: категории, функции, речевое действие, 2020. №13. Часть II. С. 146–150.
5. *Barnhart D. K.* Prizes and pitfalls of computerized searching for new words for dictionaries // Dictionaries: Journal of the Dictionary Society of North America. 1985. Vol. 7. № 1. P. 253–260.
6. *Metcalf A.* Predicting New Words: The Secrets of Their Success. NY.: Houghton Mifflin Company, 2004.
7. *Арнольд И. В.* Лексикология современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1973.
8. *Murray T. E.* The Language of Naval Fighter Pilots // American Speech. 1986. Vol. 61. № 2. P. 121–129.
9. *Silkett W. A.* Words of War // Military Affairs. 1985. Vol. 49. № 1. P. 13–16.
10. *Болинджер Д.* Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 23–43.
11. *Баранов А. Н., Паршин П. Б.* Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. Москва: ИНИОН, 1986. С. 100–143.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs (Discourse). In Jarceva, V. N. (ed.), *Lingvisticheskijj enciklopedicheskij slovar'* (pp. 136–137). Moscow: Sovetskaja enciklopedija. (In Russ.)
2. Kubryakova, E. S. (2004). Jazyk i znanije: na puti polichenija znanija o jazyke = Language and knowledge: on the way to receive knowledge about the language. Moscow: Jazyki slav'janskoj kultyri. (In Russ.)
3. Sheigal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
4. Trokhina, E. R. (2020). Military-political discourse as a special type of discourse. *Language: categories, functions, speech action*, 13, part II, 146–150. www.elibrary.ru/item.asp?id=44392203 (date of access: 05.03.2021) (In Russ.)
5. Barnhart, D. K. (1985). Prizes and pitfalls of computerized searching for new words for dictionaries. *Dictionaries: Journal of the Dictionary Society of North America*, 7(1), 253–260.
6. Metcalf, A. (2004). *Predicting New Words: The Secrets of Their Success*. NY.: Houghton Mifflin Company.
7. Arnold, I. V. (1973). *Leksikologija sovrenennogo anglijskogo jazyka = Lexicology of modern English*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)
8. Murray, T. E. (1986). The language of naval fighter pilots. *American speech*, 61(2), 121–129.
9. Silkett, W. A. (1985). Words of War. *Military Affairs*, 49(1), 13–16.
10. Bolinger, D. (1973). Truth is a linguistic question. *Language*, 49(3), 539–550.
11. Baranov, A. N., Parshin, P. B. (1986). Jazykovye mehanizmy variativnoj interpretacii dejstvitel'nosti kak sredstvo vozdejstvija na soznanije = Linguistic mechanisms of variable interpretation of reality as a means of influence on consciousness. In *Rol' jazyka v sredstvah massovoj informacii* (pp. 100–143). Moscow: INION. (In Russ.)

Информация об авторе

Назарова Н. Е. – преподаватель Военного учебного центра Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Nazarova N. E. – Lecturer, Military Training Center, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

ЯЗЫКИ МИРА: УСТРОЙСТВО И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Научная статья

УДК 81

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_174

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ КОМПОНЕНТОВ СЕРИАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (на материале удмуртского языка)

Н. А. Козловцева

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, nati_shud@mail.ru

Аннотация. Серийные конструкции представляют собой последовательность двух или более глаголов, выступающих как единое действие и единый предикат. Они довольно широко распространены на языковой карте мира: в Западной Африке, Юго-Восточной Азии, Амазонии, Океании, Новой Гвинее, а также на территории России, в частности, в удмуртском языке. Серийные конструкции изучались как с типологической точки зрения, так и были предметом описания в различных языках, главным образом, изучались их грамматические свойства. В данной работе нас интересует лексическая сочетаемость компонентов серийных конструкций. Материалом для работы послужили текстовый и звуковой диалектный корпус удмуртского языка, а также результаты опроса носителей удмуртского языка, говорящих на разных диалектах и говорах.

Ключевые слова: серийные конструкции, удмуртский язык, семантические группы глаголов, лексическая сочетаемость

Для цитирования: Козловцева Н. А. Лексическая сочетаемость компонентов серийных конструкций (на материале удмуртского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 174–189. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_174

Original article

**LEXICAL COMBINABILITY
OF COMPONENTS OF SERIAL CONSTRUCTIONS
(on the material of the Udmurt language)**

N. A. Kozlovtseva

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, nati_shud@mail.ru

Abstract. Serial constructions are a sequence of two or more verbs that act as a single action and a single predicate. They are quite widespread on the language map of the world: in West Africa, Southeast Asia, Amazonia, Oceania, New Guinea, as well as on the territory of Russia, particularly in the Udmurt language. Serial constructions were studied in terms of typology and were the subject of description in various languages with a special focus on their grammatical properties. In this paper, we are interested in the lexical compatibility of the components of serial constructions. The material for the work was the text and sound dialect corpus of the Udmurt language, as well as the results of a survey of native speakers of the Udmurt language who speak different dialects.

Key words: serial verb constructions, the Udmurt language, semantic groups of verbs, lexical combinability

For citation: Kozlovtseva, N.A. (2021). Lexical combinability of components of serial constructions (on the material of the Udmurt language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 174–189. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_174

1. Введение

В настоящее время сериальные конструкции активно обсуждаются в лингвистике в типологическом плане на материале языков различных семей и ареалов (в первую очередь это языки Африки, Океании, Новой Гвинеи, Юго-Восточной Азии). Под сериальными конструкциями понимается «последовательность глаголов, которые действуют вместе как единственный предикат, без какого-либо подчинения или синтаксической зависимости. Они моноклаузальны; их интонационные свойства такие же, как и у моновербального предложения, и они имеют только одно время, аспект и значение полярности. Сериальная глагольная конструкция рассматривается / осмысливается как единое целое (действие)» [Aikhenvald, 2006, с. 1]. В составе сериальных

конструкций один из глаголов представлен в финитной форме, второй – в форме конверба.

Несмотря на то, что в удмуртском языке представлены сериальные конструкции, ранее они не были предметом специального описания с типологической точки зрения, и данный термин не был принят в работах по удмуртскому языку. Традиционно такие конструкции описывались как «сочетания деепричастий, имеющих значение незавершенного действия, с личным глаголом такого же значения» [Перевозицов, 1962, с. 274]; либо как «спаренные глаголы» [Алашеева, 2011, с. 246].

2. Материал, цель и задачи исследования

Нами было проведено пилотное исследование, посвященное семантической сочетаемости компонентов сериальных конструкций на материале удмуртского языка. Базой для нашего исследования послужили предложения с сериальными конструкциями из Национального корпуса удмуртского языка, в котором собраны источники на литературном языке, и звукового диалектного корпуса удмуртского языка. Помимо корпусных данных, автором был получен материал от информантов – носителей диалектов, не представленных в звуковом диалектном корпусе. При элицитации в качестве стимула предъявлялись такие предложения на русском языке для перевода на удмуртский, где ожидалось употребление сериальных конструкций. Кроме того, носителям разных диалектов, как вошедших, так и не вошедших в звуковой диалектный корпус удмуртского языка, были предложены сконструированные автором удмуртские предложения с гипотетическими сериальными конструкциями, которые не встретились в корпусе. От информантов требовалось подтвердить или опровергнуть грамматичность этих конструкций или откорректировать их.

Цель исследования – определить семантическую сочетаемость компонентов сериальных конструкций. Для достижения цели были решены следующие задачи:

- определить, к каким семантическим группам могут относиться финитные части сериальных конструкций;
- определить, к каким семантическим группам могут относиться нефинитные части сериальных конструкций (конвербы, или деепричастия);

- определить ограничения на сочетаемость семантических групп финитных и нефинитных частей сериальных конструкций;
- определить ограничения на индивидуальную сочетаемость финитных и нефинитных частей сериальных конструкций.

3. Семантические группы частей сериальных конструкций

Анализ собранного языкового материала позволил нам выявить пять семантических групп финитных глаголов, входящих в сериальные конструкции, и девять семантических групп конвербов.

3.1. Семантические группы финитных частей

Две наиболее продуктивные семантические группы, в которые входят финитные глаголы, составляют фазовые глаголы и глаголы движения. Глаголы движения представлены следующим списком:

мыныны «идти, ехать», лыктыны «прийти, приехать», потыны «выйти», кошкыны «уйти, уехать», ортчыны «пройти», ветлыны «ходить, ездить», бертыны «вернуться», вуыны «прийти, приехать, успеть», пырыны «войти», пегзыны «убежать», тубыны «подняться», васькыны «спуститься».

Фазовые глаголы:

вуттыны «довести до конца, успеть», возыны «держат», кельтыны «оставить», быдтыны «закончить», лэзыны «запустить», бырыны «закончиться», вуыны «успеть», куштыны «бросить».

Им немного уступает по величине группа глаголов состояния:

кылыны «остаться», кыллыны «лежать», бёрдыса «плакать», усьыны «упасть», будыны «вырасти», улыны «жить», пукуны «сидеть».

Группа глаголов физиологического действия представлена глаголами *утчаны* «здесь: пробовать (на вкус)» и *оскалтыны* «пробовать на вкус».

И самой малочисленной оказалась семантическая группа глаголов со значением предоставления, наделения: *сётыны* «давать».

3.2. Семантические группы конвербов

Конвербы в нашем языковом материале представлены следующими семантическими группами:

- **движения:**

уяса «плавать», бызьыса «бежать», лобзыса «взлететь», потыса «выйти», кожаса «завернуть, пройти мимоходом», котыръяса «обходить, сворачивать», костаськыса «скитаться», бертыса «вернуться», котырскыса «обойти, сделать крюк», кошкыса «уйти», пегзыса «убежать», жуткыса «подниматься», лыктыса «прийти», тэтчыса / тэччискыса «прыгнуть»;
- **процесса:**

учкыса «смотреть», сиськыса «есть, кушать», сыыса / с'иса «есть, кушать», юса «пить», бёрдыса «плакать», куасьмыса «высохнуть», сисьмыса «сгнить», будза «расти»;
- **чувственного восприятия:**

вожаса «ревновать», вожьяськыса «завидовать», йыркуръяськыса «злиться», куректыса «горевать», адзыса «видеть»;
- **речи:**

кырзаса «петь», вераса «сказать, говорить», кесяськыса «кричать», черектйськыса «крикнуть, выкрикнуть», мад'са «рассказывать, петь», тэргашса «браниться»;
- **состояния, бытия:**

луыса «быть, становиться», умме усьыса «в сон впадая», лөптыса «воодушевиться», висыса «болеть», пöсыса «вспотеть», кулэмьяськыса «делает вид, что умирать», кулса «умирать», кынмыса «замерзнуть», погыллыськыса «валяться», изыса «спать»;
- **обозначающие род деятельности субъекта:**

пастухаса «(пасутшить)», черсыса «прясть», чильпаса «вышивать», пужьятыса «вышивать», пыжиськыса «печь, стряпать», керттйськыса / керттыса «вязать», ужаса «работать», ужатэк «не работа», лэсьтылыса «делать», локаса «заготовить», чорыгаса «рыбачить».
- **ментальные:**

чакласа «наблюдать, следить», ль'диса «считать (диал.)», бө'л'льыса «распределить», тунаса «гадать»;
- **ментального воздействия:**

буйгатыса «успокоить», дышетыса «учить», валэктыса «объяснять»;

- физического воздействия:

жугтыса «поднять», жугтыса «бить», шуккыса «прибивать», тйяса «ломать», сэртгыса «разбирать», кисьтаса «лить, поливать», нулдьса «носить», зьрдатыса «нагревать», угыса «ухаживать», ватыса «прятать», пуктыса «поставить», ыбыса «застрелить».

4. Сочетаемость семантических групп компонентов сериальных конструкций

Анализ материала позволил обнаружить избирательную сочетаемость финитных глаголов движения и состояния с конвербами и абсолютную сочетаемость фазовых глаголов с представленными группами конвербов. Глаголы движения сочетаются с конвербами движения, процесса, состояния и бытия, с конвербами, обозначающими род деятельности субъекта. Глаголы состояния сочетаются с конвербами, чувственного восприятия, процесса, рода деятельности субъекта, состояния и бытия, физического воздействия, речи и ментальными.

Рассмотрим сочетаемость каждого глагола из представленных групп с конвербами, встречающимися в сериальных конструкциях. Объем настоящей статьи не позволяет привести пример для каждого глагола.

4.1. Сочетаемость глаголов движения

Глагол **мыныны** «идти, ехать» сочетается только со следующими конвербами движения: *уяса* «плавать», *бызьыса* «бежать», *тэтчыса* «прыгнуть» и рода деятельности субъекта *лэсьтылыса* «делать».

1. Шур-ез уя-са мын.
Река-ACC плавать-CONV идти.IMP.2SG
Переплыви реку.
2. Вуж корка-ос-ыз весь вань-зэ лэсьты-лы-са
Старый дом-PL-ACC все все-ACC делать-FR-CONV
мын-о.
идти-PRES.3PL.
Они ремонтируют (восстанавливают) все старые дома.

Глагол **ветлыны** «ходить» сочетается с конвербами движения *кожаса* «завернуть, зйти мимоходом», *котырьяса* «обходить»,

сворачивать», *костаськыса* «скитаться», с конвербом со значением процесса *учкыса* «смотреть» и с конвербами рода деятельности субъекта, например, *пастухаса* «пастушить», *чорыгаса* «рыбачить».

3. Мам-ен-ым пастуха-са ветлы-л-й-мы
Мама-INST-Px.1SG пастушить-CONV ходить-FR-PAST-1PL

пинал дырЪ-я-м.
молодой время-INES-Px.1SG.

В детстве мы с мамой ходили пастушить (постоянно / регулярно).

Глагол *кошкыны* «уйти, уехать» сочетается только со следующими конвербами движения *котырскыны* «обойти, сделать крюк», *потыса* «выйти», *пегъыса* «убежать», *уяса* «плавать» и с конвербами состояния, бытия *луыса* «становиться», *кынмыса* «замерзнуть», *пöсяса* «вспотеть». При этом сочетания *кынмыса кошкыны* и *пöсяса кошкыны* являются идиоматическими сериальными конструкциями со значением «испугаться».

4. Мурй-ти поты-са кошк-и.
Труба-PROL выйти-CONV уходить-PAST.1SG
Я сквозь дымоходную трубу вылетела [Кельмаков, 1998, с. 217].

5. Кынмы-са кошк-и.
Замерзнуть-CONV уходить-PAST.1SG
Я испугался.

Глаголы *лыктыны* «прийти, приехать», *потыны* «выйти, уехать, выйти в путь», *ортчыны* «пройти», *бертыны* «вернуться», *пегъыны* «убежать», *пырыны* «войти» в составе сериальных конструкций сочетаются только с конвербами движения *бызъыса* / *быс'са* «бежать», *лобъыса* «взлететь», *уяса* «плавать».

6. Мон доры биз'ы-са лыкт-и-з.
Я к бежать-CONV прийти-PAST-3SG
Он ко мне подбежал.

7. Одыг час ёже куинь километр-ез уя-са
Один час в течение три километр-ACC плавать-CONV

ортч-исько
пройти-PRES.1SG

За один час три километра проплываю.

Глаголы *вуыны* «прийти, приехать» и *лыктыны* «прийти, приехать» при сочетании с конвербом движения *бызъыса* «бежать» образуют квазисинонимичные сериальные конструкции, ср.:

8. Бызъы-са ву-и-з.
Бежать-CONV успеть-PAST-3SG
Прибежал.
9. Бызъы-са лыкт-й-з.
Бежать-CONV прийти-PAST-3SG
Прибежал.

В первом случае, по словам информантов, сериальная конструкция имеет значение результата действия (прибежал в конечную точку движения), во втором случае конструкция имеет значение образа действия (субъект именно быстро бежал).

Кроме того, стоит отметить способность глагола *вуыны* «прийти, приехать» переходить из группы глаголов со значением движения в группу фазовых глаголов. В этом случае в составе сериальных конструкций он сочетается с конвербами чувственного восприятия *адзъыны* «видеть», состояния и бытия *умме усъыса* «в сон впадая» и с конвербами движения *лыктыса* «прийти», *бертыса* «вернуться» и принимает значение «успеть (что-то сделать)».

Укно доры мыны-са, Матрон апай адзъы-са
Окно к идти-CONV Матрона тетя увидеть-CONV
ву-и-з...

успеть-PAST-3SG

Подойдя к окну, тетя Матрона увидела (успела увидеть) ...

10. Дырыз дыръя лыкты-са ву-и-з.
Вовремя прийти-CONV успеть-PAST-3SG
Он вовремя пришел (успел прийти).

Глаголы движения не сочетаются в составе сериальных конструкций с конвербами чувственного восприятия, речи, ментальных, а также ментального и физического воздействия. Информантам были предложены искусственно созданные нами примеры *лъ'диса мыныны*, *тйяса мыныны* и др., ожидаемые значения «считать; ломать, сломать», соответственно. Конструкции были признаны неграмматичными.

В ходе опроса информантов о возможности сочетания финитных глаголов движения с конвербами той же семантической группы, а также из диалектных текстов нами были получены сочетания со значением «убежать», образованные от глаголов **бызьыны** «бежать», **пегзыны** «убежать» и **кошкыны** «уйти, уехать» в следующих конструкциях: *бызьыса пегзыны* и *пегзыса кошкыны*.

11. Пуны-йэ быс'-са гурт-э пэг'з'-и-з.
Собака-Рх.1SG бежать-CONV дом-ILL убежать-PAST-3SG
Моя собака убежала домой [Кельмаков, 1998, с. 192].
12. Пегзы-са кошк-и-з.
Убежать-CONV уйти-PAST-3SG
Он убежал.

Семантика этих конструкций, по словам информантов, отличается: в первом случае «убежать» означает «убежать на виду у всех», а во втором случае – «убежать незаметно, сбежать незаметно».

4.2. Сочетаемость фазовых глаголов

Глагол **вуттыны** «довести, донести до конца, успеть» сочетается только со следующими конвербами: движения *бертыса* «вернуться», физического воздействия *жутыса* «поднять», *ватыса* «спрятать», состояния, бытия *изьыса* «спать», процесса *сыыса* «есть, кушать» и речи *вераса* «сказать, говорить».

13. Ярам, коть коньдон-ме ваты-са вутт-й.
Хорошо, хоть деньги-Рх.1SG спрятать-CONV успеть-PAST.1SG
Хорошо, (я) успел деньги спрятать.

Глагол **быдтыны** «закончить» сочетается с конвербами физического воздействия *тйяса* «ломать», *сэрттыса* «разбирать», *нулдь-са* «носить», *кисьтаса* «поливать»; ментальными *ль'дыса* «считать (диал.)», *бёл'эльса* «распределить», процесса *с'уса* «есть, кушать» и речи *вераса* «сказать, говорить».

14. Писпу-лис' ку куар-зэ ль'ди-са
Дерево-ELAT когда лист-ACC считать-CONV
бьтт-й'-зъ
закончить-PAST-3PL.
Когда с дерева все листья пересчитают... [Кельмаков, 1998, с. 259].

Глагол *вуыны* «прийти, приехать»: см. примеры 10, 11 (с. 182–183).

По словам информантов, глаголы *вуттыны* «довести, донести до конца, успеть», *быдтыны* «закончить» и *вуыны* «прийти, приехать, успеть» в сочетании с одними и теми же конвербами имеют тонкое семантическое отличие. Например, сочетания с конвербом *вераса* «сказать, говорить»: *вераса вуттыны*, *вераса быдтыны* и *вераса вуыны* имеют следующие значения соответственно: «успел рассказать все до конца», «закончил рассказ», «только-только успел все рассказать».

Глагол *кельтыны* «оставить» сочетается с конвербами физического воздействия *жугыса* «бить», *шуккыса* «прибивать», с конвербами ментального воздействия *дышетыса* «учить», *валэктыса* «объяснять», с конвербом со значением рода деятельности субъекта *черыса* «прясть».

15. Жугы-са кельт-й-з.
Избить-CONV оставить-PAST-3SG
Избил.
16. Дышеты-са кельт-й-з.
Учить-CONV оставить-PAST-3SG
Научил.

Глагол *кельтыны* «оставить» может сочетаться с теми же конвербами, что и глагол *быдтыны* «закончить», указывая на род деятельности субъекта, а глагол *быдтыны* «закончить» сообщает нам о достижении результата субъектом выполняемого действия: *тйяса кельтыны* означает «поломали», а *тйяса быдтйзы* означает «все переломали».

Глагол *бырыны* «заканчиваться» в сочетании с конвербами *куасьмыса* «высохнуть», *сисьмыса* «гнить» имеет значение «завершения физического процесса», если речь идет об объектах неживой природы:

17. Писпу куасьмы-са быр-и-з.
Дерево высохать-CONV закончиться-PAST-3SG
Дерево высохло.

Сочетание этого же глагола с конвербами *куасьмыса* «высохнуть» и *будза* «расти», с конвербом движения *кошкыса* «уйти, уехать», с конвербом чувственного восприятия *куректыса* «горевать» позволяет образовать идиоматические сериальные конструкции, если речь идет о людях:

18. Куасьмы-са быр-и.
Высыхать-CONV закончиться-PAST.1SG
Я похудела.
19. Нылпи-ос-ы кошки-са быр-и-зы.
Дети-PL-Px.1SG уйти-CONV закончиться-PAST-3PL
Дети разъехались (из родительского дома) [Кельмаков, 1998, с. 258].

Глагол **возьыны** «держатъ» сочетается с конвербом, образованным от ментального глагола *чакласа* «наблюдать, караулить» и с конвербом физического воздействия *утьыса* «ухаживать».

Гурт-мы котыр-ысь дас укмыс ошмесь-ёс-ты
Деревня-Px.1PL возле-ELAT девятнадцать родники-PL-ACC
утьы-са воз-ё
ухаживать-CONV держать-PRES.3PL

За девятнадцатью родниками возле нашей деревни ухаживают.

Глагол **лэзьыны** «запустить» сочетается с конвербами речи *кырзаса* «петь», *вераса* «сказать» и с конвербом ментального воздействия *буйгатыса* «успокоить» и образуют метафоры, свойственные текстам народного творчества.

20. Кырза-са лэз-ё-м али...
Петь-CONV запустить-FUT-1PL сейчас
Запоём сейчас...

4.3. Сочетаемость глаголов состояния, бытия

Глаголы **усьыны** «упасть» и **будыны** «вырасти» сочетаются только с глаголами состояния *кулэмйас'кьса* «делает вид, что умирает», *кулса* «умирать» и *луыса* «быть, становиться» соответственно. Сочетание *кулса усьыны* является идиоматической сериальной конструкцией и имеет значение «упасть в обморок».

21. Кул-са ус-и-з.
Умереть-CONV упасть- PAST-3SG
Упал в обморок.
22. Ташташ удмурт луы-са буд-й.
Исконный удмурт быть-CONV расти-PAST.1SG
Исконным удмуртом рос.

Глагол **кыллыны** «остаться» сочетается с конвербом той же семантической группы *лөптыса* «воодушевиться» и с конвербом процесса *сиськыса* «есть, кушать».

23. Нылпи сюзэмь-ёс лөпты-са кыл-и-зы.
Ребенок сердце-PL воодушевиться-CONV остаться-PAST-3PL
Дети остались воодушевленными.

Глагол **кыллыны** «лежать» сочетается с конвербом процесса *ус'кыса* «смотреть», с конвербом, образованным от речевого глагола *тэргашса* «браниться», с конвербом чувственного восприятия *вожаса* «ревновать» и состояния, бытия *кынмыса* «мерзнуть».

24. Оз'ъ азбар-ън тэргаш-са къл'л'ъ-къ-зь...
Так двор-INES браниться-CONV лежать-CONV-3PL
Пока они так перебранивались во дворе... [Кельмаков, 1998, с. 275]
25. Вожа-са кылл-е.
Ревновать-CONV лежать-PRES.3SG
Он ревнует / ревнив.

В конструкциях *ус'кыса кылле вал* «смотреть, лежать, быть», *вожаса кылле* «ревновать, лежать», полученных от информантов, и в конструкции *тэргашса къл'л'ъкъзь* «браниться, лежать» из диалектных текстов [Кельмаков 1998, с. 275] глагол **кыллыны** частично утрачивает свое прямое значение «лежать», это способствует образованию языковых метафор со значениями «ожидала», «ревнует» и «пока перебранивались» соответственно.

Глагол **бөрдны** «плакать» сочетается с конвербами речи *кесяськыса* и *черектиськыса* «кричать» и с конвербом состояния, бытия *погылляськыса* «валяться».

26. Черектиськы-са бөрд-э.
Кричать-CONV плакать-PRES.3SG
Плачет навзрыд.

Глагол **пукыны** «сидеть» сочетается с конвербами, обозначающими род деятельности субъекта *керттиськыса* «вязать», *ужаса* «работать», *ужатэк* «не работая», *чорыгаса* «рыбачить», с конвербом состояния, бытия *кынмыса* «мерзнуть» и с конвербом физического воздействия *зърдатиса* «нагревать» и указывает на актуальную длительность действия, выражаемого сериальной конструкцией.

27. Пенси-ын керттйськы-са пук-исько.
 Пенсия-INES вязать-CONV сидеть-PRES.1SG
 На пенсии вяжу.

Глагол *улыны* «жить» оказался самым продуктивным в своей семантической группе. В составе сериальной конструкции он указывает на длительность происходящего действия. Наш материал показывает, что глагол *улыны* сочетается практически со всеми семантическими группами конвербов:

- ментальными *тунаса* «гадать»;
- процесса *учкыса* «смотреть», *бёрдыса* «плакать», *юса* «пить»;
- состояния, бытия *висьыса* «болеть»;
- чувственного восприятия *вожъяськыса* «завидовать», *йыркуръяськыса* «злиться», *куректыса* «горевать», *вожаса* «ревновать»;
- речи *кесяськыса* «кричать», *кырзаса* «петь», *мад'са* «рассказывать, петь»
- рода деятельности субъекта *чильпаса* «вышивать», *пыжиськыса* «стряпать, печь», *л'укаса* «заготовить».

Љок ини, туна-са у-д улы...
 Пусть уж гадать-CONV NEG.FUT-2SG быть.CONV
 Пусть уж, не угадаешь,

28. Эмэспи-мъ но вис'ъ-са ул-э.
 Зять-Рх.1PL и болеть-CONV быть-PRES.3SG
 И зять наш болеет [Кельмаков 1998, с. 230].

4.4. Сочетаемость глаголов физиологического действия

Глаголы *утчаны* «здесь: пробовать (на вкус)» и *оскалтыны* «пробовать на вкус» сочетаются с конвербами, процесса *сиса* «есть, кушать» и *юса* «пить».

29. Си-са утча-ло-м.
 Есть-CONV пробовать-FUT-1PL
 Попробуем на вкус (еду).

4.5. Сочетание глагола со значением предоставления, наделяния

Единственный глагол в нашей выборке из этой семантической группы *сётныны* «дать» сочетается с конвербом речи *вераса* «говорить»

и наделяет сериальную конструкцию значением позволения что-то сделать (в данном случае: позволить что-то сказать).

33. Вера-са сёт вал но, ...
 Сказать-CONV дать.IMP.2SG быть.PAST но
 (Я) бы сказал, но...

5. Заключение

Таким образом, изученный материал позволил выявить, что глаголы не всех семантических групп могут составлять сериальные конструкции. При этом финитные компоненты представлены очень ограниченным количеством семантических групп (в удмуртском языке это глаголы движения, состояния, фазовые, глаголы физиологического действия и глаголы предоставления, наделения). Конвербы представлены несколько бóльшим, хотя тоже конечным количеством семантических групп (в удмуртском языке это глаголы движения, процесса, чувственного восприятия, состояния и бытия, рода деятельности субъекта, речи, ментальные, ментального воздействия и физического воздействия). Проведенный анализ обнаружил избирательную сочетаемость компонентов сериальных конструкций как между семантическими группами, так и индивидуальную – внутри групп. Самыми продуктивными по сочетаемости с конвербами в нашем материале показали себя фазовые глаголы. В дальнейшем анализ данных других языков позволит сделать общие типологические выводы о лексической сочетаемости компонентов сериальных конструкций.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ACC – аккузатив	NEG – отрицание
ADV – адвербиал	PAST – простое прошедшее время
CON – коннегатив	PL – плюралис
CONV – конверб	PRES – презенс
ELAT – элатив	PROL – пролатив
FR – фреквентатив	Px – посессив
FUT – будущее время	1SG – 1-е л., ед.ч.
ILL – иллатив	2SG – 2-е л., ед.ч.
IMP – императив	3SG – 3-е л., ед.ч.
INES – инессив	1PL – 1-е л., мн.ч.
INST – инструменталис	3PL – 3-е л., мн.ч.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Aikhenvald A. Y.* Serial verb constructions in typological perspective // *Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology* / A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 1–68.
2. *Перевошичков П. Н.* [и др.] Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / Удмурт. науч.-исслед. ин-т истории, экономики, лит. и яз. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. С. 274–283.
3. *Алашеева А. А.* [но мукет.] Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание. Ижевск: «Удмурт университет» книга-поттонни, 2011. С. 246–247.
4. *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1998.

REFERENCES

1. Aikhenvald, A. Y. (2006). Serial verb constructions in typological perspective. In Aikhenvald, A. Y., Dixon, R. M. W. (eds.), *Serial Verb Constructions: A cross-linguistic typology* (pp. 1–68). Oxford: Oxford University Press.
2. Perevoshchikov, P. N. et al. (1962). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya = Grammar of the modern Udmurt language. Phonetics and morphology*. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)
3. Alasheeva, A. A. et al. (2011). *Udmurt kyllen kylkabtodosez (morfoloגיעz): todoslyko-dyshetskon izdanie = Morphology of the Udmurt language: a scientific and educational publication*. Izhevsk: Udmurt University. (In Udm.)
4. Kel'makov, V. K. (1998). *Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya = Short course of Udmurt Dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialect texts. Bibliography*. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta. (In Russ.)

Информация об авторе

Козловцева Н. А. – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, преподаватель переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Kozlovtsseva N. A. – PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, Lecturer, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 81.271, 811.581.11

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_190

**ВЫРАЖЕНИЕ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ
КАК КОМПЛЕКСНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ
(на материале русского и китайского языков)**

Пэй Сянлинь

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, 1374254717@qq.com

Аннотация. Работа посвящена сопоставительному анализу способов выражения негативной оценки в русской и китайской лингвокультурах. Автор предлагает рассматривать комплексный речевой акт как ядро сопоставительных лингвопрагматических исследований, выделяет компоненты комплексного речевого акта негативной оценки и на материале проведенного анкетирования демонстрирует национально-культурную специфику выражения негативной оценки, которая объясняется разными принципами межличностной коммуникации в русской и китайской лингвокультурах.

Ключевые слова: речевой акт, негативная оценка, русский язык, китайский язык, вежливость

Для цитирования: Пэй Сянлинь. Выражение негативной оценки как комплексный речевой акт (на материале русского и китайского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 190–202. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_190

Original article

**EXPRESSION OF NEGATIVE EVALUATION
AS A COMPLEX MULTIPURPOSE SPEECH ACT
(based on Russian and Chinese)**

Pei Xianglin

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, 1374254717@qq.com

Abstract. The paper presents the results of a comparative study of the expression of negative assessment in Russian and Chinese linguocultures. Treating complex multipurpose speech act as the core of comparative linguo-pragmatic studies, the

author singles out its components and basing on the data of a questionnaire survey demonstrates the ethno-cultural specificity in expressing negative assessment, which is explained by different principles of interpersonal communication in Russian and Chinese linguocultures.

Key words: speech act, negative evaluation, the Russian language, the Chinese language, politeness

For citation: Pei Xianglin (2021). Expression of negative evaluation as a complex multi-purpose speech act (based on Russian and Chinese). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(851), 190–202. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_190

Введение

По мере активизации культурных и деловых связей между Китаем и Россией сопоставительное исследование русского и китайского коммуникативного поведения приобретает все большее значение. Целью настоящей статьи является сопоставительное изучение способов выражения негативной оценки носителями русской и китайской лингвокультур. Несмотря на то, что негативная оценка, будучи одним из ликоугрожающих речевых актов, играет важную роль в межличностной коммуникации, а ее выражение, не соответствующее поведенческим нормам данной лингвокультуры, может привести к когнитивному и коммуникативному диссонансу, сопоставительный анализ этнокультурной специфики выражения негативной оценки в русской и китайской лингвокультурах не получил до сегодняшнего дня должного освещения.

Настоящее исследование выполнено в лингвопрагматическом ключе с ориентацией на теорию языковых актов. Следует, однако, отметить, что в классической теории речевых актов под речевым актом подразумевается отдельное высказывание [Остин, 1986; Серль, 1986]. В реальной коммуникации, однако, для реализации коммуникативного намерения говорящий обычно не ограничивается отдельным высказыванием: для успешной реализации своей цели ему нередко нужно подготовить слушателя, аргументировать свою позицию, предложить альтернативу, заострить или, напротив, смягчить иллюкутивную силу высказывания и т. п.

Это в полной мере относится к способам выражения негативной оценки. Мы предлагаем рассматривать ее как комплексный речевой акт, который, помимо выражения негативной оценки в качестве

ядерного компонента, может содержать другие компоненты (частичная похвала, совет, аргументация оценки и т. п.). Компоненты комплексного речевого акта негативной оценки (далее КРА НО) реализуют взаимосвязанные, но не совпадающие, а нередко вступающие в противоречие друг с другом цели: выразить оценку и поддержать межличностные отношения.

Сопоставительное изучение структуры КРА НО, предпринятое в данной статье, призвано пролить свет на специфику принципов межличностной коммуникации в русской и китайской лингвокультурах. Эти принципы тесно связаны с коммуникативной категорией вежливости, которая привлекает внимание все большего числа исследователей, в том числе и в сопоставительном ключе (обзор современных теорий вежливости в англоязычной литературе см. в [Германова, 2021]; сопоставительный анализ концепта «вежливость» в китайской и русской культурах см. в [Пищальникова и др., 2020]).

Материалом послужили результаты анкетирования носителей русского и китайского языков (по 250 носителей каждого языка); общий объем полученного материала составил 10000 КРА НО (соответственно 5000 КРА НО на русском и 5000 КРА НО на китайском языках). Возраст информантов варьировал от 18 до 30 лет.

Для сбора материала в данной работе используется тест на завершение дискурса (discourse-completion test). Информантам были предложены 20 коммуникативных ситуаций, в которых им предлагалось высказать оценку поведения адресата или некоторого связанного с ним объекта в ситуации, когда объект оценки ими не одобряется. Информанты могли уклониться от выражения оценки или, нарушив условие искренности, выразить положительную оценку, что также было зафиксировано в ряде ответов.

Компоненты комплексного речевого акта негативной оценки

По результатам анкетирования мы выделили следующие восемь компонентов КРА НО, каждый из которых имеет несколько вариантов реализации: выражение негативной оценки; выражение позитивной оценки; уклонение от выражения оценки; директивы; учет мнения собеседника; аргументация оценки; шутка, ирония; апеллятив.

Наиболее частотным компонентом КРА является *выражение негативной оценки*. Она может выражаться прямо («мне это не нравится»), с интенсификацией («мне это *совсем* не нравится») или с использованием различных способов митигации. В последнем случае, желая смягчить негативную оценку, информанты используют различные тактики. В первую очередь, это использование лексических средств хеджирования (не очень, не совсем, возможно и т. п.). Наряду с этим, существуют такие тактики, как:

- ссылка на собственную некомпетентность («Мне не нравится твой рассказ, но я в этом не разбираюсь»);
- оправдание неудачи трудностью стоящей перед собеседником задачи: («我知道您这么大岁数戒烟挺难的» – «Я знаю, что в вашем возрасте бросить курить – это очень трудно»);
- признание существования разных мнений («Спроси еще у кого-нибудь»);
- упоминание об удачах собеседника или благоприятных перспективах на будущее («我 不太喜欢这个讲座, 之前的讲座比这个有意思, 相信下次会更好的» – «Мне не очень понравилась эта лекция, были лекции интереснее, я уверена, что в следующий раз получится лучше»);
- выражение уважения к собеседнику («Я вас очень уважаю, поэтому скажу честно, он нехороший сотрудник»);
- негативная оценка с указанием на положительные стороны («你的小说我不太喜欢, 但是结局还挺有趣的» – «Мне твой рассказ не очень нравится, но конец интересный»).

Несомненный интерес представляет тот факт, что в ситуациях потенциальных коммуникативных рисков встречается и такой компонент КРА НО, как *выражение частичной позитивной оценки*. Его можно разделить на позитивную оценку объекта в целом и частичную позитивную оценку объекта. В первом случае информанты полностью нарушают условия искренности: «太棒了! 你的文笔跟作家一样好» – «Очень хорошо! Написал, просто как настоящий писатель». Во втором случае высказывается частичная позитивная оценка отдельных сторон объекта («Фон и дизайн презентации очень хороши»); в том числе и его несущественных сторон (ср. реакцию китайского информанта на вопрос о том, понравился ли ему рассказ начинающего автора «哎呀, 你字写的挺漂亮» – «Ой, у тебя очень красивый почерк»); позитивная оценка

с указанием на недостатки или возможность дальнейшего улучшения («Неплохо, но я знаю, что другие часы тебе больше подойдут»).

В ответах информантов также отмечено **уклонение от выражения** оценки. Оно может осуществляться прямо («Не считаю нужным делиться этим»); сопровождаться ссылкой на собственную некомпетентность («Я以前没听过这种类型的讲座, 对这个领域的知识不了解, 不知道好还是不好» – «Я раньше не посещала лекций такого рода и не обладаю глубокими знаниями в этой сфере, я не знаю, хорошо ли прошла лекция или плохо»), а также реализоваться путем смены темы разговора.

При выражении негативной оценки активно используются **директивы**, представляющие собой советы по улучшению объекта оценки. Они объединяют в себе прямые директивы («Давай вместе обсудим твою статью и скорректируем ее») и косвенные директивы. В последнем случае директивы осуществляются с хеджированием, представляя собой косвенные речевые акты («你可以试着写写其他风格的» – «Ты можешь попробовать написать в другом стиле»). В ряде случаев рекомендация внести улучшения выражается имплицитно, например, путем указания на потенциальную возможность совершенствования объекта оценки («内容如果能再斟酌下就更好了» – «Если еще подумать над содержанием, то могло быть еще лучше») или за счет предложения помочь («Я могу помочь что-то поправить, если хочешь»).

Еще одним компонентом КРА НО является **учет мнения собеседника**, включающим такие тактики, как выражение интереса к мнению собеседника («Если тебе понравился фильм, я очень хочу послушать твоё мнение»); уточняющие вопросы («你确定要买这个表吗?» – «Ты уверена, что хочешь купить эти часы?»); предоставление окончательного решения собеседнику («В ней есть хорошие качества, но есть моменты, которые меня насторожили, в любом случае, выбирать тебе, это главное»).

Особого внимания заслуживает такой компонент КРА НО, как **аргументация оценки**, который включает четыре следующие тактики. Во-первых, это ссылка на чужое мнение («Помнишь, наш преподаватель сказал, что другие жанры больше привлекают молодых читателей»); во-вторых, ссылка на внешние обстоятельства («现阶段经济上不允许我们推进这个项目» – «На данный момент развитие этого проекта не представляется экономически возможным»); в-третьих,

указание на неблагоприятные последствия («Если проект провалится, то это отразится на всех нас»); в-четвертых, ссылка на личный или чужой опыт («看看你们的学姐学长是怎么写的文章, 他们每次写文章都论据充足») – «Посмотри, как ваши старшекурсники написали статью. В их статье всегда достаточно фактов для аргументации важных моментов»).

Шутка и ирония, позволяющие разрядить обстановку, также достаточно частотны в ответах китайских информантов: «难道你是在订餐的时候也给我的书定了一份吗?» – «Разве когда ты заказывал еду для себя, то заказал и для моей книги?» (*об испачканной книге*); «经济舱的客人请买一下票» – «Пассажир эконом-класса, пожалуйста, купи себе билет» (*о пассажире, который не платит за такси*).

В ответах китайских информантов широко употребляются апеллятивы, играющие в китайской лингвокультуре большую роль в поддержании межличностных отношений («亲爱的, 说实话, 我不太喜欢你的朋友» – «Дорогая, честно говоря, мне не очень нравится твой друг»); «领导, 这个项目前景可观, 但实施起来可能会遇到很多困难» – «Руководитель, этот проект перспективный, но, возможно, у нас могут возникнуть некоторые трудности в его реализации»).

Национально-культурная специфика выражения негативной оценки в русской и китайской лингвокультурах

Национально-культурная специфика структуры КРА негативной оценки теснейшим образом связана с коммуникативным этностилем, который отражает различия в понимании носителями разных языков лингвопрагматической категории вежливости и правил межличностной коммуникации. Как показал наш материал, при выражении негативной оценки национально-культурная специфика речевого поведения представителей русской и китайской лингвокультур проявляется достаточно последовательно. Для носителей китайского языка особую значимость имеет поддержка позитивного лица адресата [Германова, Пэй Сянлинь, 2021], поэтому их ответы свидетельствуют о стремлении предупредить потенциальные межличностные конфликты за счет смягчения иллокутивной силы критических высказываний и гармонизации межличностных отношений. Это проявляется в различной частотности компонентов КРА НО в русском и китайском материале.

Так, наиболее частотным компонентом в ответах как русских, так и китайских информантов оказалось выражение негативной оценки, однако в китайском материале она выражалась значительно реже (в 62% КРА НО на русском языке и в 55% КРА НО на китайском языке). Более того, случаи выражения негативной оценки без митигации или даже с интенсификацией (*очень плохо*), «*совсем не понравилось*») в ответах русских информантов встретились в 17% и 10% КРА НО, тогда как в ответах китайских информантов – лишь в 7% и 1%.

При использовании различных тактик смягчения негативной оценки наиболее частотным является использование лексических средств хеджирования (в 12% ответов русских информантов и в 15% ответов китайских информантов).

Среди средств смягчения негативной оценки важное место занимают признание существования разных мнений и указание на положительные стороны объекта. В ответах русских информантов эти тактики встретились в 5% и 7% КРА НО, в ответах китайских информантов – в 6% и 1%. (избегая критики объекта оценки, китайские информанты были склонны положительно оценивать объект целиком). Кроме того, китайские информанты склонны к использованию тактик «ссылка на собственную некомпетентность» и «оправдание неудачи трудностью задачи» (в 10% и 9% КРА соответственно). В ответах русских информантов такие способы использовались реже (в 4% и 3% КРА). Относительно высокая частотность ссылок на собственную некомпетентность связана с тем, что в китайской лингвокультуре скромность, доходящая до самоунижения, является важнейшим проявлением вежливости.

Весьма интересным является тот факт, что выражение позитивной оценки (в условиях, когда объект оценки на самом деле вызывает неодобрение) занимает важное место в ответах как русских, так и китайских информантов. Разница состоит в том, что китайские информанты проявили склонность к позитивной оценке объекта в целом, полностью нарушая условия искренности с целью гармонизации межличностных отношений (в 20% КРА НО). В ответах китайских информантов также отмечается позитивная оценка с интенсификацией «*太好了*» (*очень хорошо*); «*太棒了*» (*замечательно*), которая практически отсутствует в ответах русских информантов. Русские информанты, напротив, склонны к частичной позитивной оценке объекта

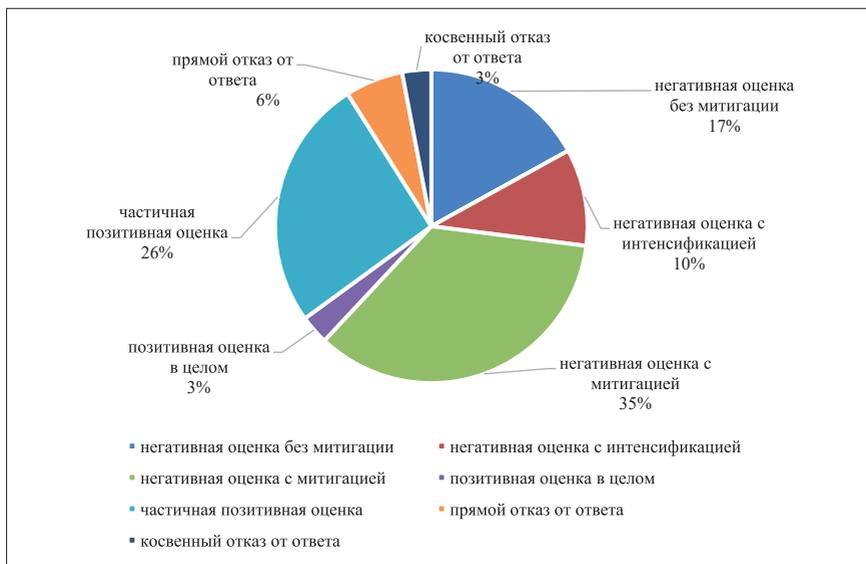
(в 26% КРА НО). Эти случаи включают позитивную оценку отдельных сторон объекта (4% КРА НО), позитивную оценку несущественных сторон (2% КРА НО) и позитивную оценку с указанием на недостатки или возможность дальнейшего улучшения (в 20% КРА НО).

В ответах русских информантов уклонение от выражения оценки проявляется в основном в виде прямого отказа (6%), тогда как в ответах китайских информантов данный показатель составляет всего 2%: китайские информанты, избегая критических оценок, предпочитали ссылаться на свою некомпетентность или сменяли тему разговора.

Соотношение случаев выражения негативной и позитивной оценки, а также случаев уклонения от оценки учетом использования различных тактик показано в схемах 1 и 2.

В ответах информантов также встречаются прямые и косвенные директивы (в 10% и 20% КРА НО русских информантов и в 4% и 30% КРА НО китайских информантов). Эти данные свидетельствуют о стремлении китайских информантов избежать прямых рекомендаций и советов, угрожающих негативному и позитивному лицу адресата.

Схема 1

Компоненты КРА ОН по данным анкетирования
(на материале русского языка)

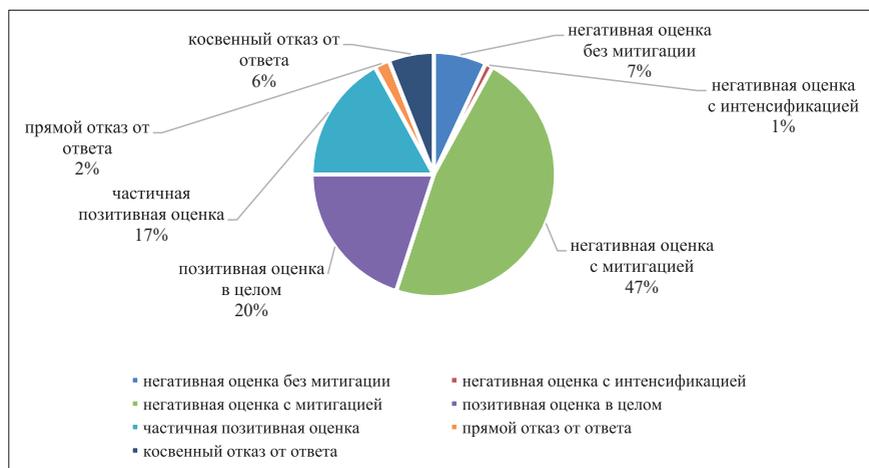
При аргументации негативной оценки и русские, и китайские информанты склонны к ссылке на чужое мнение и внешние обстоятельства (в 7 % и 6 % КРА НО в ответах русских информантов и в 9 % и 9 % КРА НО в ответах китайских информантов).

Предоставление окончательного решения собеседнику в ответах русских информантов занимает 17%, а в ответах китайских информантов только 4%. Это объясняется тем, что такого рода высказывания, как «тебе решать», «это твое дело», понимаются носителями китайского языка как дистанцирование в межличностных отношениях и могут вызвать негативную реакцию.

Китайские информанты склонны к употреблению шутки, иронии, что позволяет им разрядить напряжение (в 5% в ответах китайских информантов); в ответах русских информантов шутки встречаются редко.

Радикальным образом различаются данные об употреблении апеллятивов. В китайской лингвокультуре апеллятив играет незаменимую роль в гармонизации межличностных отношений, сглаживая межличностную дистанцию при общении собеседников с одинаковым социальным статусом и, напротив, подчеркивая социальную дистанцию при общении с вышестоящим лицом [顾曰国, 1992; 索振宇, 1993;

Схема 2

Компоненты КРА НО по данным анкетирования
(на материале китайского языка)

周民权, 2013]. Это проявилось и в нашем материале: в ответах китайских информантов апеллятивы встретились в 30 % КРА НО. Коммуниканты с равным статусом употребляли апеллятивы, тесно связанные с родственными обращениями (хотя между собеседниками родственных отношений не существовало): «老哥»(старый старший брат); «大姐» (старшая сестра); при обращении к начальнику использовались апеллятивы, прямо указывающие на профессию или должность: «老师» (учитель); «领导» (руководитель). В ответах русских информантов апеллятивы практически не встречаются.

Заключение

В лингвопрагматике неоднократно поднимался вопрос о том, насколько принципы речевого поведения, в частности, максимы вежливости, выработанные западными учеными, подходят для описания коллективистских культур Востока. Китайский учёный Гу Юэго пересмотрел принцип вежливости Дж. Лича с учетом особенностей коммуникативного поведения представителей китайской лингвокультуры [Gu Yueguo, 1990]. Полагая, что западные теории вежливости не всегда могут адекватно объяснить речевой этикет китайцев, он сформулировал пять принципов вежливости, актуальных для китайского речевого поведения. Это максима самоуничижения (贬己尊人准则), максима обращения, то есть использование апеллятивов (称呼准则), максима сближения (求同准则), максима такта (文雅准则) и максима великодушия (德、言、行准则) [顾曰国, 1992].

Как демонстрируют наши данные, эти максимы действительно отражаются в поведении представителей китайской лингвокультуры и являются, с нашей точки зрения, главной причиной различий в выражении негативной оценки носителями русского и китайского языков.

Как было показано выше, за исключением апеллятивов, отсутствовавших в ответах русскоязычных информантов, носители русского и китайского языков использовали одинаковые компоненты КРА НО и реализующие их тактики, но делали это с разной частотностью.

Так, русские информанты чаще высказывали неодобрение объекта оценки, что свидетельствует о более последовательном соблюдении условия искренности в русской лингвокультуре. Случаи прямолинейного выражения негативной оценки и ее интенсификация также чаще

встречались именно в русскоязычном материале. Напротив, различные митигативные тактики встречались в ответах китайских информантов с большей частотностью, чем в ответах русских респондентов (в частности, это относится к тактикам «ссылка на собственную некомпетентность» и «оправдание неудачи трудностью задачи»). Что касается уклонения от ответа, то русские информанты предоставляли окончательное решение собеседнику чаще, нежели китайские респонденты, для которых подобное речевое поведение означает нежелательное дистанцирование от собеседника. Весьма показательным предпочтением, оказанным китайскими информантами имплицитным способам выражения директив, которые смягчают их иллокутивную силу и препятствуют дистанцированию коммуникантов. Это свидетельствует о том, что в ситуациях коммуникативных рисков в китайской лингвокультуре на первый план выходят соображения вежливости (поддержание позитивного лица собеседника) и стремление к гармонизации межличностных отношений, в том числе за счет реализации отмеченных Гу Юэго максимум вежливого речевого поведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. Москва: Прогресс, 1986. С. 22–129.
2. *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. Москва: Прогресс, 1986. С. 170–194.
3. *Германова Н. Н.* Англоязычные теории вежливости и методологические проблемы сопоставительной лингвопрагматики // Методология современного языкознания-3: сборник статей в честь юбилея В. А. Пищальниковой. Москва: Р.Валент. 2021. С. 64–71.
4. *Пищальникова В. А.* [и др.]. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования. Москва: Р. Валент, 2020.
5. *Германова Н. Н., Пэй Сянлин.* Концепт ЛИЦО в коллективистской культуре Китая // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 1(44). С. 299–305.
6. 顾曰国. 礼貌、语用与文化 // 外语教学与研究. 1992. № 4. S. 11–17 / Гу Юэго. Вежливость, прагматика и культура // Обучение и исследование иностранных языков. 1992. № 4. С. 10–18.
7. 索振宇. “得体”的语用研究 // 语言文字应用. 1993. № 3. S. 77–85 / Со Чжэньюй. Прагматическое исследование «уместности» // Прикладная лингвистика. 1993. № 3. С. 77–85.

8. 周民权. 汉俄称呼言语行为的语用对比分析//中国俄语教学. 2013. № 4. S. 43–47 / Чжоу Миньцюань. Исследование сопоставительной лингво-прагматики: русский и китайский речевые акты обращения // Русский язык в Китае. 2013. № 4. С. 43–47.
9. *Gu Yueguo*. Politeness Phenomena in Modern Chinese // *Journal of Pragmatics*. 1990. № 14 (2). P. 237–257.

REFERENCES

1. Austin, J. L. (1986). Word as action. In *new issues in foreign linguistics*. 17: Theory of speech act (pp. 22–129). Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Searle, J. R. (1986). Classification of illocutionary acts. In *New issues in foreign linguistics*. 17: Theory of speech acts (pp. 170–194). Moscow: Progress. (In Russ.)
3. Guermanova, N. (2021). *Angloyazychnye teorii vzhlivosti i metodologicheskie problemy sopostavitel'noj lingvopragmatiki l'shaya rossijskaya enciklopediya = English politeness theories and methodological issues of comparative linguistic pragmatics*. In: *Methodology of modern linguistics* (pp. 64–71). Collection of articles in honor of V. A. Pishchal'nikova. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
4. Pishchal'nikova, V. A. et al. (2020). *Kartina mira kitajcev: teoriya i praktika nauchnogo issledovaniya = The Chinese worldview: theory and practice of scientific research*. Moscow: R.Valent (In Russ.)
5. Germanova, N. N., Pei Xianglin. (2021). The concept of face in the Chinese collectivist culture. *Cognitive studies of language*, 1(44), 299–305. (In Russ.)
6. 顾曰国. (1992). 礼貌、语用与文化. *外语教学与研究*, 4, 11–17. (In Chin.)
7. 索振宇. (1993). “得体”的语用研究. *语言文字应用*, 3, 77–85. (In Chin.)
8. 周民权. (2013). 汉俄称呼言语行为的语用对比分析. *中国俄语教学*, 4, 43–47. (In Chin.)
9. Gu Yueguo. (1990). Politeness Phenomena in Modern Chinese. *Journal of Pragmatics*, 14(2), 237–257.

Информация об авторе

Пэй Сянлин – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Pei Xianglin – PhD Student,
Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 81.23

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_203

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОРАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ «КУЛЬТУРНОСТЬ»
В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ КИТАЯ**

Цюй Юнь

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
alex9526qun@yandex.com

Аннотация. Китай с древнейших времен известен как государство этикета и церемоний, а культурный этикет воспринимается носителями культуры как традиционная добродетель китайского народа. В последние годы с развитием современного общества и повышением статуса государства граждане Китая уделяют этикету больше внимания как компоненту социального имиджа. Социальная реклама часто используется для пропаганды культурного поведения и социальных добродетелей среди населения, а также для правильного ориентирования населения на духовную культуру и ее основные ценности. Автор статьи выделяет основные средства представления в поликодовом тексте моральной ценности «культурность», анализирует гетерогенные элементы социальной рекламы как поликодового текста.

Ключевые слова: социальная реклама, массмедиа, ценность «культурность», моральные ценности, поликодовый текст

Для цитирования: Цюй Юнь. Репрезентация моральной ценности «культурность» в социальной рекламе Китая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 203–213. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_203

Original article

**REPRESENTATION OF THE MORAL VALUE OF “CIVILITY”
IN CHINESE SOCIAL ADVERTISING**

Qu Yun

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia, alex9526qun@yandex.com

Abstract. Being one of the four most ancient world civilizations, China has been known as a country of etiquette and ceremony, cultural etiquette is a traditional virtue of the Chinese nation. In recent years, with the development of modern society

and the rise of China's spiritual culture and national status, citizens have a greater need for cultural etiquette to build a good social image. Public service advertising is often used to publicize civilized behavior and social morality among the population, as well as to guide people's spiritual culture and value orientation correctly. In this article the author summarizes the features of moral value representation, analyzes the structural relationship of written and illustrated texts in Chinese public service advertisement as a multimodal discourse, representing the basic moral value of "civility".

Key words: public service advertisement, mass media, value «of civility», moral values, multimodal discourse

For citation: Qu Yun. (2021). Representation of the moral value of "civility" in Chinese social advertising. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 203–213. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_203

Введение. «Культурность» в системе моральных ценностей современного Китая

Главная цель социальной рекламы – построение более гармоничного общества через внедрение в культуру ценностей, способствующих этому процессу [Уэллс, Бернет, Мориарти, 1999]. Роль социальной рекламы в воспитании социума, предупреждении поведенческих реакций и проявления мировоззрения, которые разрушают содержание ядерной зоны культуры, проявляется в намеренном формировании стереотипов, поддерживающих это содержание. Государство без морали не процветает [习近平, 2014]. В системе социалистических базовых ценностей Китая моральные ценности составляют доминирующий сегмент. Китай осуществляет политику, в соответствии с которой страна укрепляет духовную составляющую цивилизации, консолидирует идеологические и нравственные основы социальных процессов, активно претворяя в жизнь основные ценности социализма, что целенаправленно отражается в социальной рекламе.

Цель данной статьи – проанализировать некоторые способы поликодового представления содержания моральной ценности «культурность», стоящей сегодня в ряду основных ценностей страны, в китайской социальной рекламе. Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью выявления способов языкового репродуцирования содержания ценностей в китайском социуме, создания эффективных процедур психолингвистической диагностики воздействия

поликодовых текстов. Основные задачи исследования: установление психологически актуального для китайцев содержания социальной рекламы «культурность»; определение национально специфичных способов объединения гетерогенных компонентов поликодового рекламного текста, представляющего ценность «культурность». Китай – единственная на планете страна, где преемственность государственности и культуры сохраняется на протяжении пяти тысячелетий, и вежливости и этикету всегда уделяется серьезное внимание как традиционным добродетелям китайского народа, входящим в представление о культурности. Осмысление понятия 文明 (*культурность*) в китайском языке впервые представлено в книге «Чжоу И»: «见龙在田，天下文明», но интерпретация его содержания уже тогда не была однозначной. Так, известный ученый династии Тан Кун Ида дает такой комментарий к процитированной фразе: «天下有文章而光明也»: существует культурность – *система* этикета, которая бессознательно *заставляет* общество пребывать в состоянии грамотности и прогресса [цит. по: 冯时, 2012].

Слово 文明 переводится на русский язык двумя разными словами: *цивилизация* и *культурность*. Поскольку оба слова имеют широкий спектр значений, включая и научные интерпретации, подчеркнем, что мы понимаем цивилизацию как наиболее развитую культурная общность людей с высоким уровнем культурной идентификации, что отличает человека от других биологических видов [Хантингтон, 2003]. Культурность – это одобряемый обществом в пределах определенной культуры уровень духовного развития индивида, который выполняет функцию «защитного пояса культуры», что способствует безопасности личности. В китайской культуре все, что в человеке и обществе ведет к душевному равновесию, к всеобщей гармонии, соотносится с понятием культурности. Одновременно культурность требует от человека преодоления инстинктов и всех иррациональных форм проявления человеческой сущности [Айтбаева, Бегишева, Журкобаева, 2015]. Поэтому в китайском языке слово 文明 в широком смысле понимается как состояние социального прогресса, когда общество избавлено от периодов варварства и дикости; в узком смысле – как духовная культура каждого человека с точки зрения его личного поведения и привычек, вежливого отношения к коммуниканту в межличностном социальном взаимодействии. Но совершенно естественно,

что оба эти значения слова – отражение единства человека и общества: культурное состояние социума определяет социальную сущность каждого своего члена, а культурное поведение индивидуума определяет и духовное состояние общества. Без этого взаимодействия общество прекратило бы свое существование [李晓东, 2015]. Таким образом, культурность является важным признаком социального прогресса и реализует общие функции ценностей: стабилизирующую состояние социума и аксиологическую, способствующую возникновению системы стереотипов как моделей поведения, действий, оценок [Пищальникова и др., 2020].

На XVIII съезде КПК была подчеркнута необходимость активно распространять идеалы процветания, демократии, цивилизации и гармонии, отстаивать идеи свободы, равенства, справедливости и верховенства закона, воспитывать патриотизм, преданность делу, добросовестность и дружелюбие, а также активно культивировать и претворять в жизнь основные ценности социализма [胡锦涛, 2012], которые должны культивироваться государством, обществом и гражданами. Однако специфика субъекта внедрения ценностей в культуру определяет разные их коннотации: для страны – это высокоразвитая культура и высокая сознательность; для общества – это устойчивый, соблюдаемый всеми порядок, окружающая среда, способствующая процветанию культуры; для каждого гражданина – личный, индивидуальный культурный уровень.

«Культурность» как социальная ценность и ее репрезентация в рекламе: анализ и результаты

Очевидно, что повседневная жизнь социума далеко не всегда соответствует пропагандируемым идеалам и представлениям о социально приемлемых формах поведения индивидов. Поэтому социальная китайская реклама, ориентированная на широкие массы населения, активно включается в агитацию и пропаганду таких идеалов. Реклама, отражающая ценность «культурность», призывает быть аккуратным и вежливым человеком, привлекает внимание к различным проявлениям антикультуры, призывает к практическим действиям по повышению уровня воспитанности, вежливости, чистоплотности. Приведем примеры рекламных поликодовых текстов, представляющих ценность

«культурность», с целью анализа соотношения письменного и пиктографического элементов, направленных на репрезентацию определенного содержания.

Текст на рисунке 1 содержит рисуночные и вербальный компоненты, в качестве значимого элемента поликодового текста выступают также цвет, размер шрифта и композиция. Рисуночный компонент на переднем плане представлен простым и ясным символом: дерево со спиленными ветвями, но не погибающее, а, напротив, отрастившее обильные молодые побеги, покрытые густой листвой. Этот рисунок символизирует твердость, настойчивость, нескгибаемость характера человека, не сломленного невзгодами, и в целом качество нации, культура которой существует несколько тысячелетий, несмотря на многочисленные вторжения иноземных захватчиков, разрушение памятников культуры, массовые убийства китайцев. Остановившийся возле дерева человек на лошади внимательно разглядывает его. На втором плане даны стихотворные строки Кун Нина, которые эксплицируют представленную рисуночным компонентом мысль:

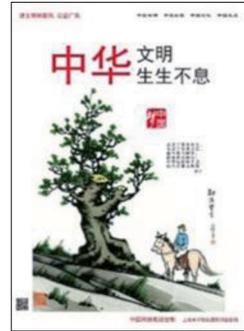

Рис. 1. Реклама
(1) ценности
«культурность»

走过了很多地方，见过了地老天荒。而今策马回望，泪水新诗两行：
中华民族根千丈，历经苦难又辉煌。 – «Побывал во многих местах и увидел все на свете. Теперь, подстегивая лошадь и оглядываясь назад, пролил две дорожки слез и написал две строчки стихов: китайский народ имеет «корни деревьев» на глубине тысячи метров, а потому он выдержит невзгоды и встретит славу»¹.

Они не акцентированы цветом и размером шрифта, поскольку их функция – указать на традицию, связывающую разные поколения китайцев, подчеркнуть незыблемость этих традиций, создать смысловую основу для восприятия и понимания слогана текста. Он повторяет мысль, представленную в пиктографическом и поэтическом элементах, в отчетливой прозаической форме:

中华文明，生生不息。 – Китайская цивилизация останется из поколения в поколение.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Ц.Ю.

Причем слово 中华 (*китайский*) обозначено самым крупным шрифтом и подчеркнута красным цветом: так подчеркнут субъект цивилизации и идея об избранности нации. Очевидно, что в смысловом отношении анализируемый текст является ассоциативно насыщенным, совмещая в себе различные способы представления разных составляющих доминантного смысла: (1) традиционный характер китайской культуры, укорененность ее в древних обычаях, поэзии, искусстве, (2) устойчивость китайской культуры в течение нескольких тысячелетий, (3) как следствие – необходимость ориентироваться на моральные устои, проверенные временем, (4) вера в возможность улучшения среды существования за счет повсеместного внедрения пропагандируемой ценности, вера в «китайскую мечту».

Завершенность графического пространства текста создается вертикальной строкой с правой стороны: «劫后重生» («После бедствия приходит возрождение»), – что, с одной стороны, отсылает реципиента к фразеологическому фонду языка, с другой – указывает на то, что ситуацию изменить не только возможно – ее динамика исторически неизбежна. Еще один вербальный компонент – подпись автора этого текста «子愷画» и дано изображение авторской печати. Кроме того, в этом рекламном тексте представлены две другие печати: в левом нижнем углу находится квадратная печать с надписью 缘缘堂 / Юань Юань Тан – название дома-музея автора, использованное впоследствии для названия сборника, Она указывает на то, что данный текст основан на оригинальном комиксе того же автора. Третья печать в центре имеет надпись 中国梦 (*китайская мечта*), что указывает на известную серию социальной рекламы. Все эти три печати являются печатями с белыми иероглифами на красном фоне, это иньские печати – печати с углубленной резьбой, используемые обычно в уставных и сдержанных стилях китайской каллиграфии. Печати рассматривают как аналог авторского клейма-подписи, и они являются специфическим элементом поликодовых китайских текстов [Цюй, 2021]. Кроме того, в левом нижнем углу поставлен QR-код, который содержит информацию об истории и идее этого рекламного произведения. Таким образом, современные технологии позволяют расширить смысловое пространство рекламного текста, ограниченного определенными заданными размерами, и позволяет людям узнать о нем больше. Еще один вербальный компонент, ограничивающий графическое поле

текста, расположен в левом верхнем углу, где красным цветом написано название этой серии социальной рекламы: 讲文明树新风 公益广告 (*быть культурным и создавать новые цивилизованные нормы*) – социальная реклама. В правом верхнем углу написано: «中国精神, 中国形象, 中国文化, 中国表达» (*китайский дух, китайский образ, китайская культура и китайское выражение*). В правом нижнем углу изображения обозначены технические изготовители данной социальной рекламы: красном выделено «Произведено интернет-телевидением Китая / материал предоставлен выставочным павильоном дома-музея Фэн Цзыкая в Шанхае».

Еще один пример обращения к социальной ценности «культурность» представлен на рисунке 2.

Этот текст является поликодовым, поскольку в нем для представления доминантного смысла используется не только собственно вербальный компонент, но и цвет, размер шрифта, композиция. Цветовое решение текста символически прозрачно: белое основное графическое пространство символизирует добро, мир, чистоту и святость. Красный цвет является самым активным цветом, символизируя энергию, радость, активность, и в силу своих специфических свойств оказывает на воспринимающего наиболее сильное воздействие, в том числе предупреждающее. На чистом белом фоне в центре графического поля изображены два больших иероглифа 文明 (*культурность*), значение которых подчеркнуто трижды: композиционным расположением, цветом, размером шрифта. Поскольку символика цвета в китайской культуре актуальна даже в обыденной коммуникации, такая тройная акцентуация графического компонента позволяет интерпретировать представленную ценность как важную и способствующую улучшению жизни, а намерения создателей рекламы – как искренние и чистые. Интересно использование графического компонента, обусловленное спецификой иероглифической письменности: в разрыв одного из компонентов иероглифа 文 вставлен

Рис. 2. Реклама (2) ценности «культурность»

закавыченный текст, который представляет черты культурного поведения: забота о пожилых и больных людях, инвалидах и беременных женщинах, защита окружающей среды, взаимопомощь. Под главным иероглифом тоже красным цветом написано «文明道德, 缺“一”不可», буквально: 'культурность и нравственность, ни на «один» меньше нельзя'. Закавыченное «один» в данном контексте не обозначает число, а указывает на единство двух понятий, подчеркивает, что одно предполагает другое и друг без друга они не существуют. Этот компонент композиционно, по цвету и заключению в кавычки перекликается с иероглифом 文. Так подчеркивается их смысловое единство и то, что если нарушается хотя бы один из способов культурного поведения, культурность перестает существовать. Последнее вытекает из структуры китайского иероглифа 文: если он пишется без горизонтальной черты, т. е. без элемента 一 (один), то это ошибка. Следовательно, акцентируется аналогия: исключение даже одного компонента из слова невозможно, как невозможна 文明 (культурность) без любого из перечисленных компонентов. В левом верхнем углу находится векторный рисунок, на котором изображен человек, толкающий другого человека в инвалидном кресле, а под ним написаны четыре китайских иероглифа 文明道德 (культурность и нравственность), подчеркивающие важность взаимопомощи в культурном обществе. В правом нижнем углу данного изображения обозначены изготовители данной социальной рекламы красным шрифтом: Бюро пропаганды и воспитания Отдела пропаганды ЦК КПК и сайт развития духовной культуры Китая. Это необходимый официальный компонент рекламы. Все красные компоненты текста имитируют стиль китайского традиционного искусства вырезания из бумаги, что делает текст более выразительным и усиливает его прагматический эффект.

Выводы

Исследованные поликодовые тексты позволяют выявить несколько усиливающихся тенденций в реализации социальной рекламы Китая.

Во-первых, увеличивается доля серийной рекламы, посвященной внедрению базовых ценностей в широкие массы населения. Во-вторых, в поликодовом тексте актуализируются традиционные

ценности и символы, составляющие основу китайской культуры. В-третьих, подчеркивается древность и устойчивость традиционных китайских ценностей, что стало обязательным смысловым компонентом социальной рекламы. В-четвертых, в поликодовых текстах китайской рекламы, наряду с такими известными компонентами, как цвет, планы изображения, размер графем и др., активно используется «эстетический потенциал» иероглифической письменности, традиционной китайской каллиграфии и других специфических эстетических форм (например, вырезание из бумаги). Реклама социальной ценности «культурность» объединяет все перечисленные приемы, используя в качестве фундаментальной основы традиционные пиктографические и вербальные символы, наглядно представляющие содержание ценности, опираясь на отражение ценностей в поэзии, представляя ценности в виде наглядных рисуночных образов. При этом все перечисленные средства направлены на репрезентацию доминантного содержания ценности, выполняющего функцию регуляции социально одобряемого / неодобряемого поведения. Важна и степень частотности социальной рекламы: печатная реклама распространена на городских площадях, остановках общественного транспорта и железнодорожных станциях, на стройплощадках и др. Создатели социальной рекламы активно используют новые технологии, которые хорошо сочетаются с традиционной печатной рекламой: так, в тексты добавляют QR-коды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уэллс У., Бернет Д., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. Санкт-Петербург: Питер, 1999.
2. 习近平. 核心价值观其实就是一种德 国无德不兴 = *Си Цзиньпин*. Основные ценности на самом деле являются одним видом морали, а государство без морали не процветает. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0505/c1024-24975911.html> (дата обращения: 03.04.2021). URL: https://baike.baidu.com/reference/13848938/89bczHYT2WOUgcPVsYpXZfiFZW81jmicnA_0PJTF1itndUaxdYw-kp96LT0Oyhfdy0VvgYeqK7Rg57p7P59IVll0QQGfQQGfEEujRXOzjvLfoaShzQ9V08 (дата обращения: 03.04.2021).
3. 冯时. 见龙在田 天下文明——从西水坡宗教遗存论到上古时代的天文与人文[J] = *Фен Ши*. В поле есть дракон: Поднебесная есть цивилизация – от суждения о религии в Сишуйпо до астрономии и человечества в древние времена // Вестник Пуянского профессионально-технического института. 濮阳职业技术学院学报. 2012. Вып. 25(03). С. 1–2.

4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2003.
5. Айтбаева А. Р., Бегисшева М. Б., Журкобаева А. Х. Проблема ценностей – основная проблема современности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 3–2. С. 270–272.
6. 李晓东. 社会主义核心价值观. 关键词: 文明[M]. 中国人民大学出版社. = Ли Сяодон. Основные ценности социализма. Ключевые слова: Цивилизация. Издательство Китайского народного университета, 2015.
7. Пищальникова В. А. [и др.]. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования / Пищальникова В. А., Дубкова О. В., Цун Фэнлин, Яо Чжипэн. Москва: Р.Валент, 2020.
8. Цюй Юнь. Способы репрезентации моральной ценности «добросовестность» в китайской социальной рекламе как поликодовом тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2 (844). С. 277–286.
9. 胡锦涛. 坚定不移沿着中国特色社会主义道路前进 为全面建成小康社会而奋斗——在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告[R]. 人民出版社 = Ху Цзиньтао. С неизменной твердостью продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества – Доклад на XVIII съезде КПК. Издательство Народа, 2012.

REFERENCES

1. Wells, U., Bernet, D., Moriarti, S. (1999). Reklama: principy i praktika = Advertising: Principles and Practice. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
2. 习近平. 核心价值观其实就是一种德 国无德不兴 = Xi Jinping. Core values are actually a kind of virtue, and the country will not prosper without virtue. (In Chinese). https://baike.baidu.com/reference/13848938/89bczHYT2WOUGcPVsYpXZfiFZW8Ijm-icnA_0PJTF1itndUaxdYw-kp96LT0Oyhfdy0VvgYeqK7Rg57p7P59IVII0QQGfEQGfEEujRXOzjvLfoaShzQ9V08 (date of access: 03.04.2021).
3. 冯时. (2012). 见龙在田 天下文明——从西水坡宗教遗存论到上古时代的天文与人文[J]. 濮阳职业技术学院学报 = Feng Shi. (2012). Seeing the Dragon in the Field and the Civilization under the Sky: From the Theory of Religious Remains in Xishuipe to Astronomy and Humanity in the Ancient Era. Journal of Puyang Vocational and Technical College, 25(03), 1–2. (In Chin.)
4. Hantington, S. (2003). Stolknovenie civilizacij = Clash of Civilizations. Moscow: AST. (In Russ.).
5. Aitbayeva, A. R., Begisheva, M. B., Zhurkobaeva, A. H. (2015). Problema tsennostey – osnovnaya problema sovremennosti = The problem of values – the

- main problem of modernity. Topical problems of the humanities and natural sciences, 3–2, 270–272. (In Russ.)
6. 李晓东. (2015). 社会主义核心价值观. 关键词: 文明 [M]. 中国人民大学出版社 = *Li Xiaodong*. (2015). Socialist core values. Keywords: civilization. People's University of China Press. (In Chin.)
 7. Pishchal'nikova, V. A., et al. (2020). Kartina mira kitajcev: teoriya i praktika nauchnogo issledovaniya = Chinese Image of the World: Theory and Practice of Research / Pishchal'nikova, V. A., Dubkova, O. V., Cun, Fenlin, Yao, Chzhipen. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
 8. Cyuj Yun' (2021). Ways of representing the moral value of «conscientiousness» in Chinese social advertising as a polycode text. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 2(844), 277–286. (In Russ.)
 9. 胡锦涛. (2012). 坚定不移沿着中国特色社会主义道路前进 为全面建成小康社会而奋斗——在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 [R]. 人民出版社 = *Hu Jintao*. (2012). Unswerving advance along the road of socialism with Chinese characteristics and endeavour to build a well-off society in an all-round way. Report at the 18th National Congress of the Communist Party of China. Beijing: People's Publishing House. (In Chin.)

Информация об авторе

Цюй Юнь – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Qi Yun – PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 821.111

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_214

ПОРТРЕТ В РОЛИ «СВИДЕТЕЛЯ» (на материале романов «Холодный дом» Ч. Диккенса и «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда)

М. И. Крупенина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Москва, Россия
psickozzza@gmail.com

Аннотация. В данном исследовании мы обращаем внимание на специфичный для британской литературы викторианской эпохи аспект мистических портретов. А именно: в произведениях английских прозаиков и поэтов 1840–1900-х гг. портрет выступает свидетелем некой криминальной тайны, причем свидетелем, чьи показания в итоге попадают в руки расследующей инстанции. Мы рассматриваем серию описаний меняющегося портрета леди Дедлок («Холодный дом») и портрета Дориана Грея (одноименный роман), а также их связь с последующей английской детективной традицией.

Ключевые слова: викторианский роман, Ч. Диккенс, О. Уайльд, мотив мистического портрета, портрет как свидетель криминальной тайны, портрет как источник показаний для следователя

Для цитирования: Крупенина М. И. Портрет в роли «свидетеля» (на материале романов «Холодный дом» Ч. Диккенса и «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 214–227. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_214

Original article

**PORTRAIT AS A «WITNESS»
(based on the novels «Bleak House» by Ch. Dickens
and «The Picture of Dorian Gray» by O. Wilde)**

M. I. Krupenina

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, psickozzza@gmail.com

Abstract. In the present study the author draws attention to a less studied aspect of mystical portraits, specific to British literature of the Victorian era. Namely, in the works of English prose writers and poets of the 1840s–1900s, the portrait is often presented as a witness of some criminal secret, whose testimony eventually falls into the hands of an investigating authority. We analyze a series of depictions of Lady Dedlock's («Bleak House») and Dorian Gray's (eponymous novel) changing portraits, as well as their connection with the English detective tradition.

Key words: Victorian novel, Ch. Dickens, O. Wilde, the motif of the mystical portrait, the portrait as a witness of a criminal secret, the portrait as a source of evidence for the investigator

For citation: Krupenina, M. I. (2021). Portrait as a «witness» (based on the novels «Bleak House» by Ch. Dickens and «The Picture of Dorian Gray» by O. Wilde). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 214–227. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_214

Введение

Мотив мистически меняющегося портрета давно известен мировой литературе и связан, в частности, с готической традицией. Для иллюстрации достаточно вспомнить произведения Э. Т. А. Гофмана, Н. В. Гоголя, Э. По, в которых мотив оживающего портрета перекликается с идеей вторжения темных, сверхъестественных сил в судьбу человека. О перекличках между русской и английской традицией изображения мистических портретов неоднократно говорили известные ученые, такие как М. П. Алексеев [Алексеев, 1978, с. 31], а также современные исследователи, защитившие диссертации в XXI веке (см., например, диссертации Е. И. Лившиц и В. Ю. Баль, а также приведенные в этих диссертациях библиографии) [Баль, 2011; Лившиц, 2001].

Разумеется, художественные описания таинственных портретов присутствуют не только в готической литературе. Нередко появление в повести или романе XIX века чьего-либо портретного изображения позволяло персонажам по-новому взглянуть на старого знакомого, лучше узнать его характер. К примеру, у Дж. Остен героиня романа «Гордость и предубеждение» («Pride and Prejudice», 1813) Лиззи Беннет по-новому видит мистера Дарси, когда рассматривает его портрет и слушает рассказ его экономки о славном характере хозяина. В этом случае портрет, не отмеченный никакими сверхъестественными чертами, побуждает героиню увидеть те особенности характера Дарси, которые были ранее скрыты от ее взора.

Английские авторы второй половины XIX века (Р. Браунинг, М. Э. Брэддон и др.) вводили в свои произведения сцены рассматривания портретов еще с одной целью: навести наблюдательного персонажа на след таинственного преступника. Откровение, приходящее к персонажу, созерцающему портрет, у них связано не просто с идентификацией отдельных черт характера изображенного: роль портрета здесь гораздо значительнее. Будь то изображение «последней герцогини» в драматическом монологе Р. Браунинга или тщательно скрываемый от чужих взоров портрет леди Одли – заглавной героини романа М. Брэддон, – рассматривание портрета проясняет для персонажа-«следователя» некую загадку: бросает свет на темное прошлое либо самого изображенного, либо на неприглядные деяния других героев. Таким образом портрет нередко включается в детективный контекст и, кроме того, оказывается наделен мистическими чертами.

Здесь мы остановимся на мотиве загадочного портрета в произведениях Ч. Диккенса «Холодный дом» («Bleak House», 1852/1853) [Dickens, 1977] и «Портрет Дориана Грея» («The Picture of Dorian Gray», 1890) [Wilde, 2004] О. Уайльда, где «живой» (т. е. меняющийся) портрет выступает как свидетель криминальной тайны, а порой – как очевидец преступления.

Меняющиеся черты портрета леди Дедлок

«Холодный дом», разумеется, – не единственное произведение Диккенса, где приводятся описания загадочных портретов. Однако

именно в этом романе портрет, как нам представляется, наиболее тесно смыкается с детективной тематикой.

Современному читателю может показаться сильным преувеличением акцентирование детективных черт в романе «Холодный дом». Между тем, именно в детективном ключе характеризуют это произведение Диккенса, предшествующее «Тайне Эдвина Друда», современные британские литературоведы. Так, авторы кембриджского руководства к викторианскому роману (2001) прямо называют «Холодный дом» «первым детективным романом Ч. Диккенса» (букв. 'Dickens's first detective novel') [Thomas, 2001, с. 172]. Сходных взглядов придерживаются и известные диккенсоведы, такие как Н. Брэдбери, который отмечает, что созданием романа «Холодный дом» Диккенс внес «значительный вклад в развитие детективной литературы» (букв. 'In *Bleak House* Dickens makes an important contribution to the development of detective fiction') [Bradbury, 2006, с. 160]. И вклад этот не сводится к простому набору элементов детективного повествования – обнаружение трупа Талкингхорна и появление полицейского инспектора Баккетта. В «Холодном доме», наряду с сенсационными линиями повествования (связанными, в частности, с темами незаконнорожденности, предательства, смены общественного статуса за счет выгодного брака и др. [Langland, 2011, с. 202; Rykett, 2011, с. 131]) весьма тщательно разработана связная детективная линия – загадочное преступление (убийство) влечет за собой тщательное расследование, осложненное новыми проступками персонажей. Эта детективная линия неоднократно становилась предметом подражания в литературе и кинематографе XX–XXI вв., а также предметом изучения литературоведов [Tsudama, 2020].

Таинственный портрет леди Дедлок, на котором мы сосредоточим внимание, связан сразу с несколькими сюжетными линиями романа «Холодный дом»: он выполняет важную роль и в сенсационной, и в детективной части повествования. Сочетание сенсационной и детективной тематики в одном произведении не является отклонением от английской литературной нормы того времени. Как отмечают исследователи, «В Англии середины XIX в. в результате скрещения готической литературы рубежа XVIII–XIX вв. <...> с так называемым нью-гейтским романом 1820–1840 гг. <...> появился новый вид романа – сенсационно-детективный, в котором сочетаются две

поэтики: литературы «мистической» и литературы «криминальной». Мастера классификаций дробят этот феномен на два жанра викторианской литературы: сенсационный роман и детективный роман. Найти четкий раздел между ними трудно, хотя теоретически возможно» [Халтрин-Халтурина, 2019, с. 14].

Сенсационная тема связана с предосудительным прошлым благополучной дамы, которая принадлежит аристократическому кругу и носит фамилию своего знатного мужа – Дедлок. Леди Дедлок, иронично охарактеризованная рассказчиком как «женщина бездетная» (гл. II), на самом деле хранит тайну, которая может разрушить не только ее репутацию, но и репутацию всего клана Дедлоков, «чья знатность, по-видимому, зиждется лишь на том, что они и за семьсот лет ровно ничем не сумели отличиться» [Диккенс, 1985, т. 7, с. 84]. В юности эта дама полюбила капитана Хоудона, от которого родила внебрачную дочь – Эстер Саммерсон (главная героиня «Холодного дома»), которую вскоре утратила и долгое время считала погибшей. Тайной прошлого леди Дедлок активно и независимо друг от друга интересуются два персонажа (своего рода следователи-любители): судебный клерк Гаппи и адвокат Талкингхорн. Оба, с разными личными целями, пытаются отыскать улики для подтверждения своих доводов о забытых родственных связях миледи.

Детективная тема романа берет начало с расследования нескольких преступлений и проступков разных лиц, причудливым образом связанных между собой. Расследование ведет профессиональный сыщик Бакет. Среди осмотренных им трупов – тело Талкингхорна (гл. XLVIII) и тело леди Дедлок (гл. LIX). Причем в гл. LV леди Дедлок фигурирует еще и среди подозреваемых по делу убийства шантажировавшего ее Талкингхорна.

Как сообщает рассказчик, по мере действий, предпринимаемых клерком Гаппи и адвокатом Талкингхорном, все глубже проникающим в историю леди Дедлок, ее портрет, висящий в особняке, преобразуется: то предстает в игре света, то погружается во тьму. Как это происходит?

Оба «любительских» расследования старой семейной тайны начинаются в седьмой главе романа. Сначала клерк Гаппи, по делу службы, приезжает в поместье Дедлоков и видит фамильные портреты. Портрет хозяйки дома приковывает к себе особое внимание: Гаппи

очарован им («fascinated by it») [Dickens, 1977, с. 78]. Разглядывая портрет миледи, Гаппи неожиданно для себя признает ее внешнее сходство с юной Эстер Саммерс и догадывается о тайной родственной связи между женщинами. В свою очередь, прибывший в поместье адвокат Талкингорн подмечает волнение леди Дедлок, когда та, просматривая принесенные им документы, приходит в необъяснимое волнение при виде почерка ее бывшего возлюбленного капитана Хоудона.

Вот как портрет, внимание к которому привлечено любопытным Гаппи, предстает глазам читателей в первый раз: «Холодный, ясный, солнечный свет... проникает в окна и кладет на портреты предков яркие полосы и блики, которые вовсе не входили в замыслы художников. На портрет миледи, висящий над огромным камином, он бросает широкую полосу, скошенную влево, как перевязь на гербе внебрачных детей, и полоса эта, изламываясь, ложится на стенки каминной ниши, словно стремясь расцечь ее надвое» [там же, с. 140]. Однако голос, описывающий портрет, принадлежит не юному клерку, а рассказчику. Именно рассказчик расставляет здесь смысловые акценты и, опираясь на игру светотени, выявляет скрытую внебрачную связь миледи – связь, которая уже почти физически, изломами и рассечениями, проникает в домашнюю атмосферу.

Гаппи не столь красноречив, как рассказчик. Он всегда рад любой личной выгоде, но шантажировать кого-либо – не в его правилах. Вот почему он обещает миледи «служить в ее интересах»: «Ваша милость, могу вас уверить, что образ мисс Саммерсон запечатлен в моем сердце <...> я тогда увидел столь разительное сходство между мисс Эстер Саммерсон и портретом вашей милости, что был прямо-таки ошарашен» [там же, с. 359]. Несмотря на эти откровения клерка, Миледи Дедлок остается внешне непроницаемой. Невозмутимой, как кажется, остается и окружающая ее обстановка. Никакие действия Гаппи, казалось, не могли «заставить даже деревья в Чесни-Уолде всплеснуть узловатыми ветвями, даже портреты нахмуриться, даже доспехи пошевелинуться» [Диккенс, 1985, т. 7, с. 362].

Гаппи несколько раз появляется в поместье Чесни Уолд при свете дня, и каждый раз портрет миледи описывается при дневном освещении. Никакой особой «зловещей» тени пока на портрете нет.

По-иному представлены попытки Талкингорна проникнуть в тайну миледи. Талкингорн, желает добыть информацию, чтобы

шантажировать леди Дедлок и, в конце концов, предать ее позору и публичному осуждению. Все его появления в доме происходят в темное время суток, что указывает на его нечестивые помыслы: «Вклинившись между нею и меркнувшим светом дня на утихшей улице, он отбрасывает свою тень на миледи и погружает во мглу все, что она видит перед собой. Вот так он потопил во мраке и всю ее жизнь» [Диккенс 1985, т. 7, с. 571].

Талкингхорн, в отличие от Гаппи, не рассматривает портрет хозяйки дома. Однако после визитов адвоката на портрете каждый раз сгущаются тени. Когда Талкингхорн признается леди Дедлок в том, что знает ее страшную тайну и собирается разоблачить миледи публично, ее портрет преобразается: на «портрет миледи, висящий над огромным камином, падает вещая тень какого-то старого дерева, и портрет бледнеет, трепещет, и чудится, будто чья-то огромная рука держит не то покрывало, не то саван, ожидая случая набросить его на миледи. Все темнее становится тень, все выше она поднимается по стене... вот уже потолок окутан красноватым сумраком... вот огонь погас» [там же, с. 497].

Меняющийся таким образом портрет леди Дедлок предвосхищает коварное нападение Талкингхорна на нее. Своим видом портрет свидетельствует о приближающейся беде. Разумеется, никто из героев не видит зловещих перемен, случающихся с портретом: о них знают лишь рассказчик и внемлющий ему читатель.

Даже после загадочной и насильственной гибели Талкингхорна (здесь из сенсационной модальности роман переходит в детективную) – гибели, к которой миледи не имела никакого отношения, ей казалось, что его рука – «рука палача касается ее шеи», ибо «тяжкое обвинение свалилось на нее как новая пытка» [там же, с. 147]. Миледи понимает, что публичного разоблачения ее внебрачной тайны ей не избежать – и поэтому предпринимает бегство, ведь «от этого преследователя – живого или мертвого, окостенелого и бесчувственного при жизни <...> нельзя спастись иначе как смертью» [там же, с. 665].

С момента бегства миледи комната с ее портретом погружается во мрак, который уже не рассеет никакой свет. Портрет замирает, лишается игры теней и света, становится похож на неподвижный памятник, вокруг которого тесно расставлены свечи. Вот последняя сцена с портретом уже погибшей леди Дедлок: «Большая часть дома заперта,

и посетителям его уже не показывают; но сэр Лестер, как и встарь, поддерживая свое одряхлевшее достоинство, возлежит на прежнем месте, перед портретом миледи. По вечерам свечи в гостиной горят только в этом углу, огороженным широкими экранами, но кажется, будто круг света мало-помалу сужается и тускнеет, и недалеко то время, когда и здесь воцарится тьма» [там же, с. 762].

Таким образом, портрет леди Дедлок в «Холодном доме» выступает не только как хранитель сенсационной тайны миледи, ее сходства с незаконнорожденной дочерью, ее клейма «внебрачности», но и как свидетель шантажа, жертвой которого сделалась эта бедная женщина. Сенсационную тайну портрет «выдает» любопытным соглядатаям наподобие Гаппи. Однако тайну, связанную с детективной стороной дела (преступное преследование со стороны адвоката Талкингорна), а также тайну судьбы (близящаяся гибель хозяйки портрета) не может постичь никто из персонажей: это знание доступно лишь рассказчику и следящему за его повествованием читателю.

Меняющиеся черты портрета Дориана Грея

Мистический портрет Дориана Грея у О. Уайльда тоже хранит на себе следы страшной тайны и нескольких преступлений. Как и в «Холодном доме», в романе «Портрет Дориана Грея» присутствуют сенсационно-детективные элементы. В частности, писатель привлекает внимание читателей к многочисленным грехам, казалось бы, благополучного общества. Здесь и опиумная зависимость, и тайные преступления, и запретная любовь и мн. др. [Schaffer, 2011, с. 620, 623]. В этом контрасте мнимой благополучности и скрытой порочности и есть сенсационность уайльдовского повествования.

Мотив меняющегося портрета красной нитью проходит через весь роман, соединяя в единое целое человека и предмет искусства, превращая этот портрет в некое почти мифическое существо [McCormack, 1997, с. 111]. С помощью портрета автор романа стремится выявить, сделать наглядным то зло, которое скрыто от поверхностных взоров. Здесь прослеживается еще одно пересечение с жанром сенсационного романа, где внешность главного героя не соответствует его характеру и внутреннему миру («In the sensational world <...> appearances do not match character») [Leighton, 2011, с. 551].

Выявить истинную натуру героя, которая долгое время остается непостижимой для многих его знакомых, помогает его портрет. Дориан, придя к «осознанию своей красоты», поглотившему все его мысли и чаяния, с прискорбием осознает свою человеческую брэнность, отмечая, что «жизнь, формируя его душу, будет разрушать его тело» [Уайльд, 1990, с. 25]. Испытывая к самому себе жалость, он готов продать душу дьяволу. Свое желание он выражает вслух: «Если бы старел этот портрет, а я навсегда остался молодым! За это... за это я отдал бы все на свете» [там же, с. 26]. С этого момента портрет становится не только некой заменой его телу (принимает на себя все следы дряхления), но и свидетелем / хранителем его тайной сделки с нечистым.

Впервые герой замечает серьезные изменения в своем облике на портрете, когда обманывает влюбленную в него актрису Сибилу Вэйн и проявляет к ней жестокость, в результате чего девушка совершает самоубийство. Дориан отмечает, что после этого события выражение лица на портрете существенно поменялось, а «в складке рта чувствовалась жестокость» [Уайльд, 1990, с. 76]. Все больше замечая на этом зеркале своей души «видимый символ разложения, наглядные последствия греха», Дориан догадывается о своей духовной гибели [там же, с. 80]. В намерении скрыть следы своего позора герой романа решает спрятать портрет от посторонних глаз. Он просит багетчика перенести картину под покрывалом на верхний этаж, куда ни у кого, кроме него самого, не будет доступа. Так, изначально предназначенный для публичного созерцания, портрет становится запретным для чьих-либо взоров. Он делается эквивалентом тайны Дориана: тайны его страшного падения. Выставлять напоказ следы своих проступков и пороков Дориан Грей не может.

Вину за ужасные перемены с портретом Дориан возлагает на своего бывшего друга – художника Бэзила Холлуорда, утверждая, что именно тот подпитывал его тщеславие. Однако истинным совратителем Дориана был отнюдь не художник, а коварный и эстетствующий лорд Генри, который всячески поощрял пороки и смущал Дориана, задаривая его сомнительной литературой и яркими безделушками. Встав на губительный путь, Дориан не видит иного способа достижения «того, что он считал красотой жизни», как только путем совершения зла [там же, с. 119].

Когда художник Бэзил Холлуорд, прослышав о проступках своего друга, отправляется к нему, чтобы разобраться в происходящем,

а заодно и взглянуть на свою старую работу – портрет Дориана, с этим полотном происходят новые мистические перемены. Портрет станет не только тайным свидетелем губительных перемен, отложивших отпечаток на душу Дориана, но и очевидцем страшного преступления – человекоубийства.

Дориан сообщает Бэзилу, что ведет дневник, в котором отражен каждый день его жизни – и открывает художнику мистически обезобразившийся портрет. «Крик ужаса вырвался у художника, когда он в полумраке увидел жуткое лицо, насмешливо ухмылявшееся ему с полотна <...> Под влиянием какой-то неестественно напряженной скрытой жизни портрета проказа порока постепенно разъедала его. Это было страшнее, чем разложение тела в сырой могиле» [Уайльд, 1990, с. 126]. Поняв, что он открыл Бэзилу всего себя, Дориан впадает в бешенство: «И вдруг в нем вспыхнула неукротимая злоба против Бэзила Холлуорда, словно внушенная тем Дорианом на портрете, нашептанная его усмехающимися губами» [там же, с. 126]. Дориан поражает Бэзила ножом, и портрет выступает как немой наблюдатель происходящего: «В тот же миг Дориан подскочил к нему [Бэзилу], вонзил ему нож в артерию за ухом, и, прижав, голову Бэзила к столу, стал наносить удар за ударом» [там же, с. 128]. Так, портрет не только является постоянным укором герою, продавшему душу, но и вызывает в нем постоянный страх разоблачения.

После убийства Бэзила портрет, изначально родившийся под кистью этого художника, начинает мстить убийце: становится главной уликой против Дориана: «Человек на портрете был все так же отвратителен, отвратительнее прежнего, и красная влага на его руке казалась еще ярче, еще более была похожа на свежепролитую кровь» [там же, с. 177]. Понять смысл этого зияющего кровавого пятна мог только любитель, взглянувший на портрет.

Теперь Дориан видит в портрете только ужасную улику, только свидетеля своих преступлений – и хочет избавиться от него как можно скорее [там же, с. 177]. Дориан вонзает в портрет нож. И тут происходит волшебное превращение: от ножа погибает сам герой, принимая на себя все видимые следы порока, все морщины, все уродство. Портрет же остается неповрежденным. Более того, он очищается от наносной уродливости и предстает таким, каким его некогда написал Бэзил Холлуорд.

Заключение

Мы рассмотрели мистические портреты в двух викторианских романах: «Холодный дом» Ч. Диккенса и «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда. В обоих произведениях портреты представлены как хранители неприглядной тайны, мучающей изображенных на них людей. Кроме того, портреты меняют свой облик, свидетельствуя о свершающемся преступлении. Так, в романе «Холодный дом» преступлением является губительный для миледи шантаж Талкинхорна, от которого тени на портрете постепенно сгущаются и начинают напоминать саван. А в романе О. Уайльда убийство художника, совершенное Дорианом, мистическим образом окрашивает несмываемыми кровавыми красками его портрет – и портрет становится главной уликой против убийцы.

Таким образом, в творчестве Ч. Диккенса и О. Уайльда, мотив мистического портрета как свидетеля порочных тайн и преступлений – свидетеля, способного открыть улики другим персонажам, разработан весьма детально. Портрет в обоих романах является ключевым звеном, скрепляющим цепь событий, связанных с преступлениями и расследованиями. Можно сказать, что Диккенс и Уайльд в своих романах, отмеченных сенсационно-детективными чертами, предвосхитили появление портретов в качестве «мистических свидетелей» в более поздней детективной литературе. Вспомним, к примеру, повесть А. Конан-Дойля «Собака Баскервиль» (1901–1902), где Шерлок Холмс, всматриваясь в фамильные портреты, догадывается о родстве некоторых, казалось бы, далеких друг от друга, героев романа – и благодаря этому выявляет мотивы преступления и окончательно идентифицирует преступника. Примечательно также восклицание Холмса при взгляде на портрет Хьюго Баскервиля – восклицание, которое слегка отдает мистикой: «Вот так и уверуешь в переселение душ!».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Алексеев М. П.* Чарлз Роберт Метьюрин и русская литература // От романтизма к реализму. Из истории международных связей русской литературы / отв. ред. академик М. П. Алексеев. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1978. С. 3–55.
2. *Баль В. Ю.* Мотив «живого портрета» в повести Н. В. Гоголя «Портрет»: текст и контекст: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011.
3. *Лившиц Е. И.* Английский контекст творчества Гоголя, Н. В. Гоголь и Ч. Р. Метьюрин: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.

4. *Dickens Ch.* Bleak House. Norton Critical Editions, 1977.
5. *Wilde O.* The Picture of Dorian Gray / with an introduction and notes by C. Cauti. NY: Barnes & Nobles Classics, 2004.
6. *Thomas R. R.* Detection in the Victorian Novel // The Cambridge Companion to the Victorian Novel / ed. by Deidre David. Cambridge University Press, 2001. P. 169–191.
7. *Bradbury N.* Dickens and the form of the novel // The Cambridge companion to Charles Dickens / ed. by J. O. Jordan. Cambridge University Press, 2006. P. 152–166.
8. *Langland E.* The Woman in White and the New Sensation // A Companion to Sensation Fiction / ed. by P. K. Gilbert. UK: Wiley-Blackwell, 2011. P. 196–208.
9. *Pykett L.* Mary Elizabeth Braddon // A Companion to Sensation Fiction / ed. by P. K. Gilbert. UK: Wiley-Blackwell, 2011. P. 123–133.
10. *Tsudama L.* Dickensian Realism in The Wire // Dickens after Dickens / ed. by E. Bell. White Rose University Press, 2020. P. 159–176.
11. *Халтрин-Халтурина Е. В.* От готики к детективу (Джейн Остен и британские иронические расследования) // Поэтика зарубежного классического детектива: коллективный сборник / отв. ред.: К. А. Чекалов, М. Р. Ненаорова. Москва: Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2019. С. 12–24.
12. *Диккенс Ч.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Холодный дом: роман / пер. с англ. М. И. Клягиной-Кондратьевой ; коммент. М. Урнова, Б. Томашевского и Д. Шестакова. Москва: Художественная литература, 1985.
13. *Schaffer T.* Aestheticism and Sensation // A Companion to Sensation Fiction / ed. by P. K. Gilbert. Wiley-Blackwell, 2011. P. 614–627.
14. *McCormack J.* Wilde's fiction(s) // The Cambridge Companion to Oscar Wilde / ed. by P. Raby. Cambridge University Press, 1997. P. 96–117.
15. *Leighton M. E., Surridge L.* Sensation and Illustration // A Companion to Sensation Fiction / ed. by P. K. Gilbert. Wiley-Blackwell, 2011. P. 540–558.
16. *Уайльд О.* Избранное / сост., послесл. и прим. Б. И. Колесникова, О. К. Поддубного; пер. М. Абкиной. Москва: Просвещение, 1990.

REFERENCES

1. Alekseev, M. P. (1978). Charlz Robert Met'jurin i russkaja literatura = Charles Robert Maturin and Russian literature. In Alekseev, M. P., Ot romantizma k realizmu. Iz istorii mezhdunarodnyh svyazej russkoj literatury (pp. 3–55). Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. (In Russ.)
2. Bal', V. Ju. (2011). Motiv «zhivogo portreta» v povesti N. V. Gogolja «Portret»: tekst i kontekst = The motif of the «living portrait» in N. V. Gogol's story «Portrait»: text and context): thesis of PhD in Philology. Tomsk. (In Russ.)

3. Livshic, E. I. (2001). *Anglijskij kontekst tvorcestva Gogolja, N. V. Gogol' i Ch. R. Met'jurin = The English context of Gogol's creative work, N. V. Gogol and Ch. R. Maturin: thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)*
4. Dickens, Ch. (1977). *Bleak House. Norton Critical Editions.*
5. Wilde, O. (2004). *The picture of Dorian Gray, with an introduction and notes by C. Cauti. NY: Barnes & Nobles Classics.*
6. Thomas, R. R. (2001). *Detection in the Victorian novel. In Deidre, D. (ed.), The Cambridge companion to the Victorian novel (pp. 169–191). Cambridge University Press.*
7. Bradbury, N. (2006). *Dickens and the form of the novel. In Jordan, J. O. (ed.), The Cambridge companion to Charles Dickens (pp. 152–166). Cambridge University Press.*
8. Langland, E. (2011). *The woman in white and the new sensation. In Gilbert, P. K. (ed.), A Companion to Sensation Fiction (pp. 196–208). Wiley-Blackwell.*
9. Pykett, L. (2011). *Mary Elizabeth Braddon. In Gilbert, P. K. (ed.), A companion to sensation fiction (pp. 123–133). Wiley-Blackwell.*
10. Tsudama, L. (2020). *Dickensian Realism in the wire. In Bell, E. (ed.), Dickens after Dickens (pp. 159–176). White Rose University Press.*
11. Haltrin-Halturina, E. V. (2019). *Ot gotiki k detektivu (Dzhejn Osten i britanskie ironicheskie rassledovanija) = From Gothic to detective (Jane Austen and British Ironic Investigations). In Chekalov, K. A., Nenarokova, M. R. (eds.), Pojetika zarubezhnogo klassicheskogo detektiva (pp. 12–24). Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)*
12. Dikkens, Ch. (1985). *Sobranie sochinenij = Collected works: in 10 vols. Vol. 7. Holodnyj dom = Bleak House: a novel, transl. by M. I. Kljaginoj-Kondrat'evoj; comments by M. Urnov, B. Tomashevskij i D. Shestakov. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)].*
13. Schaffer, T. (2011). *Aestheticism and sensation. In Gilbert, P. K. (ed.), A companion to sensation fiction (pp. 614–627). Wiley-Blackwell.*
14. McCormack, J. (1997). *Wilde's fiction(s). In Raby, P. (ed.), The Cambridge companion to Oscar Wilde (pp. 96–117). Cambridge University Press.*
15. Leighton, M. E., Surrige, L. (2011). *Sensation and Illustration. In Gilbert, P. K. (ed.), A companion to sensation fiction (pp. 540–558). Wiley-Blackwell.*
16. Uajl'd, O. (1990). *Izbrannoe = Selected works, compiled by B. I. Kolesnikov, O. K. Poddubnyj, transl. by M. Abkina. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.)*

Информация об авторе

Крупенина М. И. – соискатель при Отделе классических литератур Запада и сравнительного литературоведения Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН)

Information about the author

Krupenina M. I. – External PhD Student, Department of Classical Western Literature and Comparative Literary Studies A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 82.01

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_228

ЛИТЕРАТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ

М. Б. Раренко

Отдел языкознания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, Москва, Россия, rarenco@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен современной российской художественной литературы как социального инструмента, оказывающий важнейшее влияние на становление и развитие дискурса социальной гармонии в настоящее время в России наряду с социальной рекламой и социальным переводом. Литература интерпретируется как социокультурная система, претендующая на определение вектора развития общества. Описывается коммуникативный потенциал российской социально ориентированной художественной литературы на современном этапе, а также анализируются ее особенности.

Ключевые слова: дискурс социальной гармонии, социальная реклама, социальный перевод, социально ориентированная художественная литература, easy reading, массовая литература, процессы гуманизации

Для цитирования: Раренко М. Б. Литература как социальный инструмент // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 228–237. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_228

Original article

LITERATURE AS A SOCIAL INSTRUMENT

M. B. Rarenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION)
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
rarenco@rambler.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of modern Russian fiction as a social tool that has a major impact on the formation and development of the discourse of social harmony in today's Russia, along with social advertising and social translation. Literature is viewed as a socio-cultural system that claims to determine the vector of development in society. The communicative potential of the Russian socially oriented fiction is described, and its features are revealed.

Key words: social harmony discourse, social advertising, social translation, socially oriented fiction, easy reading, mass literature, humanization processes

For citation: Rarenko, M. B. (2021). Literature as a social instrument. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 228–237. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_228

Введение: понятие «литература»

Согласно дефинициям, приводимых сегодня в словарях современного русского языка, под «литературой» понимают: 1) «произведения письменности, имеющие общественное, познавательное значение», 2) «письменную форму искусства, совокупность художественных произведений», 3) «совокупность произведений какой-н. отрасли знания, по какому-н. специальному вопросу» [Ожегов, Шведова, 1999, с. 563]; 1) «всю совокупность научных, художественных, философских и т. п. произведений того или иного народа, эпохи или всего человечества», 2) «вид искусства, отличительной чертой которого является создание художественных образов при помощи слова, языка», 3) «совокупность произведений, посвященных проблемам какой-л. науки, отрасли знаний, специальности и т. п.» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 499]; 1) «вся совокупность научных, художественных, философских и т.п. произведений того или другого народа, эпохи или всего человечества», 2) «вид искусства, отличительной чертой которого является создание художественных образов при помощи слова, языка», 3) «совокупность печатных произведений какой-л. отрасли знания, по какому-л. специальному вопросу» [Словарь русского языка, 1986, с. 188]. В «Большой российской энциклопедии» литература трактуется как «вид худож. творчества, использующий в качестве материала язык и потому именуемый также искусством слова, словесным творчеством»¹.

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» литература понимается как «один из основных видов искусства – искусство слова», также отмечается, что под «литературой» в общем значении понимают «любые произведения человеческой мысли, закрепленные в письменном слове и обладающие общественным значением... Одна-

¹ Ромашко С. А. Литература // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2147211>

ко в обычном и более строгом смысле Л. называют произведения художественной письменности» [Кожин, 2001, с. 453].

В данной статье под литературой мы понимаем вид искусства, отличительной чертой которого является создание художественных образов при помощи слова, языка, а также всю совокупность произведений художественной письменности.

Литература как социокультурная система

Начиная с XIII века, а особенно со второй его половины, можно говорить о формировании литературной системы, т. е. института литературы. Как отмечают Л. Гудков и Б. Дубин, в этот период появляются «социальные структуры, гарантирующие писателю культурную (эстетическую) и социальную автономию» [Гудков, Дубин, 2020, с. 77], «складывается развитый книжный рынок, что обеспечивает автору материальную свободу от мецената» [там же], возникают фигуры эксперта и критика литературных произведений, с одной стороны, и «комментатора, преподавателя и хранителя традиций (ученого, университетского профессора), с другой, маркирующих литературную продукцию, исходя из разных целей, поскольку представляют собой ценности различных социальных систем – образование, церковь, государство, буржуазию, аристократию, журналистику, предпринимательский класс и пр.)» [Гудков, Дубин, 2020, с. 78].

Важной предпосылкой создания института литературы в этот период становится то, что люди начинают осознавать, что окружающая их действительность более не может восприниматься как целостная и идеальная. Как результат такого понимания, возникают многообразные формы рационализации и секуляризации общества, а проблемы жизнеустройства рассматриваются уже не в контексте объективного мира, а в связи с тем, какое место в нем занимает индивид. Субъективное начало индивида постепенно становится единственной точкой отсчета и центром упорядочения реальности, а литературное творчество начинает претендовать на статус культуры в целом, так как в отличие от других искусств (например, изобразительных) в сфере неспециализированного знания именно литература «имитировала подобие жизненного целого, создавая ... воображаемые миры, наделенные характеристиками временной, но замкнутой смыслом длительности»

[там же, с. 81], и как таковая задавать вектор дальнейшего развития общества, определяя его потребности и оценивая происходящие в нем процессы. Таким образом, начиная с XVIII века литература начинает восприниматься как обладающая мощным потенциалом общественная коммуникативная практика (инструмент), способная формировать и видоизменять общественное мировоззрение.

В XIX веке, особенно во второй его половине, когда основным художественным методом в западноевропейской и русской литературе становится реализм, отношение к литературе как социальному инструменту усиливается еще в большей степени. Основное внимание писателей оказывается сфокусированным на обличение социальных пороков общества и вопросах социальной несправедливости. «Униженные и оскорбленные» становятся главными героями романов известнейших беллетристов. Писатели-реалисты приобретают в обществе особый статус.

Помимо художественных текстов в XIX веке усиленными темпами развивается литературная критика – метатексты, призванные объяснить то, что хотят подчеркнуть в своих произведениях писатели (они сами также довольно часто выступают с критическими статьями, поясняющими свои творческие методы, воззрения, поступки персонажей и пр.).

Предпосылки к появлению современной российской социально ориентированной художественной литературы

В конце XX – начале XXI века в связи с резкими геополитическими, экономическими, социальными изменениями, вызвавшими изменения коммуникативных практик, наблюдается изменение вектора развития мирового литературного процесса. Фактически на протяжении всей своей истории развития художественная литература рассматривалась как в определенной степени как элитарное искусство, направленное часто на определенную социальную группу в силу ряда причин (в том числе и таких банальных, как отсутствие грамотности, невладение навыками чтения, не говоря уже об обладании определенными знаниями, необходимыми для декодировки сообщений, содержащихся в художественных произведениях, как это было у романтиков, например).

В конце XX века в западной литературе начинает складываться литературное направление, получившее название *easy reading* в противовес элитарной литературе модернизма и постмодернизма. Писатели нового литературного направления целенаправленно меняют адресата и обращаются к проблемам повседневности, волнующих представителей разных социальных слоев общества. Развиваясь в рамках массовой литературы, это литературное направление поднимает важные проблемы современности, такие как: (социальная) справедливость // несправедливость, межличностные отношения (в том числе между разновозрастными членами семьи), воспитание детей (включая детей с особенностями развития), границы социальной ответственности и пр. Важнейшей характеристикой литературы данного направления следует отметить не только указание (обличение) на существующую проблему, но и представление одного из возможных способов (рецептов) ее разрешения или, по крайней мере, попытки снизить возникшую социальную напряженность. Нередко писатели основываются на собственном жизненном опыте, как это происходит в романах современного британского писателя Ника Хорнби «Hi-Fi» (*High Fidelity*, 1995), («Мой мальчик» (*About a Boy*, 1998), «Как стать добрым» (*How to be Good*, 2002), «Футбольная лихорадка» (*Fever Pitch*, 1992), «Долгое падение» (*A Long Way Down*, 2005), «Смешная девчонка» (*A Funny Girl*, 2015) и др. (более подробно о творчестве Н. Хорнби см.: [Паренко 2006]).

В России книжный бум конца XX века выразился прежде всего в том, что огромными тиражами стала публиковаться самая разная литература на самый разный вкус – научная, публицистическая, художественная, в том числе переводная, в хороших и не очень переводах. Если ранее процесс издания книг был централизованным, планируемым и определяемым соответствующими государственными институтами, то теперь основным принцип стала добрая воля издателей. Благодаря этим процессам на российский рынок попало много достойных произведений (жаль, конечно, что качество перевода было не очень высоким, а в отдельных случаях отвратительным, поскольку зачастую переводы выполнялись в сжатые сроки и не всегда квалифицированными переводчиками) и много литературы низкого качества, которая, тем не менее, также нашла своего читателя. Со временем читательский спрос на определенную литературу снизился, а на отдельные серии и упал, и ситуация на книжном рынке стабилизировалась.

Сегодня интерес к переводной массовой литературе в российском обществе постепенно уступает место современной российской литературе, в центре внимания которой оказываются насущные вопросы повседневности, и постепенно формируется особое направление художественной литературы, которое мы предлагаем называть социально ориентированной. В отличие от развлекательного направления (например, детективы, как классические, так и создающиеся на границах других жанров – иронические, исторические, ретро- и пр.) художественная социально ориентированная литература выступает как социальный инструмент, задача которого заключается в том, чтобы снижать социальную напряженность в обществе, способствовать процессам гармонизации и стабилизации. И в этом отношении ее функция оказывается соположенной с функциями других современных социальных практик, таких как социальная реклама и социальный перевод.

Литература как социальный инструмент

Современная российская социально ориентированная художественная литература представлена как жанрами малой прозы – рассказами и повестями, так и крупной – романом.

Традиционно основными функциями литературы как словесного творчества считают следующие три: 1) эстетическую, 2) познавательную, 3) воспитательную. В разных жанрах эти три функции оказываются в разной степени выраженными. Так, в произведениях развлекательного жанра, к которым в первую очередь относят детектив, приключенческую литературу, научную фантастику, ненаучную фантастику (фэнтези) и пр., эстетическая функция трансформируется в развлекательную, становится основной и вытесняет остальные.

В современной российской социально ориентированной художественной литературе при сохранении эстетической, познавательной и воспитательной функций особенно важной становится функция гармонизирующая. Литературное произведение, или шире литература, выступает как образец для последующего воплощения в жизнь принципов мирного сосуществования людей с разными потребностями, особенностями здоровья, интересами, жизненными принципами. Воссоздавая на страницах своих произведений мира, писатели

наглядно показывают, что мирное сосуществование в обществе возможно, если люди приложат определенные усилия, пойдут друг другу навстречу, окажут посильную помощь, поставят себя на место других и постараются их понять. Читатель становится не пассивным объектом навязывания способа разрешения ситуации, а наблюдателем, который, воспользовавшись опытом «реальных» людей, приходит к пониманию, что есть действенный, работающий способ разрешения неприятной ситуации. Более того, читатель понимает, что он не является объектом манипулирования, а принимает решение исключительно самостоятельно.

Вне зависимости от жанра, сюжетная канва произведений современной российской социально ориентированной художественной литературы строится по одному и тому же принципу: предлагается некая социально осложненная ситуация, выступающая как источник тревог, обеспокоенности, забот, непониманий, затрагивающая интересы некоторого количества людей, в какой-то момент ситуация достигает своего апогея и грозит превратиться в катастрофу, однако в дальнейшем благодаря различным факторам (чаще всего поведению отдельного человека или группы людей) эта тревожная ситуация нейтрализуется, в результате достигается определенная гармония в обществе. Предлагаемый способ разрешения конфликта не представляется при этом как единственно возможный, а лишь как один из возможных. Часто читателю предлагается посмотреть на ситуацию глазами нескольких участников, с разных точек зрения, понять мотивы поведения разных вовлеченных в конфликт сторон. Повествователь выступает не как носитель абсолютной истины, но как размышляющий субъект, заинтересованный в установлении гармонии в обществе. Отметим, что писатели, создающие социально ориентированные произведения, не разрушают традиции, заложенные русской классической литературой, не игнорируют разработанные ранее художественные приемы (например, прием «точка зрения», введенный в оборот американским писателем Г. Джеймсом в конце XIX – начале XX века и получивший широкое признание, становится одним из наиболее востребованных, поскольку помогает описать ситуацию с разных точек зрения), а умело приспособливают их для своих целей.

Художественный прием, используемый в литературе подобного типа, воспроизводит прием социальной рекламы, заключающийся

в том, чтобы предложить адресату «инструмент», при помощи которого «плохое» способно стать «хорошим». Подобно тому, как в гетеросемантическом тексте социальной рекламы при помощи вербальных и визуальных средств показывается как «плохое», помещаемое рекламодателями в левую часть социального плаката, становится «хорошим», расположенным справа от адресата, так и то, что описывается повествователем в художественном тексте как «плохое», в конце концов, ко всеобщему удовлетворению, становится «хорошим». В первом случае пространственное размещение – слева направо, а во втором – временной фактор – «было – стало» – должны укрепить уверенность адресата в правильности принятого им решения. Таким образом, «руководство к действию» и в случае социальной рекламы, и в случае, описанном на страницах художественного произведения, может рассматриваться как социальный инструмент.

Следует, тем не менее, отметить принципиальное функциональное различие социальных инструментов, используемых в социальной рекламе и современной российской социально ориентированной художественной прозе. Как было неоднократно замечено нами, адресатом социальной рекламы выступает все общество в целом, поскольку социальная реклама точно охватывается все слои общества – родителей, детей, социально уязвимые группы граждан и пр. Размещаемые в местах скопления людей – в торговых центрах, поликлиниках, центрах социальной помощи, вдоль дорог и пр. – сообщения социальной рекламы фиксируются адресатами автоматически, усвоению информации способствует и гетеросемантический способ ее представления.

В случае с художественной литературой процесс получения информации происходит иначе. Прежде всего это осознанный способ получения знания, который заключается в изначальном желании потенциального читателя признать ситуацию, описываемую повествователем, как проблемную (как правило, чтению художественного произведения сегодня предшествует, хотя бы, чтение аннотации к книге, а также рекомендация человека, которому доверяешь, критическая статья и пр.). Также, как правило, усиление интереса со стороны читателя происходит в том случае, если «горизонты» читателя хотя отчасти совпадают с «горизонтами» писателя. Однако следует отметить, что художественно ориентированная социальная литература обладает,

хотя и точечным воздействием, но потенциально более сильным благодаря более глубокому анализу описываемой ситуации, способов ее разрешения, в отличие от социальной рекламы, которая, воздействия на широкую аудиторию, предлагает способы ее разрешения без какого-либо объяснения.

Заключение

В заключение следует отметить, что в современном российском обществе роль литературы как социального инструмента в последние несколько десятилетий вновь усиливается, но меняет свой вектор. В центре внимания оказываются конкретные (точечные, таргетные) проблемы повседневности, затрагивающиеся каждого человека, в то время как общефилософские проблемы, характерные, в частности, для русской литературы XIX в., отступают на второй план.

Важной характеристикой современной российской художественной социально ориентированной литературы, в основе которой лежат моральные ценности, такие как справедливость, порядочность, честность, любовь, сочувствие, сопереживание (эмпатия), готовность прийти на помощь и пр., является ее стремление поделиться «рецептом» решения проблемы, снизить остроту ее (проблемы) проявления, способствовать установлению в обществе гармонии, определенности и стабильности. Таким образом, можно подчеркнуть, что в определенной степени художественное произведение становится в ряде случаев руководством к дальнейшему действию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1986. Т. 2. К–О.
4. *Кожин В. В.* Литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. Москва: Интелвак, 2001. С. 453–457.
5. *Гудков Л., Дубин Б.* Литература как социальный институт. Москва: Новое литературное обозрение, 2020.

6. *Раренко М. Б.* Феномен литературы EASY READING и романы Ника Хорнби // Постмодернизм: что же дальше? (Художественная литература на рубеже XX–XXI вв.). Москва: ИНИОН РАН, 2006. С. 198–209.

REFERENCES

1. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Ju. (1999). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory Russian language dictionary*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
2. Kuznecov, S. A. (ed.). (2000). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Big explanatory Russian language dictionary*. St. Peterburg: Norint. (In Russ.)
3. Evgen'eva, A. P. (ed.). (1986). *Slovar' russkogo jazyka = Russian language dictionary: in 4 vols*. Moscow: Russkij jazyk. Vol. 2. K–O. (In Russ.)
4. Kozhinov, V. V. (2001). *Literatura = Literature*. In Nikoljukin, A. N. (ed.), *Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij* (pp. 453–457). Moscow: Intelvak. (In Russ.)
5. Gudkov, L., Dubin, B. (2020). *Literatura kak social'nyj institut = Literature as social institute*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
6. Rarenko, M. B. (2006). *Fenomen literatury EASY READING i romany Nika Hornbi = The phenomenon of easy reading literature and Nick Hornby's novels*. In *Postmodernizm: chto zhe dal'she? (Hudozhestvennaja literatura na rubezhe XX–XXI vv.)* (pp. 198–209). Moscow: INION RAN. (In Russ.)

Информация об авторе

Раренко М. Б. – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук

Information about the author

Rarenko M. B. – PhD (Philology), Senior Research Fellow, Centre for Linguistics, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 008.002 + 811

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_238

РУССКОЯЗЫЧНАЯ И КИТАЙСКАЯ БЛОГОСФЕРА КУЛЬТУРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В. М. Костева¹, Лю Юйхань²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,

¹vmkosteva@gmail.com

²719027619@qq.com

Аннотация. Статья посвящена представлению русскоязычной и китайской блогосферы культурной направленности. Авторы кратко прослеживают историю развития данных типов блогов, дают характеристику с точки зрения их содержания и представления информации, показывают основные отличия и сходство данных блогов в первом приближении. Результаты сопоставительного анализа позволили выявить несколько типов блогов культурной направленности, существующих в двух блогосферах, а также отметить их основное содержательное отличие.

Ключевые слова: блог, блогосфера, блоггинг, культура, просвещение

Для цитирования: Костева В. М., Лю Юйхань. Русскоязычная и китайская блогосфера культурной направленности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 238–248. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_238

Original article

RUSSIAN AND CHINESE CULTURAL BLOGOSPHERE

V. M. Kosteva¹, Liu Yuhan²

^{1,2}Moscow State Linguistic University

¹vmkosteva@gmail.com

²719027619@qq.com

Abstract. The article is devoted to the cultural presentation of the Russian and Chinese blogosphere. The authors briefly trace the history of the development of these types of blogs, describe them in terms of their content and ways of presenting information, show the main differences and similarities of these blogs. The results of a contrastive analysis made it possible to identify several types of cultural blogs that exist in two blogospheres, and to reveal the differences in their content.

Key words: blog, blogosphere, blogging, culture, education

For citation: Kosteva, V.M., Liu Yuhan. (2021). Russian and Chinese cultural blogosphere. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 238–248. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_238

Введение

Блог стал неотъемлемой частью жизни современного человека. Наличие огромного количества блогов разной направленности позволяет говорить о существовании блогосферы, под которой в общем и целом понимается вся совокупность существующих блогов. Не случайно понятие блогосферы сравнивают с атмосферой или ноосферой, имея в виду, прежде всего, представление о ней как о системе, отдельные элементы которой (блоги, блогеры, подписчики) находятся в различных взаимоотношениях. Исследователи современной интернет-лингвистики подчеркивают, что блогосфера – разветвленное сетевое мегаобщество, отражающее интересы людей разных социальных статусов [Бодалев, 2011].

Чтение блогов, выражение своего мнения в блоге – наиболее заметная тенденция последнего времени, имеющая межнациональный характер. Анализ блогов разной направленности стал предметом исследований ряда наук. Блоги анализируются социологами, политиками, журналистами, лингвистами, а также представителями других направлений науки, так что сейчас мы можем говорить о существовании особой социально-политико-философской парадигмы исследования блогосферы.

Исследования такого рода вносят вклад не только в развитие социальных наук, но и лингвофилософию, культурологию, теорию коммуникации и ряд других.

Новый вектор изучению данного феномена придают сопоставительные исследования блогосферы различных стран. В качестве примера можно привести несколько работ: «Функции блогосферы в РФ

и США в XXI века: сходства и различия» [Савенков, 2018], «Языковые особенности текстов англоязычной и русскоязычной блогосферы» [Ибраева, 2018].

Культура как неотъемлемая часть современной жизни также имеет свою блогосферу, насчитывающую тысячи блогов, посвященных той или иной ее стороне. Блоги культурной направленности оказывают огромное влияние на формирование культурного интереса, а также осуществляют просветительскую деятельность. В последнее время интерес исследователей блогов культурной направленности сосредоточен на изучении блогосферы определенного вида искусства. К числу таких работ относятся, например, статьи о современной блоговой театральной культуре [Белобров, 2018; Белобров, 2020], библиотека в блогах [Свергунова, 2019].

Однако на настоящий момент сопоставление блогосферы Российской Федерации и Китая, особенно в области культуры, практически не проводится. Этим объясняется актуальность данной статьи.

В центре внимания авторов находятся блоги культурной направленности Китая и России. Выбор объекта исследования объясняется как личными предпочтениями, так иными факторами, в частности тем, что такие типы блогов меньше подвержены «вымиранию», имеют большое количество подписчиков по сравнению с личными блогами. Мультимедийная среда предоставляет поистине безграничные возможности как для презентации произведений культуры, например, искусства и литературы, так и для их оценивая, что поддерживает интерес к блогам культурной направленности со стороны блогеров и их аудитории.

Развитие и современное состояние китайской блогосферы

Бурное развитие блогосферы в Китае началось в 2004 году. Результатом стало то, что уже через год некоторые китайские порталы, ранее выражающие определенный скептицизм в отношении блогового бизнеса, такие как Sina и Sohu, также стали ее частью. В 2005 году лексема «блог» («博客») стала одним из модных слов Китая. Значение блога для современной жизни Китая нашло свое отражение в высказывании Фан Синдуна – президента самой влиятельной платформы Blog CN (Blogchina.com). Упоминая определение блога, Фан Синдун сказал, что именно с этим вопросом он сталкивался чаще всего.

«Многие люди не понимают определения блога. На самом деле мой ответ на этот вопрос каждый раз разный. Я думаю, что блог – это дом, который каждый может спокойно создать в Интернете»¹. –提起博客的概念,方兴东坦言这是他遇到最多的问题。“许多人不清楚博客的概念,其实对这个问题我每次的回答也不一样。我认为博客就是每个人在网上自己的家,你可以随意布置的家。”²

Согласно отчету информационного агентства Синьхуа на конец декабря 2020 года, в континентальной части Китая насчитывалось около 94 млн блоггеров³.

В КНР существует несколько популярных социальных сетей, где размещаются блоги, в том числе культурной направленности. Одна из них – социальная сеть Douban. Несмотря на то, что она принадлежит к первому поколению социальных сетей (дата основания – 2005 год), сеть до сих пор пользуется популярностью. В ней зарегистрировано более 200 млн человек. Ядро его пользователей составляют жители больших городов Китая – офисные работники, студенты, фрилансеры, художники, имеющие схожий стиль жизни и интересы. Характеризуя Douban, отметим, что она соединяет в себе черты таких сервисов, как Amazon, IMDb.com, Blogger, MySpace, Pandora и Pinterest. Сообщества по интересам, существующие в Douban, можно разделить на несколько групп:

- раздел «Книги» (books) предназначен для размещения отзывов о книгах и их обсуждения;
- раздел «Фильмы» (movies) представляет из себя аналог IMDb.com. Здесь также размещаются отзывы на фильмы, обсуждаются свежие сплетни;
- раздел «Музыка» (music) – самый популярный раздел. Здесь молодые музыканты могут размещать и продвигать свои работы, что делает платформу похожей на MySpace.

Оставшиеся сообщества разделены по тематике, например: мода, развлечения, фотография, технологии и другие.

С учетом потребности населения Китая в простоте, скорости и актуальности информационного контента в 2009 году компанией Sina

¹URL:<http://news.eastday.com/eastday/xwjz/node121253/node121254/userobject1ai1889542.html>

²Перевод наш. – Лю Юйхань.

³URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-04/28/c_1125915967.htm

Согр был запущен коммерческий китайский сервис микроблогов Sina Weibo¹. Являясь своего рода гибридом между Твиттером и Facebook, сервис в настоящее время является одним из самых популярных в Китае. По состоянию на февраль 2013 год число пользователей сервиса составляет более 500 млн².

В 2012 году был запущен официальный аккаунт WeChat, представляющий собой публичную платформу для компаний, организаций, продавцов товаров, блогеров, селебрити и др. Его можно использовать для набора подписчиков, отправки сообщений и уведомлений, а также перенаправления пользователей со страницы в WeChat на официальный сайт компании.

Таким образом, в Китае блог, микроблог и официальный аккаунт WeChat фактически существуют одновременно, но на современном этапе публичные платформы Sina Weibo и официальный аккаунт WeChat являются основной частью сервиса WeMedia.

Отметим, что WeChat представляет собой бесплатное приложение, которое компания Tencent запустила в январе 2011 года для предоставления услуг обмена мгновенными сообщениями для смарт-терминалов. Пользователи могут использовать WeChat для быстрой отправки текстовой, голосовой и графической информации через мобильные телефоны, планшеты и другие терминалы. Согласно отчету WeChat User Ecology Research Report за 2017 год³, у 61 % пользователей WeChat основной целью является просмотр официальных аккаунтов WeChat, а 52,3 % используют официальные аккаунты WeChat для получения последней информации. Доля пользователей среднего возраста официальных аккаунтов WeChat составляют 86,2 %. Чтение в официальном аккаунте WeChat стало основным способом чтения для населения Китая молодого и среднего возраста, а сам аккаунт WeChat стал основной платформой для широкого распространения культуры. В официальном аккаунте есть зона для комментариев, которая реализует эффективную интеракцию и общение между читателями и авторами. Содержание официальных аккаунтов WeChat богато и разнообразно, информация обновляется ежедневно, и пользователи WeChat обычно находятся в сети 24 часа в сутки.

¹ URL: <https://weibo.com/overseas>

² URL: <http://www.cybersecurity.ru/net/170436.html>

³ URL: https://www.sohu.com/a/138987943_483389

Развитие и современное состояние российской блогосферы

Становление блогерской культуры в России пришлось на самый конец 1990-х, начало 2000-х годов. Блогеры, проводящие свои исследования, утверждают, что первые блоги были созданы в 2000-х годах на платформах, позволяющих размещать записи в формате дневников. К их числу относились Livejournal, Liveinternet, Diary и другие, менее крупные ресурсы. Через несколько лет блоги достигли пика популярности. При этом у каждого ЖЖ (Живой Журнал или LiveJournal) существовала своя возрастная и социальная аудитория, следующая своим форматам общения и неписанным правилам [Колозариди, 2019]. Живой журнал в России, с учетом существующей системы приглашений, был сообществом элитарным, в которое входила в основном интеллектуальная интеллигенция [Расторгуев, 2007, с. 15]. Темами для обсуждения становились политические события, представления своих произведений авторами, не имеющими возможности издавать свои произведения. Отметим, что этот формат не утратил своего значения до сих пор и занимает свою определенную нишу в современной системе блогинга. Для ведения блогов в России используют несколько разнообразных сервисов, например: Instagram, Telegram, ВКонтакте, YouTube, Facebook. Их использование определяется местожительством, личными предпочтениями блогеров и подписчиков, финансовыми условиями ведения блога и другими факторами.

Заметной тенденцией последнего времени стало создание видеоблогов. К одному из самых популярных в области кинематографа относится видеоблог Евгения Баженова – BadComedian¹, имеющего в настоящее время более 4 млн подписчиков.

Блогосфера культурной направленности

Краткий сопоставительный анализ русскоязычной и китайской блогосферы культурной направленности позволил нам выделить несколько типов блогов.

Первый тип мы можем определить как официальный блог учреждений культуры. К их числу относится, например, блог Государственной Третьяковской галереи². Эти блоги имеют особый корпоративный

¹ URL: <https://www.youtube.com/channel/UC6cqazSR6CnVMCIY0bJI0Lg>

² URL: <http://tretiyakovgallery.blogspot.com/>

дизайн, содержат большое количество иллюстрации, привлекающие внимание пользователя. Блоги ведутся специальной командой, а статьи, размещаемые в них, можно отнести к рецензиям или кратким информационным сообщениям на определенную тему. Материалы, размещаемые в блогах, авторы советуют использовать для подготовки к посещению экскурсии. Таким образом, блоги служат дополнительной информацией к выставочному проекту.

В Китае блоги культурных организаций в основном ведутся на платформе Sina weibo, у их главных страниц есть стандартная форма, а их дизайн заключается в соотношении фотографий и текста (M WOODS галерея 木木美术馆¹, Power Station of Art 上海当代艺术博物馆²). Некоторые музеи, например, музей Саньсиндуй (г. Гуанхан, провинция Сычуань)³ и музей Хэнань (г. Чжэнчжоу, провинция Хэнань)⁴ используют медиа-платформы для публикации коротких видеороликов и блогов, их примеру следует другие музеи.

Ко второму типу мы можем отнести блоги, созданные как отдельными блогерами, так и целыми коллективами единомышленников. Как правило, основной целью ведения таких блогов является просветительская деятельность, а также представление возможности творческим людям показать свои произведения, получить отзывы и стимулы к дальнейшей работе, а также сделать заказ на покупку. Часто такие блоги имеют своей целью продвижение определенных культурных проектов. Содержание таких блогов чрезвычайно разнообразно, это может быть размещение иллюстративного материала с кратким комментарием, авторские колонки, заметки и рецензии о культурных мероприятиях и книжных новинках. Ориентированию в блогосфере культурной направленностью помогают существующие в интернете списки блогов по литературе, живописи, кино, имеющие рекомендательный характер, как, например, «Шесть блогов в Инстаграме по культуре и искусству»⁵, «58 ресурсов для тех, кто хочет разбираться в культуре»⁶ и т. д. В Китае существует список популярных блогов

¹ URL: <https://weibo.com/u/5446215268>

² URL: <https://weibo.com/u/2949488427>

³ URL: <http://www.sxd.cn/>

⁴ URL: <http://www.chnmus.net/>

⁵ URL: https://vibirai.ru/articles/shest_blogov_v_instagram_pro_kulturu_i_iskusstvo-2525241

⁶ URL: <https://blog.mann-ivanov-ferber.ru>

культурной направленности 热门文化博客总检索¹, на специальном сайте² размещается их недельный рейтинг 文化每周博文排行榜.

Сходство и отличие китайской и русскоязычной блогосферы культурной направленности в первом приближении

Проведенный нами сопоставительный анализ позволил нам выявить несколько отличительных особенностей русскоязычной и китайской блогосферы, а также определенное сходство. Отличия касаются в первую очередь содержательной стороны блогов.

Китайские блоги в основном посвящены китайской культуре и ее специфике. Данный факт объясняется целями и установками государственной политики, а именно провозглашенной правительством Китая стратегией культурного строительства. Эта стратегия призвана возрождать и интегрировать китайскую культуру в мировую. На Третьем пленарном заседании XVIII Всекитайского съезда ЦК КПК было отмечено, что выход китайской культуры во внешний мир является наиболее эффективным средством для совершенствования китайской культуры и укрепления мягкой силы страны.

Руководители основных средств массовой информации заставляют блоггеров уделять больше внимания темам, связанным с китайским колоритом. Всё более заметной становится тенденция использовать медиа-платформы для оживления и возрождения китайской традиционной культуры. Количество блогов о западной культуре и других культурах в качестве основной части относительно невелико и имеет особую аудиторию. В последние годы популярными темами блогосферы являются национальная анимация, китайский рэп.

Особое место занимают блоги, посвященные русской литературе, музыке и театру. Интерес к русской культуре связан с трансфером культурных ценностей специалистами СССР в рамках помощи в построении социализма (1959–1960). По сей день такие произведения, как «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, «Буревестник» М. Горького и «Катюша» хорошо известны китайскому народу. Понимание и восприятие китайцами русской культуры сегодня не сильно отличается от того, что было несколько десятилетий назад. Основными читателями

¹ URL: <http://book.sina.com.cn/blog/list.shtml>

² URL: <http://blog.sina.com.cn/lm/top/cul/week.html>

блогов русской культуры являются молодые интеллектуалы, любящие литературу и искусство, или те, кто занимается русским языком.

Содержание русскоязычных блогов культурной направленности отличается многообразием тем, авторы обращаются как к общим темам, так и узкоспециальным. Среди них есть блоги, посвященные китайской культуре, например, Магазета¹, ЭКД².

Сходство блогов культурной направленности наблюдается в использовании языковых стилей. В официальных блогах КНР используется только официальный язык, а в блогах, созданных как отдельными блогерами, так и целыми коллективами единомышленников, допускаются разговорные варианты и инвективы. Аналогичную картину мы наблюдаем в российской блогосфере культурной направленности, при этом, как правило, мы можем говорить также о совершенно противоположных тенденциях. С одной стороны, во многих блогах мы находим употребление профессиональной лексики – как со стороны блогеров, так и их подписчиков. С другой стороны, блоги представляют собой единственное место, где допускается нецензурная лексика.

Сходен также формат представления материала: определенной схеме подчинены блоги официальных учреждений культуры, но и индивидуальные блогеры выбирают свой особый стиль подачи материала, который часто становится их «визитной карточкой».

Заключение

Сопоставительный анализ блогов культурной направленности показал как общие, так и отличительные черты данной отрасли русскоязычной и китайской блогосферы. С формальной точки зрения блоги на используемых платформах имеют одинаковую организацию, но отличаются по внутреннему дизайну, иллюстрациям и верстке текста.

Наибольшее различие мы обнаружили в содержательной части. Китайские культурные блоги обращают внимание на наследие традиционной культуры и привлекают внимание молодежи с помощью новых медиа – блогов. Русскоязычные блоги культурной направленности имеют широкий спектр тем и могут включать в себя как авторские тексты, так и фото- / видеоряд с комментариями или без них.

¹ URL: <https://magazeta.com/category/culture/>

² URL: <https://ekd.me/blog/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Бодалев А. А.* Блогосфера // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. 2011. URL: <https://vocabulary.ru/termin/blogosfera.html> (дата обращения: 22.03.2021).
2. *Савенков В. Д.* Функции блогосферы в РФ и США в XXI веке: сходства и различия // Социодинамика. 2018. № 3. С. 16–26.
3. *Ибраева А. Ф.* Языковые особенности текстов англоязычной и русскоязычной блогосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 2. С. 333–336.
4. *Белобров К. В.* Культурный интерес в современной блоговой театральной культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 35–43.
5. *Белобров К. В.* Кинообзоры на youtube как форма репрезентации интереса к кино // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 51. С. 70–75.
6. *Свергунова Н. М.* Библиотеки в блогосфере: современные тенденции // Научные и технические библиотеки. 2019. № 4. С. 28–36.
7. *Колозариди П. В.* Блогбастер: как устроена российская блогосфера. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2019/07/14_a_12470461.shtml?datesubscribe=18072019 (дата обращения 25.03.2021).
8. *Рассторгуев А.* Специальный доклад московского офиса компании Mmd. Не совсем самиздат. Взгляд на российскую блогосферу / под редакцией Стивена Лока. 2007. URL: <https://gtmarket.ru/files/research/Mmd-A-Look-at-the-Russian-Blogosphere.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).

REFERENCES

1. Bodalev, A. A. (2011). Blogosfera (Blogsphere). In: A. A. Bodalev (ed.), *Psihologija obshhenija. Jenciklopedicheskij slovar'*. <https://vocabulary.ru/termin/blogosfera.html> (date of access: 22.03.2021) (In Russ.)
2. Savenkov, V. D. (2018). Functions of the blogosphere in the Russian Federation and the United States in the XXI century: similarities and differences. *Sociodinamika*, 3, 16–26. (In Russ.)
3. Ibraeva, A. F. (2018). Linguistic features of texts of English and Russian blogosphere. *Philology. Theory & Practice*, 8(86), p. 2, 333–336. (In Russ.)
4. Belobrov, K. V. (2018). Cultural interest in contemporary theatre blog culture. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 5 (85), 35–43. (In Russ.)
5. Belobrov, K. V. (2020). Movie reviews on youtube as a representation of movie interest. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 51, 70–75. (In Russ.)

6. Svergunova, N. M. (2019). Libraries in blogosphere: Modern trends. Scientific and Technical libraries, 4, 28–36. (In Russ.)
7. Kolozaridi, P. V. (2019). Blogbaster: kak ustroena rossijskaja blogosfera = Blogbuster: how the Russian blogosphere works. https://www.gazeta.ru/comments/2019/07/14_a_12470461.shtml?datesubscribe=18072019 (date of access 25.03.2021). (In Russ.)
8. Rastorguev, A. (2007). Special'nyj doklad moskovskogo ofisa kompanii Mmd. Ne sovsem samizdat. Vzgljad na rossijskuju blogosferu = Special report of the Moscow office of Mmd. Not entirely self-published. A look at the Russian blogosphere. <https://gtmarket.ru/files/research/Mmd-A-Look-at-the-Russian-Blogosphere.pdf> (date of access: 15.02.2020). (In Russ.)

Информация об авторах

Костева В. М. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета

Лю Юйхань – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Kosteva V. M. – Doctor of Philology (Dr. habil.), Assistant Professor, Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Liu Yuhan – PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Научная статья

УДК 008+719

DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_249

АКТУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Е. Ю. Перова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
eperova71@list.ru

Аннотация. Охрана культурного наследия в наше время становится все более сложной, и вопрос ставится достаточно остро. Проблема требует постоянного и пристального внимания. При ухудшающемся состоянии многих объектов культурного наследия в мире значимость и ценность памятников культуры не уменьшается. Наряду с традиционными методами охраны памятников в настоящее время появляются новые пути развития этого направления, привлекающие не только возможности государственной культурной политики, но и частный сектор. Каждый человек является соучастником или наблюдателем этого процесса и призван внести свою лепту в сохранение прошлого, культурной памяти для будущих поколений.

Ключевые слова: охрана культурного наследия, памятник культуры, образ территории, историко-культурный потенциал

Для цитирования: Перова Е. Ю. Актуальные стратегии в области охраны культурного наследия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 249–258. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_249

Original article

ACTUAL STRATEGIES IN THE FIELD OF CULTURAL HERITAGE PROTECTION

E. Yu. Perova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
eperova71@list.ru

Abstract. Nowadays the protection of cultural heritage is becoming more and more complex, and the issue is being raised quite urgently. The problem requires constant and close attention. The significance and value of cultural monuments do not decrease though the conditions of many cultural heritage sites in the world are deteriorating.

Along with the traditional methods of monument protection the new ways of developing this direction are emerging now, attracting not only the possibilities of state cultural policy, but also private sector. Every person is a participant or an observer of this process and is intended to contribute to the preservation of the past, cultural memory for future generations.

Key words: protection of cultural heritage, cultural monument, image of the territory, historical and cultural potential

For citation: Perova, E. Yu. (2021). Actual strategies in the field of cultural heritage protection. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 249–258. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_249

Введение

Актуальность охраны культурного наследия связана с исторической памятью, обеспечивающей преемственность поколений и их связь. В настоящее время многие исторические и культурные памятники уничтожаются, в основном в результате военных действий и коммерческих интересов, а также могут быть утрачены в процессе некачественной реставрации.

Достаточно распространено уничтожение памятников культуры в результате хозяйственной или коммерческой деятельности. Одна из самых острых проблем – это необоснованный и даже незаконный снос исторических памятников. Очевидно, что качественная реставрация требует больших вложений и профессиональных усилий, чем строительство новых зданий. Существует Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», где отмечена необходимость привлечения специалистов в данной области для научной реставрации. Однако требования законодательного уровня не всегда соблюдаются, прежде всего, это связано с застройкой в охранных и примыкающих к ним, в том числе природных зонах. Значение этого фактора и соответствующее направление исследований в мировой науке впервые начал обосновывать академик Д. С. Лихачев, назвав его «экологией культуры» [Лихачев, 2006]. Одним из требований данного подхода является сохранение памятника в его историко-культурном контексте. В настоящее время это научное направление расширяется, и появляются исследования в области «экологии языка» и «эколингвистики».

Определенные трудности в настоящее время связаны и с несанкционированным поиском в зонах археологического наследия. Так называемые «черные копатели» разрушают значимые объекты с целью обогащения. Это явление в мировой культуре имеет многовековую историю.

Еще одна проблема связана с тем, что многие объекты, которые могли бы иметь статус «объекта культурного наследия», малоизвестны и не до конца изучены и описаны. В основном это касается отдаленных от центра регионов. Так, в ушедшем столетии долгое время многие усадьбы постепенно приходили в запустение и разрушались.

Помимо перечисленного необходимо отметить, что не всегда человек виноват в разрушении объектов культурного наследия. Особую роль в ухудшении их состояния играют экология и природные явления. Например, загрязнение воздуха может привести к формированию химически агрессивной для материалов среды. В целом северные регионы из-за климатических условий больше подвержены разрушению памятников архитектуры.

Пристального внимания и защиты в наше время требуют не только объекты материальной культуры, но и многое из того, что связано с нематериальной культурой. Так, в уязвимом положении находится культура коренных малочисленных народов, в том числе языки, носителей которых остается все меньше (языки не являются государственными, не преподаются в учебных учреждениях, в результате чего и сами коренные народы начинают утрачивать знания родного языка).

Обеспечение сохранности объектов культурного наследия в настоящее время зависит от выстраивания векторов государственной культурной политики с учетом современных социально-экономических условий развития регионов, особенностей культурных традиций народов как в России, так и в мире.

Современные векторы развития охраны культурного наследия

В течение долгого времени одной из самых распространенных практик сохранения культурного наследия в мире была консервация их в музейном пространстве. Современные подходы к обеспечению сохранности памятников связаны с их эффективным использованием. Экономическая составляющая связана с историко-культурным

потенциалом памятника, с одной стороны, и с разработкой экономических программ в данном регионе в целом, с другой стороны. Охранные меры вписываются в комплексное развитие потенциальных ресурсов регионов, например, создание локальных брендов для привлечения туристов.

Среди основных современных направлений в области охраны памятников в мире можно выделить следующие: приватизация памятника с дальнейшими обязательствами в отношении его охраны и содержания; развитие объекта в контексте культурного и познавательного туризма; использование «ауры» или «гения места» для привлечения инвестиций и развития региона; трастовая система и др. При этом сохраняются традиционные методы охраны, использования и атрибуции памятника в музейном пространстве.

Процесс приватизации объектов культурного наследия в странах ЕС определяется не в последнюю очередь и освобождением государства от обязательств по реставрации и содержанию отдельных объектов, так как реставрация обходится дороже, чем новое строительство. Поэтому в европейских странах используется метод стимулирования – владельцы памятников получают определенные субсидии и льготы (например, по налогу на недвижимость, отсрочку или освобождение от уплаты налогов, условия предоставления кредитов и т. д.).

В связи с этим памятники культурного наследия – это привлекательные объекты для инвестиций, которые, в свою очередь, помогают сохранить памятники в требуемом состоянии. Вместе с тем нередкими стали случаи, когда объекты реконструируются, изменяется их облик с целью увеличения их дальнейшей стоимости в процессе эксплуатации. Подобные тенденции приводят к утрате подлинного вида того или иного объекта культурного наследия.

Кроме того, те или иные памятники для представителей данной культуры служат своеобразными символами событий, значимых для исторического развития их общества. Для представителей иных культур знакомство с ними дает возможность расширения исторического кругозора, а также «узнавания» своей культуры при сопоставлении с другой.

Однако в истории завоеваний и современных геополитических процессах очевидна опасность уничтожения памятников культуры Другого. Несмотря на международное законодательство, деятельность ЮНЕСКО и других организаций, памятник культуры может быть

утрачен по причине, например, идейного неприятия смыслового контекста, с которым он связан. В связи с этим продолжает развиваться и законодательное направление в данной области. Охранные меры имеют особенности в зоне приграничных территорий, на которых находятся памятники различных культурных традиций [Проскурина, 2017].

Доказательством осознания важности охраны культурного наследия мировой общественностью являются международно-правовые акты, которые были приняты во второй половине XX века вследствие масштабных разрушений в годы Второй мировой войны: Конвенция об охране культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954 год), Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (1970 год), Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 год) и др.

На настоящий момент международное сотрудничество в области сохранения культурного наследия связано с комплексом нормативных документов, использованием статистических методов в данной сфере деятельности, кадастрами, региональными и национальными картами культурных ресурсов. Охранная политика подразумевает изучение потенциальной опасности для объекта при изменении его юридического статуса, что связано с категорией охраны.

В области охраны культурного наследия на международном уровне осуществляется взаимодействие различных организаций, таких как Всемирная таможенная организация, Интерпол, Всемирная организация интеллектуальной собственности, Международный совет по охране памятников и исторических мест, исследовательские центры и др.

Кроме государственных органов, деятельность по охране памятников культуры осуществляется, как правило, национальными и международными неправительственными организациями, включая фонды, деловые, благотворительные, религиозные и профессиональные организации. Однако роль граждан всегда оставалась значимой. Именно неравнодушными людьми создаются инициативы, нацеленные на поддержание и спасение того или иного культурного феномена. Так, например, в Латвии существуют народные сообщества изучения ливского языка и сохранения ливской культуры. Ввиду ассимиляции в сторону латышского языка и культуры ливский язык вымирает, в настоящее время нет жителей региона, для которых он является родным.

Подобные тенденции особенно актуальны и для северных регионов. На сегодняшний день существует несколько десятков коренных северных народов, принадлежащих к нескольким языковым группам. Их традиционный уклад жизни также рассматривается как предмет особого внимания и охраны нематериального культурного наследия.

В начале нового тысячелетия в области сохранения культурного наследия разных стран актуализировалась роль негосударственного сектора, частных инициатив и национальных трастов. Еще в XIX веке в Западной Европе началось международное движение негосударственных общественных организаций с целью сохранения культурных ценностей и было названо «национальным трастом». Трасты главным образом характеризуются как негосударственные, благотворительные и некоммерческие организации по охране культурного наследия, что дает им возможность освободиться от государственных налогов. Несмотря на то, что траст может быть создан на основе законодательства, получить государственное финансирование, он должен быть независимым от правительственного влияния в отношении своих действий. За почти двести лет, к XXI веку, трасты увеличили количественные показатели членства и фондов в 76 странах мира. Нет точного определения понятия «национальный траст», поскольку различные организации мира, признаваемые национальными трастами, развивались в своих особых обстоятельствах и имеют свою самобытную систему управления, но существуют принципы, общие для всех трастов: 1) структура гражданского общества, направленная на сохранение наследия с широкими возможностями членства, основанная на общине и созданная для общественных интересов, целью которой является не только сохранение культурного наследия, но и практическое управление последним; 2) организация, лишенная партийной принадлежности; 3) организация, открытая для всех членов общества и имеющая образовательно-воспитательное значение.

Так, например, Национальный траст Великобритании, сформированный в 1895 году гражданскими активистами (О. Хилл, Р. Хантер и др.), постепенно определяя свои стратегии, стал самым авторитетным негосударственным учреждением, цели которого связаны с сохранением культурного наследия. Международное движение национальных трастов во второй половине XX века постепенно расширилось по миру и включает сегодня Австралию, Барбадос, Канаду,

Корею, Мальту, Нидерланды, Тайвань, Зимбабве и многие другие страны. Начиная с 1970 года трасты разных уголков мира объединялись для обмена информацией, лучшим опытом, решения общих проблем под эгидой «Международной конференции национальных трастов» (International Conference of National Trusts).

Одним из важных направлений поддержания и сохранения культурного наследия являются международные культурные обмены. Как правило, это оплачиваемые волонтерские программы, обеспечивающие проживание и проезд. Молодежные движения, связанные с охраной культурного наследия, в настоящее время – достаточно распространенное направление деятельности в России и в мире.

Сегодня международное сообщество в рамках многочисленных конвенций, деклараций и форумов подтверждает необходимость взаимодействия в области охраны культурного наследия и активности негосударственного сектора развития в данной сфере, подчеркивая, что изоляция местных общин является вызовом для любой масштабной программы сохранения культурного наследия.

Осмысление проблемы охраны культурного наследия в современном научном пространстве

К настоящему моменту есть возможность проследить динамику востребованности данной проблемы и ее смысловые акценты за последние десятилетия. Аспекты изучения проблемы охраны культурного и природного наследия связаны с историческим контекстом. В советский период при относительной стабильности деятельности соответствующих организаций внимание обращалось, как правило, на обсуждение конкретных задач в ходе реставрации отдельных объектов. В процессе работы над масштабными уникальными ансамблями в этот период в сфере реставрации были сделаны открытия, связанные с консервацией памятника, технологией восстановительных работ. Постперестроечный период в отношении внимания к охране памятников культуры может быть сравним отчасти с постреволюционным периодом. Это объясняется количеством разрушенных памятников, ансамблей, в целом культуры каждого предшествующего периода и, как следствие, активной деятельностью энтузиастов, связанной с описанием, фотофиксацией, сохранением (по возможности) и реставрацией

памятников. Так, например, 1920-е годы впоследствии были названы «золотым веком» отечественного краеведения; а в начале XXI века в России появляются движения за сохранение культурного наследия и общественные организации, например, «Архнадзор» в Москве, «Живой город» в Петербурге и др., деятельность которых связана с содействием присвоения памятнику статуса охранного, с восстановлением отдельных памятников, с публикацией списков памятников архитектурного наследия, находящихся под угрозой сноса или уже утраченных и т. д. В отдельных случаях, установленных Федеральным законом, могут приниматься решения о включении или исключении объекта из реестра памятников культурного наследия, о смене категории историко-культурного значения и др. В связи с этим появляется ряд публикаций, освещающих именно этот ракурс исследований.

Контекст изучения и понимания культурного наследия расширился во второй половине XX века. Понятие «мест памяти» (П. Нора) связано с образом территории и включает в себя не только существующий объект материальной культуры, но и памятные события повседневной культуры, сопряженные с определенным местом, в связи с чем сохраняется особая атмосфера, привлекающая к себе внимание; в наше время большой процент туристических потоков связан именно с этим.

Следующая волна публикаций, посвященная охране культурного наследия, затрагивает, с одной стороны, законодательные аспекты, с другой стороны, отражает возрастание внимания к региональным памятникам, изучению историко-культурного потенциала отдельных памятников и регионов и стратегиям культурной идентичности на фоне процессов глобализации (большое количество статей выходит в 2010–2015 годах). А. Мазенкова в статье «Эволюция понимания культурного наследия – история и современность: региональный аспект» выделяет несколько групп трактовок культурного наследия: как информационно-культурный феномен; с точки зрения правовых отношений в обществе; использование культурного наследия в качестве инструмента экономических отношений [Мазенкова, 2013].

В настоящее время акцент в научном освещении проблемы смещен на связь памятника культуры с туристическим менеджментом, экономической сферой, что характеризует картину мира общества потребления.

Памятники культуры часто представляют собой символ национальной, региональной и/или религиозной идентичности. Поэтому

культурное наследие может быть по-разному интерпретировано в отношении различных культур и политических интересов. Мнения о том, что должно быть сохранено и как это сделать, часто оказываются резко противоположными как внутри страны, так и между субъектами из разных культурных слоев. Вмешательство в вопросы сохранения культурного наследия затрагивает не только вопросы технического или эстетического характера, но также этические, касающиеся ответственности по отношению к Другому, последующим поколениям и природной среде.

Заключение

Современные стратегии культурной политики во многом связаны с укреплением национальной, гражданской, этнической и региональной идентичности. Этим определяются и стратегии в области охраны культурного наследия, с одной стороны, и, с другой стороны, – экономическим фактором, предполагающим не только консервацию, реставрацию и охрану памятника, но и его активное использование. Поэтому современные векторы в этом направлении связаны с комплексным подходом, объединяющим востребованность туристических брендов, изучение исторического контекста «мест памяти» (П. Нора) и сохранение памятника в его историко-культурном контексте, привлечение не только государственных, но и частных возможностей (например, в виде трастовых систем, приватизации и других практик) в области охраны памятников культуры. Возрастает понимание идентификационного потенциала памятников регионального значения.

При этом ситуация остается напряженной, хрестоматийные памятники мировой культуры безвозвратно погибают в ходе военных конфликтов; демографическая ситуация среди коренных малочисленных народов создает опасность исчезновения языков, диалектов, фольклорного наследия и т. д. В наше время сохранение памятников культуры связано с глубинными стратегическими векторами развития государств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Лихачев Д. С.* Экология культуры // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: к 100-летию Д. С. Лихачева : [в 3 т.] / Институт русской

- литературы (Пушкинский Дом), Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева. Санкт-Петербург: АРС, 2006. Т. 2. С. 309–325.
2. *Проскурина Н. В.* Историко-культурный потенциал развития приграничных территорий // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации / под ред. Л. Б. Вардомского, Л. И. Попковой, Цезары Мадры. Курск, 2017. С. 26–29.
 3. *Мазенкова А. А.* Эволюция понимания культурного наследия – история и современность: региональный аспект // Национальные приоритеты России. 2013. № 1 (8). С. 27–36.

REFERENCES

1. Likhachev, D. S. (2006). E`kologiya kul`tury` = Ecology of culture. St. Petersburg. (In Russ.)
2. Proskurina, N. V. (2017). Istoriko-kul`turny`j potentsial razvitiya prigranichny`kh territorij = Historical and Cultural Potential for the Development of Border Territories. Kursk. (In Russ.)
3. Mazenkova, A. A. (2013). E`volyucziya ponimaniya kul`turnogo naslediya – istoriya i sovremennost` : regional`ny`j aspekt = Evolution of understanding of cultural heritage – history and modernity: regional aspect. Omsk. (In Russ.)

Информация об авторе

Перова Е. Ю. – кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Perova E. Yu. – PhD (Culturology), Associate Professor, Associate Professor
at the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.06.2021; одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 02.07.2021

The article was submitted 01.06.2021; approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 02.07.2021

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanities
Выпуск 9 (851)	Issue 9 (851)

Ответственный редактор выпуска 9 (851)
доктор филологических наук доцент Н. Н. Германова

Редактор М. М. Сингал
Верстка Ю. Л. Герасимовой
Дизайн обложки А. Г. Проскурякова

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 29.11.2021
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 21,7.
Заказ № 100/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.